

Не властью большинства

Принятие решений без голосования в Религиозном обществе
Друзей

Майкл Ширан

Beyond Majority Rule: Voteless Decisions in the Religious Society of Friends,
by Michael J. Sheeran

На английском языке впервые опубликовано Филадельфийским годовым собранием,
1983 г. ISBN 0-941308-04-9

Перевод: Сергея Грушко

Редактор: Наталья Журавенкова

Переведено и опубликовано при поддержке благотворительного фонда *The Joseph Rowntree Charitable Trust*.

Эта книга посвящается моему отцу, Лео Ширану.

Об авторе

Майкл Ширан – священник-иезуит. Религиозное общество Друзей заинтересовало его в 1968 году, когда он занимался изучением религиозных сообществ, практикующих коллективное распознавание – метод принятия решений, который Орден Иезуитов тоже использовал во время своего основания в 1540 году, однако последующие поколения утратили этот навык. Во время работы над докторской диссертацией на кафедре политических исследований Принстонского университета он вернулся к этой проблеме и в течение двух лет проводил беседы, читал и наблюдал работу участников процесса, основанного на традиции коллективного распознавания при принятии решений, взяв за образец квакеров из Филадельфийского годового собрания.

Майкл Ширан родился в 1940 году. В 1957 году в Флориссанте, штат Миссури (США), он вступил в Общество Иисуса. С тех пор он занимается преподавательской деятельностью в школах и колледжах иезуитов на Среднем западе США. В данный момент [1991 г., – прим. пер.] он является вице-президентом по учебным вопросам в колледже Реджис, Денвер (штат Колорадо). В свободное время он обучает людей тому, как молиться, и помогает группам принимать решения через общий поиск религиозного мира; такой процесс ведет их к совместному распознаванию, а не через власть большинства.

О книге

Ученые-квакеры, такие как Каролайн Стивен, Руфус Джонс, Говард Бринтон, Хью Донкастер и Элтон Трублад, оставили нам в наследство полезные работы о методе принятия решений, используемом на квакерских деловых собраниях. Но даже в наш

экуменический век было в новинку увидеть свое отражение, представленное в интересной работе ученого-иезуита Майкла Ширана о процессе принятия решений в группе.

Выбрав Филадельфийское годовое собрание в качестве объекта наблюдений и обладая обширными знаниями по истории Религиозного общества Друзей, Майкл Ширан в течение двух лет (1973–1975) имел возможность наблюдать живую процесс принятия решений, посещая множество месячных собраний, а также проводимые ежегодно встречи Филадельфийского годового собрания. Он также обсуждал детали процесса принятия решений с отдельными квакерами в Филадельфии и Нью-Джерси. Описываемые им подробности и затрагиваемые в его зарисовках вопросы порой наводят меня на мысль, что он знает нас лучше, чем мы сами.

В 1977 году его работа была одобрена магистратурой Принстонского университета в качестве докторской диссертации по политическим исследованиям, получив высокую оценку. Филадельфийское годовое собрание, желая шире распространить эту замечательную работу, поддержало ее публикацию.

Первая треть книги вместе с солидным списком приложений посвящена истории первого полувека квакерства в Британии и его религиозным предтечам. Майкл Ширан одобрительно цитирует Томаса Брауна: «Деловое собрание – это суть. У молитвенного собрания специфичные цели». В первых главах он с особой тщательностью описывает молитвенное собрание и ощущение Божественного присутствия, которое может возникать в коллективном молчаливом ожидании или при устной проповеди, исходящей из этого молчания. Благодаря опыту Божественного присутствия среди нас свидетельство становится водительством, которое можно обнаружить, как и внутренний призыв к подчинению его указаниям.

Однажды папа римский Иоанн XXIII рассказывал, как он не мог спать в первую неделю после посвящения в этот сан. Он чувствовал себя подавленным от осознания ответственности за судьбу более полумиллиарда душ. Через неделю он наконец уснул, и ему приснилось, что Господь приблизился к нему и, назвав его новым именем, сказал: «Джованни, ну почему, ради всего святого, ты не можешь уснуть? Думаешь, ты один в таком положении?» После этого, по признанию папы, у него больше не было проблем со сном.

Ранним Друзьям – исходя из их опыта – было совершенно ясно, что они «не одни в таком положении». В своем местном молитвенном собрании они обнаруживали Присутствие и Водительство, что снова и снова служило им подтверждением пронзительных слов Исаака Пеннингтона: «Рядом с вами есть то, что поведет вас. Ждите и вы непременно пребудете в этом» (письмо 99). Когда раз в месяц местные собрания, на которых проводились богослужения, объединялись для проведения делового собрания, вместе с ними приходил и молитвенный настрой, открытость водительство, тесная взаимозависимость и доверие друг к другу. Такое ежемесячное деловое собрание осуществляло общественные функции, которыми его наделяли. Это была и забота о семьях квакеров, сидевших в тюрьме или чья собственность была конфискована, и ведение записей о «страданиях», испытываемых квакерами из-за преследований, и учет приема новых членов, и заботы по бракосочетаниям и похоронам, и даже решение вопросов неподобающего поведения или любого рода распушенности, которые не соответствовали квакерским свидетельствам. Также эти

собрания формировали комитет ясности, с которым можно было поделиться своими личными планами и заботами, и если они находили полное понимание, то могли получить поощрение и необходимую поддержку.

Не важно, насколько приземленными могли оказаться вопросы, выносимые на такое коллективное действие по принятию решений, как деловое собрание, – оно никогда не теряло своей духовной природы. В послании из Вустерской тюрьмы от 30 января 1675 года Джордж Фокс ясно высказался, что на своих деловых собраниях «Друзья встречаются не как группа людей (будь то собрание мужчин или женщин), а для ожидания Господа». Уильям Брейтуэйт в своем труде «Второй период квакерства» пишет: «Каждое деловое собрание стремилось узнать помыслы Господа и искать ориентир для действий, полагаясь на духовное суждение, а не механически считая головы или поддаваясь риторике и дискуссионным навыкам выступающего». В другом абзаце Уильям Брейтуэйт выводит основную сущность этих местных молитвенных и деловых собраний, которые проводились обычными квакерами – фермерами, ремесленниками, торговцами: «Тихие собрания, непрестанно проводившиеся по всей стране, оставались центрами управления и оказывали невидимое сопротивление преследованиям... Ведя собрания через шторма преследований с непоколебимым упорством, открыто и прилюдно, Друзья не только обеспечили жизнеспособность своего Общества, но и внесли огромный вклад в сохранение негосударственных церквей в целом».

На заключительных страницах своего рассказа о ранних Друзьях Майкл Ширан, хотя и энергично защищает необходимость централизации полномочий квакерского управления в последние десятилетия XVII века, но также признает, что именно в местных месячных собраниях раннего периода он обнаружил решающие, ключевые детали к разгадке уникальности квакерского коллективного метода принятия решений. Несмотря на всю свою хрупкость и преувеличение понятия о собственной непогрешимости, в этих собраниях, по мнению автора, содержатся первооснова и сам дух подлинного квакерского метода принятия решений. И сразу же после этого он переходит к современной ситуации, которой посвящены оставшиеся две трети книги.

Вместе с интереснейшим описанием Майклом Шираном происхождения в XVII веке квакерского метода принятия решений его находки о современном состоянии этого явления, обильно изложенные на сотне страниц, делают данную книгу особенно ценной. Убежденный в том, что Друзья обладают и могут поделиться очень важным знанием о технике нахождения действенных решений своих собственных проблем, автор собрал и проанализировал десятки потрясающих примеров, которые проясняют предпосылки квакерского процесса.

Эти предпосылки имеют две грани. С одной стороны, они выделяют этот процесс из ряда множества попыток, сделанных авторами типа Франка Уолсера и Стюарта Чейза для создания секулярного консенсуса без голосования, который мог бы получиться из духовного компонента, присущего реальному квакерскому опыту принятия решений. С другой стороны, эти детали предостерегают современных квакеров, что в случае небрежного и неверного ведения дел процесс не действует, а остается лишь его слабая имитация.

Мне неизвестно ничего другого, что можно было бы сравнить с таким анализом предпосылок, который предоставляет Майкл Ширан. Прежде всего, группа должна

быть ограниченного размера и состоять из тех, кто знает, уважает и доверяет друг другу. Участники группы должны иметь желание слушать друг друга с открытым расположением духа, учиться друг у друга и чувствовать желание приходить к решению, которое иногда может радикально отличаться от ранее задуманного. На своих молитвенных собраниях и собраниях, направленных на принятие каких-то решений, они должны уже были почувствовать, что они «не одни в таком положении», и что проявление терпимости и достаточной открытости является правильным подходом к стоящим проблемам.

Вместе с тем, необходимо содействие клерка, обладающего качествами, принципиально отличными от качеств агрессивного манипулирующего лидера. Клерк, которого выбирает сама группа, тоже должен знать, что он «не один в таком положении». Он должен быть человеком, уверенно разбирающимся в процессе, и уверенным, что правильное решение может быть найдено. Клерки должны обладать навыками, терпением, честностью, должны верить в членов группы так, чтобы принимать их предложения во время обсуждения и быть способными сформулировать запись протокола, которая в итоге будет всеми одобрена без выставления вопроса на голосование. Этот процесс в своем лучшем виде предполагает, что клерк не будет спешить и на него не будут «влиять количество и настойчивость выступающих, ... он не будет бояться экспериментировать и не будет торопиться из-за предложений, которые могут иметь пагубные последствия». Клерк будет прислушиваться к «влиятельным Друзьям», но не окажет им чрезмерного внимания.

Среди причин, по которым эти исходные предпосылки не срабатывают, можно назвать: нежелание части членов регулярно посещать квакерские деловые собрания из-за опасений быть привлеченными к выполнению принимаемых решений; нежелание, придя на собрание, ни на шаг не отступать от заранее принятой и неизменной позиции по конечному результату; нежелание избегать тактики давления с целью принудить к скорому решению; нежелание следовать квакерскому предостережению «произносить как можно меньше слов, но столько, сколько необходимо»; нежелание находиться в тесном общении с группой, что неизбежно происходит; и, наконец, нежелание быть открытым изменяющемуся переживанию «сплоченного» собрания, которое может случаться в моменты молчания на деловом собрании. Вот те основные преграды, которые современные квакеры должны научиться преодолевать, если они не хотят потерять доставшееся им в наследство сокровище.

В заключительных главах исследования автор предпринимает некоторую, не особенно убедительную попытку выделить в Филадельфийском годовом собрании «христоцентричных» квакеров и квакеров-универсалистов и посмотреть, обладает ли какая-то из этих групп большими талантами при принятии решений на квакерском деловом собрании. Он приходит к заключению, что превыше других навыков важно то, испытывает ли Друг, независимо от теологической формулировки своей веры, во время молитвенного или делового собрания Присутствие и чувствует ли он, какое подчинение водительству может понадобиться. Перед этим Ширан писал: «Квакеры начинают не с теории. Они начинают с события». Эта практика, это знание из первых рук того, что продолжающееся откровение действует, и есть, по его мнению, самое главное. Это то, что позволяет ему прийти к выводу об аутентичности Друзей XVII века и современных Друзей.

Майкл Ширан удачно приводит отрывок из наблюдений другого католика, Томаса Мертон: «Нет нужды гнаться за чем-либо. Всё, что нужно, уже здесь. Всё прояснится само, если ты захочешь».

Особая заслуга этой работы состоит в исследовании сути современных Друзей, за что мы и признательны автору.

Дуглас Стир

Предисловие

Второй Ватиканский собор Римско-католической церкви призвал монашеские ордена заняться самообновлением, обратившись к своим корням. Орден Иисуса, к которому принадлежит автор, обнаружил в своих самых ранних документах забытую методику принятия решений, называвшуюся «совместным распознаванием». Ожидалось, что участники общины при принятии решения будут молиться о вставших перед ними вопросах, обмениваясь друг с другом результатами молитвы и продвигаясь через дискуссию и дальнейшую молитву к практически единогласному согласию.

Когда иезуиты и другие католические сообщества, разделяющие нашу духовную традицию, в начале 1970-х годов начали применять «совместное распознавание», они столкнулись с постоянно возникающими трудностями практического порядка, а именно: неприятие самого процесса, недоверие к другим участникам, неспособность поступиться своими собственными интересами.

Чуть более десяти лет назад автор начал работать с католическими группами, которые пытались применять «совместное распознавание» при принятии решений по значимым вопросам. Он решил поискать сообщества вне католицизма, которые могли бы иметь опыт повседневного использования такого процесса. Джон Футрелл из Общества Иисуса, руководитель управления по подготовке к духовному служению (Денвер, штат Колорадо), предложил обратить внимание на Религиозное общество Друзей (квакеров), небольшое религиозное объединение, имеющее около двухсот тысяч приверженцев по всему миру и в течение последних трех веков использующее «совместное распознавание» – правда, без употребления этого термина – в качестве обычного для них метода принятия решений. Под руководством Гарри Экштейна и Уолтера Мёрфи, профессоров политических исследований из Принстонского университета, автор написал докторскую диссертацию о квакерах, в которой пытался проследить происхождение и нынешнюю ситуацию в их практике принятия решений без голосования. Данная книга – обработанный вариант упомянутой диссертации.

Кроме анализа исторических и современных квакерских источников исследование во многом опирается на беседы с примерно полутора сотнями членов Филадельфийского годового собрания, квакерской организации, выбранной после внимательной проработки. Было бы немисливо пытаться поблагодарить всех тех, кто оказал значительную помощь. Достаточно сказать, что в целом группа согласившихся участвовать в беседах своим вниманием и готовностью пожертвовать временем действительно проявила себя как Друзья.

Надеюсь, что эта книга будет полезна католикам и другим христианам, демонстрируя как Друзья успешно применяют традицию принятия решений в религиозной среде, традицию, которая имеет свои корни в Писании, но которую другие христиане, как видно, утратили. Особенно пристально рассматриваются те методы, благодаря которым квакерам, очевидно, удалось избежать проблем, вставших перед католиками.

Хотелось бы обратить внимание социологов и политических философов на то, что квакеры – возможно единственное сообщество западного мира, в котором принятие решений достигается с учетом мнения каждого члена группы. В разделе «Заключение» автор поднимает вопрос о том, что практика Друзей – возможный ответ на общераспространенное в современном мире желание улучшить положение, преодолев «атомизированный» индивидуализм «либерального» человека.

Наконец, автор надеется, что и сами квакеры найдут полезным отображение их собственного процесса принятия решений. Как квакеры-новички, так и те, кто оказались на руководящих позициях в этом сообществе, могут найти в исследовании мнение стороннего наблюдателя о возможностях и подводных камнях квакерского метода продвижения к цели не властью большинства.

Денвер, штат Колорадо
сентябрь 1983 г.

Часть I. История

Глава I

Начало квакерства, 1647–1666 гг.

Основной идеей было полное удаление понятий «большинство» и «меньшинство». Для квакеров стало привычным делом принимать все решения в единстве. Клерк собрания просто осуществлял функции глашатая общего духа, т.е. суждений собравшейся группы, и записывал его. Если были различия во взглядах, что было вполне естественным для такого коллектива, решение обсуждаемого вопроса шло через долгий период торжественного молчания и медитации, до тех пор пока постепенно мнения не сходились в единой точке зрения. Затем клерк оформлял решение в виде протокольной записи, выражающей «дух собрания». (Руфус Джонс. *Мистицизм и демократия*)

Такой простой процесс принятия решений уже был характерен для крошечных квакерских сообществ, которые проявили себя после первого десятилетия взрывного роста, начиная с 1647 года. В том году, когда политические события в Англии двигались по направлению к казни короля и созданию республики Кромвеля, случившихся через пару лет, Джордж Фокс начал попытку направить весь мир «путем света Истины». Его призыв нашел отклик, прежде всего, среди английских баптистов, сикеров, фамилистов, рантеров и других «непослушных людей», которые все вместе составляли те 50% политически неопределившегося населения, не примкнувшего ни к епископальной церкви, ни к пуританам. После смерти Фокса, через 44 года каждый сотый англичанин был квакером, и процесс принятия решений в единстве, а не правилом большинства, укоренился в качестве стержня квакерского организационного устройства.

Центральной в квакерском понимании того, что принимать решения надо основываясь на единстве, была идея Фокса о присутствии «чего-то от Бога в каждом». Когда группа верующих собирается, чтобы поразмыслить, как лучше всего служить Господу здесь и сейчас, каждый ожидает найти в других какой-то признак «чего-то от Бога» и ищет знак Духа Христа – Истины с большой буквы – в высказываниях остальных. Короче говоря, так как тот же Дух говорит в каждой душе, участники ожидают завершить свое собрание в единстве.

Но как велись такие собрания? Самым ранним образцом, который нашел автор, является свидетельство Эдварда Барроу, датируемое 1662 годом, касаемо организации лондонского делового собрания в 1655 году. Барроу рассказывает, что те люди, которые не были полностью вовлечены в проповедование и запись неподготовленных устных служений, собирались каждую неделю или каждые две недели, чтобы поразмышлять «насчет обеспечения удобных мест собраний для провозглашения Истины, и о том, как можно честно позаботиться о бедных верующих людях, чтобы никто из них не был в нужде, и чтобы больных, слабых и немощных могли бы навещать и обеспечивать, и чтобы такие попечители были освобождены от других служений по восприятию Истины, и о них заботились бы тоже и обеспечивали бы им честный наем».

Их стиль обсуждения был своеобразным, продолжает Барроу: «Не так, как принято в миру, не так, как на мирском собрании, – с горячими спорами, попытками переговорить и переубедить один другого в рассуждениях, как будто это ссора между группами людей, сторон, жестко стремящихся к превосходству для проталкивания каких-то мирских интересов к собственной выгоде; решением вопросов не через голосование и не количеством людей, как в миру, у которых нет мудрости и божественной власти».

Квакерская процедура – как раз совсем другая, пишет Барроу: «В мудрости, любви и при божественном участии, в степенности, терпении и смирении, в единстве и согласии, ... и в святом Духе истины, ... в любви и спокойствии, ... как одна лишь группа, ... чтобы решать задачи общим, взаимным согласием, одобряя вместе, как один человек, в духе истины и справедливости, и властью, исходящей вследствие этого».

Квакерское богослужение как источник делового собрания

Как становится ясным из заметок Барроу, ранние друзья воспринимали ту часть квакерской жизни, когда они занимаются принятием решений, в качестве всего лишь одного момента из цельной религиозной жизни своего сообщества. В наши дни наглядным напоминанием этого факта являются те (примерно) пять минут молчаливой молитвы, с которых начинаются и которыми заканчиваются все квакерские деловые собрания. Для понимания, что же такое деловое собрание Друзей, необходимо познакомиться с самим стилем их богослужения.

Процедура обманчиво проста. Все собираются вместе в комнате без украшений и сидят в молчаливой молитве. Через какое-то время то один, то другой могут вставать и высказывать вслух религиозное озарение, почувствовав призыв поделиться им. Примерно через час после начала собрание завершается, и все обмениваются рукопожатиями. В своих воспоминаниях об одном из собраний 1872 года Каролайн

Стивен описывает пример иногда возникающего ощущения энергии во время такого богослужения.

В одно незабываемое воскресное утро я оказалась в небольшой компании молчаливо молящихся, согласных сидеть вместе без слов, чтобы каждый мог искать ощупью и приближаться к Божественному Присутствию, если не при помощи человеческих слов, то, по крайней мере, беспрепятственно. Я знала, что можно высказываться, если даются слова, и до окончания собрания одно-два предложения были произнесены в великой простоте пожилым и явно необразованным человеком, поднявшимся со своего места среди нас. Я не обратила особого внимания на то, что он говорил, и совсем не помню смысла его слов. Вся моя душа была наполнена невыразимым миром непоколебимой возможности общения с Богом, сознанием того, что я наконец-то нашла место, где могу без малейшего сомнения в искренности присоединиться к другим людям в простом поиске Его присутствия.

Роберт Баркли, автор квакерской «Апологии», рассказывает:

Когда я пришел в тихие собрания народа Божьего, я почувствовал среди них таинственную силу, которая тронула мое сердце. Когда же я открылся ей, то обнаружил что зло во мне ослабевает, а добро возрастает. ...

И такова есть очевидная определенность этой божественной Силы, происходящей от нашего собрания, где мы в молчании ждем Бога, что временами, когда кто-либо входит невнимательным, погруженным в свои размышления, или иногда в суете мирских дел и без внутреннего соучастия с другими, и как только он освобождает себя в душе, эта Сила, созданная в большом количестве в нашем собрании, вдруг неожиданно захватывает его дух и удивительно помогает взрастить в нем добро и родить в нем чувство той же самой Силы, что растапливает и согревает его душу.

В «Дневнике» Фокса самым обычным замечанием насчет квакерского собрания является «мы провели благословенное собрание; Сила и присутствие Господа чувствовались среди нас».

Центральным в квакерстве является групповой опыт. Квакеры начинают не с теории. Они начинают с события, в котором, в идеальном случае, присутствие Бога ощущается каждым в качестве части группового ощущения. Руфус Джонс подчеркивает, что «квакерство особенно своим групповым мистицизмом, покоящимся на христианских концепциях». Опыт ощущений является «мистическим» в широком смысле «самоочевидной убежденности» божественного присутствия, «крайне необходимого обнаружения божественной Жизни, проявляющейся здесь и сейчас через группу лиц, которые прилагают усилия для передачи этой Жизни».

В целом квакерская модель богослужения лучше всего может быть понята в терминах поиска такого опыта. Вот как ее описывает Говард Бринтон.

На первый взгляд может показаться, что собрание возможно описать только через отрицание – нет алтаря, нет кафедры, нет проповеди, нет органа, нет хора, нет священных символов и нет кого-то, обладающего верховной властью. Нет внешнего объекта внимания, отвлекающего участника богослужения от разворота к самому себе и поиска там откровения Божественной воли. Что бы на богослужении ни проявлялось внешне, это должно быть прямым результатом того, что есть внутри – иначе это будет просто форма, не имеющая силы. Сначала должно быть обращение к источнику силы, а затем ответное появление силы».

Джеральд Хиббер выражает опыт ощущений языком таинств:

Неожиданно или постепенно мы понимаем наличие «Присутствия среди нас», и молчание становится по-настоящему таинством. Таким образом, приходит чувство приобщения святых тайн с другими через совместное разделение Хлеба Жизни, и мы идем вперед, чтобы товарищества проявлялись в нашей повседневной жизни».

В квакерском языке есть особый термин для этого явления. Во время мероприятия группа осознает «Присутствие среди нас». Собрание является «сплоченным» или, используя фразу из «Апологии» Баркли, «сплоченным в Жизни».

В наши дни деловое собрание (собрание, где принимаются решения) является разновидностью молитвенного собрания, его развитием. Оно стремится искать решения «в Жизни», решения, которые произрастают из опыта божественных приглашений, его «водительств» во время сплоченной молитвы. Возможно, будет упрощением сказать – однако не значительным упрощением – что обычное собрание для богослужения коллективно ищет божественное присутствие, а особое собрание для богослужения, организованное для деловых вопросов, коллективно ищет божественную волю. И, по крайней мере, в отношении серьезных вопросов, группа ищет божественную волю, сначала найдя Бога. Атмосфера делового собрания хорошо описана Ричардом Ванном в обсуждении, приводимом в протоколе месячного собрания Букингемшира от 5 февраля 1683 года. В нем сказано, что «необычайная физическая атмосфера» требует, чтобы все присутствующие были в «состоянии и условии» открытости Богу. Ванн изумляется из-за «этого чувства, когда даже один человек, не согласный с собранием, может не дать собранию ничего выполнить».

Вес решений, принимаемых при таком положении, необычайно высок. Во второй части этой книги мы попытаемся выявить особенную мотивацию подчиняться тому, что построено на правилах принятия решений коллектива, стремящегося к единству. Здесь же давайте акцентируем внимание на увеличении чувства правомочности, которое появляется, когда группа считает, что ее решение гарантируется присутствием Божьей силы. Неподчинение означает не действие против группы, а грех перед лицом самого Бога. Даже если по прошествии нескольких месяцев после принятия решения участник не видит в нем большой мудрости, он всё еще чувствует значительную обязанность его выполнять. Подчинение обязательно – независимо от того, видит ли участник причины для этого – и должно продолжаться до тех пор, пока группа не отменит это требование, обновив, таким образом, божественное водительство ввиду новых обстоятельств.

Личное вдохновение

В связи с этим мы переходим к вопросу о квакерской вере в целом. Получается, что если Божественный дух говорит с собранием, то он вещает и через отдельных лиц на собрании. Нет причины думать, что голос Духа можно услышать только лишь на происходящем собрании. Давайте посмотрим, как вдохновение иногда проявлялось у отдельных лиц, и как затем это приводило к решительным изменениям в сообществе.

Типичным образцом является зов Мармадюка Стивенсона:

В начале 1655 года я был на пашне в восточной части Йоркшира, ... и когда я шел за плугом, меня переполнила любовь и присутствие живого Бога, ... слово Господа пришло ко мне в спокойном, тихом голосе, который я совершенно отчетливо слышал, и который сказал мне в тайне моего сердца и совести: «Я рукоположил тебя в сан пророка для народов».

Стивенсон внял этому призыву к миссионерскому служению. И «Господь сказал мне немедленно через Духа Святого», что Он позаботится о жене и детях Стивенсона. С этим уверением Стивенсон и Уильям Робинсон убыли в Американские колонии. Как оказалось, это был зов не только к миссионерству, но и мученичеству: 27 октября 1659 года они оба были повешены в Бостоне, став первыми квакерами, казненными согласно Массачусетскому акту 1658 года против «зловредной секты» квакеров.

Откровение как причина гонений, 1647–1649 гг.

Может создаться впечатление, что опора на личное вдохновение, как видно по склонности к миссионерству и примеру мученичества Мармадьюка Стивенсона, имела свои подводные камни. Это хорошо иллюстрирует и ранний опыт откровений самого Джорджа Фокса. Например, где-то около 1648 года Фоксу «открылось», что «верующие в Бога, в силу и свет Христа возвратятся в то состояние, в котором был Адам до своего падения, в котором восхитительные труды творения, а, значит, и добродетели будут познаны через Слово Господа с его мудростью и силой, которым они были сотворены».

Здесь делаются два важных утверждения. Первое – грешный человек способен на внутреннюю святость, даже совершенство. Второе – человек в таком состоянии райской святости может получать прямое и надежное божественное откровение о природе и качествах всего мироздания. Фокс был так уверен на этот счет, что даже задумывался над тем, «нужно ли мне будет постигать искусство врачевания для блага человечества, видя, что природа и достоинства творений открыты предо мною Господом».

Такой взгляд является основой для двух долговременных проблем. Во-первых, утверждалось, что совершенство возможно для человека; это утверждение разделялось общими баптистами, фамилистами и другими сектами. Однако Фокс сделал это утверждение в стилистике рантеров, аморфной группы бесправных людей, печально известных своим аморальным поведением. Рантеры просто развили идею Фокса о восстановлении святости чуть дальше. Если воскрешение Христа возвращает верующего в состояние Адамовой безгрешности, то любой поступок верующего – будь то пляски, богохульство или же блуд – не греховен! Однако в 1651 и 1652 годах рантеры навлекли на свои головы гнев Английской республики, их вожди были отправлены в тюрьмы, а паства растворилась среди теологически схожих религиозных групп «непослушных людей» английского общества. Квакеры более чем на десятилетие оказались в роли подозрительных для государства людей, совершенно «схожих с рантерами».

Вторая долговременная проблема, вытекающая из упомянутого открытия 1648 года, более фундаментальна. Выдвигаемая Фоксом теория прямого божественного вдохновения необычайно охватом всех деталей – Бог показал ему внутренние процессы всего сущего. Это божественное озарение не зависело ни от Писания, ни от

человеческого поведения, а значит, обычные средства независимого подтверждения его правильности были недоступны. Фокс потратил десятки лет в попытках справиться с последствиями, вытекающими из этого мистического опыта. Он вскоре обнаружил, что отдельные духовные озарения, по крайней мере, когда они ограничены людскими понятиями и словами, могут различаться и даже противоречить друг другу. Однако у него не нашлось соответствующего стандарта для оценки их правильности. Религиозное сообщество, опирающееся на такие, иногда противоречащие одно другому «открытия», часто оказывается неустойчивым. В первый раз Фокс столкнулся с этой ключевой проблемой в случае со скандальными эксцессами Джеймса Нейлера.

Кризис, связанный с Джеймсом Нейлером, 1656 год

Конечно, зов к миссионерству и мученическая смерть Мармадьюка Стивенсона явились свидетельством укрепляющегося сообщества. Но предположим, водительство Друга создает затруднения. И предположим, что Друг является человеком, занимающим видное положение. Джеймс Нейлер как раз был таковым. Он был хорошо известен своими вдохновенными и привлекающими внимание изложениями верований Друзей. В период с 1652 по 1656 годы сам Джордж Фокс рассматривал Джеймса Нейлера как самого замечательного квакера. В официальном изложении Лондонского годового собрания объясняется, что послужило причиной возникновения кризиса:

В 1655 году Нейлер отправился на юг, чтобы помочь с работой в Лондоне, где его окружили льстецы, которые вели себя в неподобающей манере: поклонялись ему, становились перед ним на колени, пели при его появлении песни. Он пошел в Бристоль, и тамошние Друзья убедили его встретиться с Фоксом, который в то время находился в Лонсестонской тюрьме, но по дороге его схватили и заключили в тюрьму в Эксетере. Его освободили в октябре 1656 года, а несколькими днями позже он въехал верхом в Бристоль, окруженный своими последователями. Они расстилали перед ним одежды и пели «Святой, святой, святой Господь Бог Израиля». Власти задержали его и отправили в Лондон, где после долгих обсуждений парламент приговорил его к порке плетью, выставлению к позорному столбу в Лондоне и Бристолье, клеймению за богохульство, прокалыванию языка и тюремному заключению.

Жаркие дебаты в парламенте наглядно показали серьезность проблемы, причиной которой неожиданно стал Нейлер. В эту эпоху религиозного подъема были и другие мессии, такие как Уильям Франклин, Эрайз Иванс, Тороджон. Всеми ими занимались местные мировые судьи, присудившие короткие сроки заключения. Но Нейлеру кромвелевская палата общин посвятила шесть недель бешеной злобы. Ужасы, которые Нейлер в итоге испытал, были попыткой унять тех, кто требовал смертного приговора. Почему такие различия? Другие мессии были малозначительными людьми без серьезного числа последователей. Нейлер же был лидером крупного движения, которое быстро распространялось, перетягивая к себе многих последователей антипарламентски настроенных левеллеров и аморальных рантеров.

Неожиданно ходатайства в квакерских памфлетах о социальной справедливости начали выглядеть как проповеди политической революции. Одно издание 1653 года возвещало, например, что «земля принадлежит Господу, а, следовательно, всем. Он дал ее сынам людским в общем, а не некоторым высокопоставленным, которые повелевают на ней своими братьями». Другое издание пророчествовало напасти «вам,

высокопоставленные, кто много получили от созданного в руки свои... и стали господами над братьями своими».

«Бог против вас», – говорил сам Нейлер, – «алчные, жестокие тираны, угнетающие бедных и нуждающихся». Он также сетовал: «Кто мог бы поверить, что Англия произведет не лучшие плоды, чем эти, теперь после такого освобождения, которого не смог испытать ни один народ?»

Как мог бы предположить читатель, дело Нейлера повлекло усиление гонений против Друзей и отчетливое ощущение незащищенности квакерского сообщества от крайностей отдельных лиц. Для того чтобы понять значение реакции квакеров на эту двойную угрозу, читателю предлагается рассмотреть квакерские организационные структуры до дела Нейлера, а затем сравнить их с изменениями, которые Фокс почувствовал необходимыми ввести вследствие этих событий.

Организационное устройство у ранних квакеров, 1649–1656 гг.

Сообщая о происхождении квакерских деловых собраний, Джордж Фокс замечает: «Первое месячное собрание такого рода было проведено на севере... Мы встретились с мыслями о бедных и чтобы увидеть, что все идут в соответствии с истиной, перед тем как нас назвали квакерами, примерно половина народа из Ноттингемшира и Дербишира, и часть из Лестершира, где было великое уверование».

Во всех этих районах к концу 1648 года Фокс нашел группы приверженцев, за два года до того, как судья Беннет окрестил секту квакерами. Из-за того, что нет записей собраний, проводимых среди этих групп, мы должны обратиться к записям о традициях, бытовавших среди северных сикеров, привлеченных Фоксом в 1652 году.

В Вестморленде и в Восточном и Западном Рединге Фокс обнаружил группы сикеров, которые уже собирались с регулярной последовательностью в три-четыре недели, чтобы организовывать помощь своим беднякам и дисциплинировать «беспорядочных бродяг» из своего круга. В 1653 году Уильям Дьюксбери, за год до этого организовавший собрание Восточного Рединга, написал общее послание, побуждая к тому, чтобы выбирались «один или два Друга, наиболее способные и преуспевшие в жизни, с чистым распознаванием Истины» дабы «заботиться и наставлять паству Бога» как духовные смотрители.

В том же самом году от имени Фокса было разослано послание, рекомендуемое различные моменты правильного порядка на местных деловых собраниях. Секретарю следовало вести запись всех «страданий», о которых при случае можно было бы поделиться с другими Друзьями на собраниях регионального уровня. Безделье не одобрялось. Друзьям с финансовыми затруднениями при возможности следовало помогать из фондов, собранных и управляемых на местах. Ясно, что Фокс и те, кто общался с ним перед составлением письма, имели большое влияние на местные собрания. Но так же ясно, что Фокс направлял веские предложения группам, которые были автономными и самоуправляемыми. Все время поощрялось решение проблем на местном уровне. Однако были предусмотрены меры предосторожности в виде особых региональных встреч, например, для тех случаев, когда Друзья не могли решить

проблемы на местах. Но сама нерегулярность таких региональных встреч свидетельствует, насколько велико было главенство местных собраний.

Выясняется, что деловые собрания не проводились на регулярной месячной основе во многих округах вне упомянутого региона. Вместо этого встречи могли созываться только в случае необходимости. Однако с усилением гонений появилась нужда проводить такие встречи более регулярно. С одной стороны, попавшие в тюрьму и их семьи нуждались в попечении, как и те, кто потерял работу из-за присоединения к Друзьям. С другой стороны, должны были выправляться любые намеки на аморальность, которые могли бы оправдывать обвинения со стороны гонителей в том, что Друзья – «тайные рантеры». Собрания занимались выявлением таких «беспорядочных бродяг», затем они либо заявляли в письменной форме, что обсуждаемое лицо не было членом их группы, либо получали от виновного письменное публичное признание, что его поступок противоречит «Принципам Друзей», вместе с обещанием исправиться. Оба подхода описывались как действия для «очищения Истины». Например, в своем «Дневнике» в 1655 году Фокс отмечает, что «Кристофер Аткинсон, этот низкий человек, не выполнил своих обязанностей и покрыл бесчестьем Истину Господа и свое имя; но он был осужден и отвержен Друзьями, а затем был обнародован документ с осуждением его греха и порока».

Однако к 1654 году Фокс понял, что регулярное проведение местных деловых собраний важно для выживания сообщества, и поставил задачу «выравнивания» тех квакерских групп, где не придерживались принципа регулярности.

В том же самом году Фокс собрал приличную группу постоянно странствующих проповедников, которые, как и он сам, где бы ни путешествовали, распространяли квакерскую благую весть о Внутреннем Свете Христа, основывая и затем укрепляя небольшие группы товарищей по вере. «Отважные шестьдесят» или «первые глашатаи Истины», как они известны в квакерских анналах, предлагали вероучение, которое кратко может быть передано в четырех основных принципах. Они таковы:

1. В каждом человеческом существе есть нечто божественное по происхождению, «то, что от Бога», «Внутренний Свет Христа».
2. Всеобщая милость Господня.
3. Всеобщий призыв к моральному совершенству и религиозному единению с Богом.
4. Постоянно продолжающееся откровение Божественной воли во все века.

Основной упор был не на особые доктрины о Боге, Христе или же об искуплении, а на образ жизни, который должен вести тот, кто ощущает в своей жизни Божественное проявление. Британский историк Дж. М. Тревельян пишет: «Прежде всего, общая сущность необычного учения Джорджа Фокса и деятельных возрожденцев, которые и являлись его первыми учениками, заключалась, несомненно, в следующем: личные качества христианина значат больше, чем христианские догмы».

Важно заметить, что в тот самый ранний период Фокс не делал почти ничего для объединения своего братства на уровнях выше местного. Собрания поддерживали связь друг с другом через редкие и неформальные контакты «отважных шестидесяти» или других путешествующих Друзей. Ничто не указывает на то, что Фокс или его последователи имели на этот счет какие-либо точные планы. Как может увидеть читатель, любое развитие организационного устройства на уровнях выше местного

неизменно представляется вынужденным шагом, связанным с необходимостью защищать Друзей от действий правительства или же от тех крайностей внутри самого движения, которые вызывают реакцию правительства. И это устройство всегда моделируется таким образом, чтобы достичь максимального эффекта при минимуме добавляемых структур.

Попытки Фокса защитить квакерские сообщества, 1656–1660 гг.

В момент наказания Нейлера Джордж Фокс освободился из тюрьмы, проехался по стране и обнаружил, что Друзей стали чаще наказывать за такие типичные для них провинности как отказ платить десятину, отказ произносить клятву, отказ снимать шляпу для выказывания уважения официальным лицам. Выразительное объяснение усилению гонений дано Фоксом в его высказывании: «Протектор Оливер начал ожесточаться».

Первым делом Фокс попытался восстановить порядок в различных сообществах Друзей, отвратив их «от порочного духа, ... который увел Джеймса Нейлера и его последователей от Истины, чтобы втянуть Друзей в жаркие споры об этом человеке». Он написал три послания Друзьям. Одно убеждало в том, что их «терпение должно одержать победу и ответить тому, что от Бога в каждом, должно привести каждого к этому, и отвратить их от противного». Это можно интерпретировать как призыв к внутреннему примирению и, возможно, к меньшему «накалу» публичного свидетельствования. Второе и третье послания касаются усиления чувства присутствия Духа («силы Господа») на молитвенных собраниях и любящего, но настойчивого водительства, которое следует осуществлять более зрелым Друзьям по отношению к тем, кто возможно «вышел за пределы чувства меры».

С этой совершенно ясной точки отсчета Фокс приступил к усилению чахлах структур разрозненных общин. Там, где их еще не было, организовывались месячные собрания мужчин – основные места для выявления «беспорядочных бродяг» и работы с ними. Ежегодно в Скиптоне проводились специальные общие собрания, включающие одного-двух представителей от каждого графства; их задачей было сплотить на период обновления и для совместных решений обычно изолированные местные группы. Широко распространялись «заслуживающие доверия» книги. По всей стране были учреждены региональные собрания, собиравшиеся четыре раза в год (квартальные собрания).

Фокс не использовал эпизод с Нейлером для установления чрезмерной личной власти. Однако его ответом на кризис стало создание устойчивой, хотя и очень маленькой надстройки над уровнем местных групп. Местные группы оставались первичными, а надстройка служила для связи и консультаций на постоянной основе. Этого не могли добиться путешествующие проповедники – первые глашатаи Истины – с их бессистемными поездками.

Функция теперь уже регулярных встреч путешествующих проповедников и старейшин местных собраний была ясно обозначена – консультации. Сомнений в суверенитете местных собраний не возникало. Прекрасной иллюстрацией того духа, с которым новая структура подходила к своей задаче, явилось послание 1656 года «братии на севере», которое было отправлено от специального собрания старейшин,

встретившихся в Балби. Так как они писали в тот момент, когда случай с Нейлером обсуждался в парламенте, их наставления о внутренней дисциплине и самоограничении, включая надзор со стороны местных старейшин, вполне понятны. Но эти Друзья из Балби дополнили свои предписания постскриптумом, который задавал тон для следующих регулярных встреч старейшин.

Дорогие, любимые Друзья! Все это мы не навязываем вам, как правила или как жесткую форму, которым нужно строго следовать, но вы, освещенные чистым и святым Светом, можете быть ведомы, и так, пребывая в Свете, действуйте в Духе, а не по букве, потому что буква убивает, а Дух животворит.

Значимость поездки Фокса по Англии становится более понятной, когда мы видим консультативный характер послания из Балби и его предписаний. Встречам уровня выше местного могло быть дано право большего контролирования при чрезвычайных случаях, но выполнение рекомендаций оставалось за местными собраниями. Если предложениям из Балби еще предстояло возыметь эффект, сильное харизматичное присутствие Фокса периодически бывало решающим. Мягкие, но настойчивые попытки Фокса оказались адекватными и позволили заново объединить и дисциплинировать сообщество после фиаско Нейлера. Можно отметить, что этому же значительно поспособствовало смиренное раскаяние самого Нейлера и его возвращение в лоно сообщества.

Что касается оппозиции правительству, не совсем понятно, вполне ли прав Кристофер Хилл в своем широко распространенном суждении о том, что «как только случай с Нейлером сломал радикально-политическую сторону квакерства, состоятельные люди почувствовали себя в безопасности от рисков, в окружении которых они пребывали с 1647 года». То, что тюремные приговоры для квакеров продолжились, не вызывает сомнений. Умерило ли это их поступь, трудно сказать.

Кажется очевидным, что поток памфлетов, выходящих из-под пера квакеров, продолжал подталкивать социальные реформы. Энтони Пирсон отстаивал освобождение от десятины, как способ облегчения жизни бедноты. Уже в 1658 году Джон Одленд проповедовал немедленную священную ярость против аморального Бристоля, что многозначительно, ибо это тот самый город, куда двумя годами ранее Нейлер явился как мессия и где спустя год был выпорот плетью.

Реставрация монархии и возобновление гонений

Бурное время, непосредственно предшествовавшее реставрации монархии в 1660 году, породило массу квакерских политических трактатов, призывавших парламент «освободить угнетенный народ». Руководителей армии обвиняли в вооружении анабаптистов и квакеров, дабы попытаться предотвратить реставрацию.

Коллапс парламентского правления привел Фокса к личному разочарованию в области политики. Незадолго до падения республики он выпустил нехарактерный для него памфлет, в котором выражал неодобрение демократии как таковой. Его длинное название выражает тему памфлета: «Несколько простых слов для рассмотрения теми в армии или другими, кто хотел бы иметь парламент, избранный голосами народа, для управления тремя странами. В котором им показано в соответствии с Писанием Истины, что парламент, так избранный, не пригоден к правлению для Бога и блага его

людей». Это явно антидемократическое сочинение все же призывает к освобождению от десятины, реформе законов и религиозной терпимости. Оно также является первым знаком разочарования в политике, которое постигло Фокса и его движение в 1660 году.

Когда реставрация произошла окончательно, гонения против квакеров со стороны представителей Карла II были особенно ожесточенными. (До апреля 1659 года из-за преследований умер 21 квакер. В период Реставрации умерли более трехсот.) Следует помнить, что квакеры были среди наиболее заметных целей для роялистов в их попытках защитить королевскую власть от сторонников парламента и «непослушных людей», которые вступали в армию и иным образом поддерживали парламентские силы.

Восстание «пятой монархии» против нового короля в начале января 1661 года подтолкнуло правительство к массовым арестам квакеров, как его возможных участников. Фокс говорит, что в январе «несколько тысяч» Друзей были посажены в тюрьмы королем и его Советом.

В этот момент Фокс и Ричард Хабберторн составили декларацию против «заговоров и войн» для представления королю. Она была конфискована и уничтожена еще на этапе печати. Друзьями была составлена вторая версия. Она вышла из печати под авторством Фокса, Хабберторна и десяти других видных квакеров, которые писали «от имени всего избранного народа Божия, называемого квакерами». Королю говорилось: «Все кровавые принципы и деяния мы, что касается нас самих, совершенно отвергаем, и все внешние войны, и борьбу, и сражения плотским оружием, с любой целью или под любым, каким бы то ни было предлогом. И это наше свидетельство сему миру».

Это любопытный документ. Дюжина видных Друзей взяла на себя декларирование того, что пацифизм – центральный квакерский принцип. Однако мы знаем, что по крайней мере двое из подписавших его, Хоугил и Хабберторн, защищали использование силы совсем недавно, в 1659 году. И сам Фокс, хотя и отказался от поступления на армейскую службу в 1651 году, все же в 1657 году ощущал себя вправе призывать «младших офицеров и солдат» армии завоевать Рим. Но, как оказалось, состояние находившихся в заключении Друзей было столь тяжелым, что эти двенадцать склонились к тому, чтобы установить принцип квакерской веры с безусловностью, нехарактерной для этого движения. Потому что их поступок – в сочетании со своевременным отрицанием лидерами «пятой монархии», непосредственно перед их казнью, квакерского соучастия – стал причиной отказа от массовых арестов Друзей и, кажется, не вызвал немедленных возражений со стороны квакерских общин, разбросанных по всей Англии.

Но такой поступок подчеркивает слабость той позиции, в которой находились Друзья. Оппоненты рассматривали их как группу национального масштаба с возможной склонностью к революционным выступлениям. Однако у них не было постоянного организационного элемента общенационального уровня, который мог бы авторитетно высказываться от их имени. Так до какой же степени декларация двенадцати Друзей – пусть даже двенадцати видных Друзей – была определяющим заявлением принципа веры всего сообщества?

Вообще теоретически более интересно, даже если не брать именно то время, как мог любой орган, представляющий местные сообщества, авторитетно высказываться за

них всех? Местная автономия, которая была первостепенной для квакерских общин, подразумевала недеделируемую власть принятия решений на местах. Старейшины в Балби в 1656 году продвинулись настолько далеко, насколько не-местный орган мог бы продвинуться, просто давая настойчивые советы местным собраниям. Прокламация 1661 года, подписанная двенадцатью ведущими Друзьями, объявляла правительству о свидетельстве пацифизма, которое не только не было утверждено всеми местными сообществами, но которое даже не совпадало с недавними заявлениями некоторых из его авторов. В явно чрезвычайной обстановке, под нависшей угрозой массовых преследований, эти двенадцать человек допустили необходимость стать квакерским руководством. Их поступок открыл Друзьям дверь для превращения из секты независимых сообществ местного уровня в церковь с централизованным организационным устройством. Этот переход включал замену местного религиозного руководства центральным.

Для других сект такая замена хотя и была трудной, но не стала фундаментальной, потому что она не сказалась на общем наборе доктрин, которых эти секты придерживались. Но с Друзьями все вышло не так. Квакерство – это религия, которая старается обходиться без доктрин. Вместо них есть общий опыт, ощущаемая деятельность Бога в проводимом собрании. На личном опыте принятия решений, который происходит от этого ощущаемого присутствия, Друг получает уверенность, что это решение действительно «от Бога», и поэтому оно взывает его или ее к подчинению. Преобразовать эту «власть от ощущаемого опыта» во «власть от внешних директив» – это как пересадить дерево, обрубив его корни. Фактически же Друзья никогда не совершат успешное собственное преобразование из секты в церковь. Региональные или общенациональные органы управления – не важно, каково их предназначение в теории – на практике де-факто остаются в напряженных отношениях с теологическим основанием из опыта, которое делает местные собрания изначально полновластными.

Но вернемся в 1661 год. Из-за высокой заметности Друзей и попыток правительства подавлять их активность в первые годы после реставрации монархии возникла понятная тяга к появлению какой-нибудь структуры общенационального уровня. Но гонения были столь жесткими, что даже те регулярные региональные собрания, которые Фокс сумел создать в период с 1656 по 1660 год, перестали проводиться регулярно в лучшем случае или полностью исчезли – в худшем.

Однако местные сообщества преуспевали несмотря на гонения. В то время, когда другие прятались, Друзья были настойчивы в открытости проведения своих молитвенных собраний в каждый Первый день (воскресенье). В некоторых случаях когда все родители из собрания оказывались в тюрьме, их дети продолжали ходить на собрания как обычно. Кристофер Хилл пишет: «Одной из самых важных причин выживания квакеров была их стойкость под тяжестью гонений, которую отмечали даже их враги».

Угроза Перрота, 1661–1666 гг.

Но в среде всех этих ставших опять изолированными общин возникла одна старая проблема. Хотя Джеймс Нейлер в 1660 году умер раскаявшимся и вернувшимся в лоно движения, его ранняя ересь проявилась заново в крайне обаятельном Джоне Перроте.

Некоторые авторы были до такой степени сбиты с толку на первый взгляд ничтожной природой расхождений Перрота с Фоксом, что отстранились от этого случая как от незначительного или даже обвинили Фокса в чрезмерной жесткости по отношению к сравнительно безобидному нарушителю.

Поводом этого знаменитого «спора о шляпах» было водительство Перроту во время молитвы о том, что ему не следует снимать свою шляпу, когда он (или кто-то другой) проповедует вслух на молитвенном собрании. Это было вдохновением, «которое я получил, выполняя заповедь от Господа Бога небесного». Причиной, по которой позиция Перрота не была расценена как пустячная, служит то, что она прямо напоминала действия Нейлера. Фокс пишет: «Но Джеймс Нейлер и иже с ним, могли не вставать на собрании, а шляпы их были надеты, когда я проповедовал. И они были первыми, кто подал этот плохой пример среди Друзей». В этой привычке Нейлер не был одинок. В осуждении (1681 г.) тех, кто не снимает шляп, Фокс отмечает, что эта традиция была отличительной чертой рантеров: «А также все такие же, как вы носят шляпы, когда возносят молитвы, и пребывают в давней дрянной привычке рантеров, которые устроили это ношение против власти бога».

Как можно было ожидать, Перрот занял нишу, которая подходила Нейлеру и рантерам, укрывшимся в квакерстве, и среди своих энтузиастов он наблюдал «большинство тех, кто когда-то был с Джеймсом [Нейлером]». В основе всего этого лежит представление о том, что отдельному Другу следует поступать в соответствии с собственными водительствами, не обращая внимания на то, чего придерживаются другие, даже если его водительства прямо противоположны соглашениям Друзей. Перрот верил, что: «Господь во мне более достоин внимания и подчинения, чем голос любого посредника возле меня; и поэтому пока я слышу голос Бога во мне, хотя я слышал трубный зов у себя, мне следует оставаться в покое и ждать определенных знаний, эхом проходящих через долину моей души, как найденных ответов Божьего мнения во мне».

Из этой доктрины происходило анархическое мнение, что молитвенные собрания не должны планироваться по расписанию, но они должны происходить, только когда участники сообщества чувствуют позыв вместе провести молитвенную службу. Помимо этого Перрот подражал Нейлеру, отрастив бороду как у Иисуса и потворствуя некоторым женщинам выказывать ему почтение, граничащее с почитанием. Под видом достижения спонтанности он организовал среди лондонских Друзей отдельные вечерние молитвенные встречи. В сложившихся условиях Фокс недвусмысленно осудил Перрота, чья популярность возрастала. За этим последовала война памфлетов 1661–1665 годов.

Возможно самое ясное изложение основных угроз, которые несли взгляды Перрота, было представлено в критической статье Ричарда Фарнворта от 1663 года. Фарнворт указывал, что Перрот, во-первых, полностью разделил внешнюю и внутреннюю сути человека, утверждая затем, что внутреннее Божественное учение касается только внутренней сути человека. Таким образом, внешней жизни нет необходимости быть выражением внутренних убеждений. Для прежних рантеров это означало свободу от необходимости соблюдать внешнюю мораль по причине того, что их внутренняя жизнь была обновлена. Для Перрота и его последователей это означало, что человеку будет достаточно подчиняться «внешнему» религиозному закону восстановленного и не-квакерского короля, но не подчиняться ему в душе. Это было слишком привлекательной уловкой, чтобы избежать «гонений страдающих за истину».

Вероятно, хорошим примером внешнего проявления принципов Перрота будет его собственное решение в 1662 году отправиться в добровольное изгнание на остров Барбадос взамен продолжения отбытия срока заключения в Ньюгейтской тюрьме. После согласия на это он сразу же известил квакерских поселенцев на Барбадосе, что собирается приехать «для проповеди Евангелия» среди них.

Для Фокса поездка Перрота в Новый Свет не носила признака религиозной миссии. А для Перрота этот зазор между внутренней жизнью и ее внешней стороной казался вполне допустимым. Оказавшись на Барбадосе, он поделил свое время между миссионерскими поездками и выполнением таких не-квакерских (но доходных) видов деятельности, как обязанность королевского переговорщика с соседними испанскими владениями (пост, подразумевавший ношение шпаги) и работа клерком в суде, где Перрот с готовностью приводил других к присяге.

Глава II

Усиление централизованного принятия решений

Предыдущая глава охватила период возникновения квакерства и краткий пересказ его истории в годы первоначального пыла и гонений. Автономность местного собрания установилась как основной фактор благодаря тому необычайному факту, что религия Друзей основывается на ощущаемом опыте. Организационная надстройка функционировала нерегулярно и строго как консультативный орган по отношению к самостоятельным местным собраниям. Само существование такой структуры в большей степени зависело от необходимости во внутренней дисциплине как способе защиты от поступков, подобных тем, что совершил Нейлер, который явился для Друзей причиной публичного позора и навлек на них гонения. Под действительно жестким давлением со стороны правительства только что восстановленной монархии эта хилая система встреч уровня выше местного практически разрушилась, а опасный вариант «нейлеризма» – учение Джона Перрота – серьезно раздробил местные сообщества.

Данная глава исследует рост постоянного и эффективного управления, направленного на местные собрания, что постепенно сделало местную самостоятельность скорее теоретической и менее актуальной. Все это началось с настойчивых усилий противостоять влиянию Перрота.

Постоянная структура поверх местных собраний, 1666–1670 гг.

Джон Перрот умер в начале сентября 1665 года. Однако движение, порожденное им, не останавливалось и привлекало многих людей. Причиной было то, что он ставил личное водительство прежде группового и допускал внешнее подчинение религиозным декретам правительства – действительно, удобная доктрина. Фокс, который противостоял Перроту в течение нескольких лет, опять оказался в тюрьме. Одиннадцать видных Друзей специально собрались в мае 1666 года в Лондоне и утвердили энергичное послание Друзьям, написанное Ричардом Фарнсвортом. Основной мыслью этого письма было следующее: «Если в церкви возникают какие-

либо другие точки зрения, ... мы объявляем и свидетельствуем, что церковь, совместно с Духом Господа Иисуса Христа, имеет власть, не соглашаясь с такими доктринами и практиками, услышать и определить вышеупомянутое».

Уильям Брейтуэйт мастерски резюмирует, описывая воздействие, оказанное этим письмом: «Очевидно, что оно является обозначением важной стадии в квакерской истории. Личное водительство ставится в зависимость от группового сознания Церкви, которое трактуется как достижение авторитетного мнения среди крепких в вере старейшин. Сообщество все еще зиждется на общем опыте духовной жизни, но согласие с одобренными практиками и принципами, которые появляются из этого опыта, также обязательно».

Говард Бринтон соглашается, замечая: «Это письмо, действительно имея в виду подчинение индивидуального водительства духу собрания в целом, обозначило важный шаг в развитии квакерства».

Однако Брейтуэйт и Бринтон не обращают должного внимания на одну вещь – драматичность и критичность ситуации, при которой появилось это письмо. Во-первых, никто из тех, кто подписал заявление 1661 года об отказе от насилия, не значился в числе тех одиннадцати человек, которые писали это письмо. Тюремные заключения, дальние путешествия и кончины возможно и являются причинами такого отсутствия, но авторитетность этих одиннадцати, что подписали письмо 1666 года, остается под вопросом.

Надо признать, все одиннадцать были видными старейшинами или проповедниками. Но у них не было официальных полномочий, специально выданных для создания такого письма. Ну и ко всему, в лагере Перрота можно было обнаружить очень много в равной степени видных квакерских проповедников и старейшин.

Мы не знаем, как письмо старейшин распространялось в течение первых месяцев после его появления. Но мы знаем, что Джордж Фокс сразу же после своего освобождения, случившегося тремя месяцами после обнародования письма, отправился в поездку и посетил большое количество мест, в которых проводил особые собрания по примирению и организации месячных деловых собраний для мужчин и женщин, где они не действовали. Фокс сообщает: «Но я настолько ослаб за три года тяжких и жестоких тюремных заключений, мои суставы и тело мое были настолько оцепенелыми и окоченевшими, что я едва мог забираться на лошадь. А также я не мог преклонять колени, едва мог поддерживать огонь, не мог есть теплое мясо – так долго я был лишен его... И хотя я был очень слаб, тем не менее я ездил повсюду в служении Господу».

Зачем кому-то в подобном состоянии обременять свое тело таким изнурительным путешествием продолжительностью в несколько месяцев? Принимая во внимание размеры партии Перрота, можно предположить, что Фокс ощущал серьезную опасность для всего своего движения. Он искал способы примирения и создавал структуру, которая могла бы упорядочивать внутреннюю дисциплину, обеспечивать организационную координацию между местными группами через квартальные собрания в каждом регионе. Эта работа увенчалась созданием годового собрания, которое в первый раз было проведено в рождественские дни 1668 года.

В этот четырехгодичный период лихорадочных передвижений мы встречаемся с неким парадоксом. Джордж Фокс удержал движение от развала и преуспел в примирении диссидентов силой своей собственной абсолютной преданности и своей вдохновенной проповеди. Но результатом его харизматичного присутствия и его «побуждений от Господа Бога» проповедовать и учреждать стала двухуровневая формализация боговдохновенности.

Во-первых, происходило подчинение всех личных водительств контролю со стороны сообщества, укреплялась вера в то, голос Духа в собранном сообществе был более достоверный, чем голос Духа в ком-то одном. Это официально закрепило то, что уже было стандартной практикой среди проповедников, которые постоянно проверяли свои водительства, вверяя их другим проповедникам для «прояснения», и в какой-то степени в общем среди Друзей, которые знали, что их поступки находятся под бдительным оком попечителей местных собраний. Такая деятельность была не просто заменой харизмы формализацией. Строго говоря, это можно описать как замещение индивидуального боговдохновенного решения групповым боговдохновенным решением.

Вторым уровнем формализации было учреждение регулярных квартальных и годовых собраний. В действительности процедура на них соответствовала правилам принятия решений в местных собраниях, и их решения всегда носили рекомендательный характер. Но сама их регулярность и деловитость вскоре вознесли их на доминирующую позицию.

Фокс проявляет откровенность и прямоту на выбранном им пути. Он не создавал атмосферу политической конфронтации и внутренних раздоров с целью введения организационной структуры, которая формализовала бы его собственное первенство. Тот особый статус, которого он достиг, происходил от величины его преданности своим сообществам, преданности, явным образом проявленной в том, что он совершал поездки при таком плохом здоровье и в таких исторических обстоятельствах, при которых многие из других «первых глашатаев Истины» либо умерли, либо оказались в тюрьме. Личный харизматичный авторитет Фокса ясно выражен в высокой, уважительной оценке, которую дал ему Уильям Пенн:

И действительно я должен сказать, что хотя Бог наделил его святой привилегией и авторитетом, само его присутствие, в самом деле, выражало религиозное величие; он никогда не злоупотреблял им, но занимал свое место в Церкви Бога с великой кротостью, обаятельной скромностью и сдержанностью. Во всех событиях, как и его святой Учитель, он был служителем для всех, выполнял роль старейшины с той невидимой силой, которой он был наполнен, с почтением к Господу и заботой о Его пастве, и воспринимался только в таком духе и власти Христа, как первый и главный старейшина своего возраста; он был удостоен двойной чести по той же причине верующими людьми своего времени, потому что его авторитет был внутренним, но не внешним, и он воспринимал его и берег его любовью Бога и силою бесконечной жизни.

Я пишу то, что знаю, а не что услышал; и свидетельство мое – правда, потому что я был с ним недели и месяцы вместе в разных делах, в самых волнующих и трогательных ситуациях, и ночью и днем, на море и на земле, в нашей и других странах; и я могу сказать, что я никогда не видел его не на своем месте или же неуместным в какой-либо службе или положении.

Потому что во всем он держался как мужчина, да, сильный мужчина, обновленный и благочестивый человек, святой, естественный и одаренный всем от Всемогущего Бога.

Нельзя сказать, что Фокс не допускал ошибок или что каждый раз проявлял исключительную тактичность, когда его личные водительства не принимались сообществом. Яркий пример недовольства Фокса необходимостью подчиниться своим собственным установлениям проявился десятилетием спустя, когда в 1676 году проповедники «мужского утреннего собрания Второго дня [понедельника, – *прим. пер.*]» отказались разослать его острые, полемичные записки. Фокс писал: «Я не для того был подвигнут создать это собрание, чтобы оно отдавало приказы против чтения моих записей». К 1676 году и харизма Фокса тоже была под организационным контролем.

Благодаря активным поездкам Фокса с 1666 по 1670 годы зарождается устойчивая система управления. И благодаря успешному продвижению Фоксом письмо одиннадцати старейшин от 1666 года стало шагом к решению будущих конфликтов между личными и групповыми водительствами.

Индивидуальное распознавание и личная непогрешимость

Для того, чтобы более ясно понять, что такое водительства, о которых шла речь, нам, возможно, придется уделить несколько страниц исследованию концепции духовного распознавания. Духовное распознавание – это способность отделять достоверные водительства от недостоверных.

Джордж Фокс говорит, что в своей ранней духовной жизни он получил два отдельных дара. Первый – «духовное распознавание вошло в меня, из-за чего я распознавал свои собственные мысли, стенания и вздохи, и что было тем, что склоняло меня, и что было тем, что открывало меня». Позднее он получил дар распознавания духовного настроения других людей, «благодаря чему я видел ясно, что когда многие люди говорили о Боге, змей-искуситель говорил в них. И молва разнеслась обо мне, что я молодой человек, распознающий дух». Эти два дара являются примерами благодати в новозаветном смысле – сильного, беспричинного присутствия в человеке качества, которое позволяет строить христианское сообщество.

Сила распознавания Фокса, его чтение Внутреннего Света были основой его апостольского принятия решений. Он полагал, что его распознавание безошибочно и непогрешимо. «Я был призван развернуть людей к внутреннему свету, духу и благодати, ... которые, как я безошибочно знал, никогда никого не обманут». Заявление Фокса о своем непогрешимом знании было совместимо со взглядами его предшественников. Сикеры, например, верили, что в апостольские времена «всё управлялось под помазанием Духа, ясно, точно, безгрешно», не как во времена вероотступничества. Поэтому «они ожидали Апостола или кого-то с видимой славой и силой, способного в Духе явно продемонстрировать, что он есть посланник». И для многих Фокс был как раз таким человеком.

Вера Фоксу была безгранична. Эдвард Барроу, один из лидеров глашатаев Истины, писал: «Суждение об этом вопросе [ереси] должно быть от Духа Христа, который безгрешен и дает безгрешность суждений и распознавание во всех случаях и вещах».

Квакерская вера в непогрешимое наитие от Духа было причиной колкостей со стороны противников. Эти критики пытались сосредоточивать внимание на слабых аргументах в квакерских трактатах, утверждая, что каждая такая ошибка доказывает отсутствие боговдохновенности квакерских водительств. В 1674 году один из таких критиков в споре пришел к заключению: «Ваши книги должно быть ложные; и, следовательно, не от безгрешного Духа, хотя вы и хотите, чтобы мир верил в это».

Современные поборники Общества Друзей время от времени пытаются приуменьшить эту сторону квакерских истоков. Генри Ван Эттен, например, утверждает: «Следует помнить, что он [Джордж Фокс] не использовал слово “Истина” в каком-то особенном смысле, и что он никогда не считал себя непогрешимым». На самом же деле Фокс полагал, что безошибочное знание Божьей воли – это такой широко распространенный дар, что он даже появляется в трактате 1663 года о бракосочетании, который он написал совместно с Томасом Лоренсом. Когда его спросили, будет ли для супружества «абсолютно необходимыми освобождение от всякого греха и непогрешимая уверенность в Божьей воле», он ответил: «Абсолютно необходимо иметь непогрешимую уверенность, [что] есть свобода от всякого греха, томиться голодом и жаждой, добиваясь этого, свидетельствовать усилению этого, быть искренним в душе с полной верой в Бога».

Собственная уверенность Фокса в боговдохновенности была столь полной, что вела его гораздо далее чисто религиозных вопросов. Выше мы отмечали его короткое увлечение медициной как результат промелькнувшей у него мысли о внутренней природе сущностей. Уильям Брейтуэйт предполагает, что подобное вдохновение кроется за попыткой Фокса продемонстрировать правильность употребления «ты» при обращении к одному человеку и «вы» – к нескольким. «Казалось, он в какой-то степени расценивал себя как обладателя духовных аналогов человеческим знаниям, что ставило его выше и где-то за пределами обыденного».

Та же самая убежденность в непогрешимости своего вдохновения рационально объясняет его поведение, много лет спустя, в Личфилде, характер которого Кристофер Хилл называет «необычайно неубедительным».

В более общем виде, пишет Брейтуэйт, эта вера в непогрешимость вдохновения вела к «упорству с добавкой неосознанных заблуждений [у квакерских последователей раннего периода], например, уверенное проповедование перед лицом гонителей, но с этим и нетерпимость, неодобрение ценности интеллектуальных дарований, часто экстравагантность в поведении. Часто использовавшаяся вспыльчивая речь указывала на недостаток милосердия, что могло быть оправдано только тем, что говоривший так квакер был убежден в своей непогрешимой правоте».

Моральное падение Нейлера впервые вызвало серьезные сомнения в личной непогрешимости. Это совпадало с принципами церкви, которая столь явно обманывалась, подвергнув Друзей осмеянию. Однако какого рода контроль должен использоваться для проверки боговдохновенности так, чтобы не все не свелось к полному отрицанию?

Проверка водительств: крест

Представляется, что самой ранней основной проверкой водительства было то, достигает ли человек креста в своих побуждениях. Фокс писал: «Говорить об истине, когда вы подвигаемы, это крест к желанию; если вы живете в истине, которой вы говорите, вы живете на кресте своих собственных желаний». В 1652 году Ричард Фарнсворт также писал, что «вы убедитесь в распознавании, отличите истину от ошибки, как в себе, так и в другом», если последуете за крестом, который будет «противоречить и распнет то, что соответствовало бы человеческой мудрости и разуму». И, таким образом, «то, что от мира сего, телесное и плотское, будет отринуто в вас».

Десятью днями позже Фарнсворт увещевал только что обращенную Маргарет Фелл «держись креста, и чистота возрастет; самый надежный способ – с крестом: восходи на крест каждый день; заботься о том, чтобы быть ведомой тем, что противоречит твоим собственным желаниям, и это приведет каждое праздное слово, мысль и поступок к здоровому смыслу в тебе; вследствие того дьявол будет распят, с влечениями и похотями».

Пригодность этой проверки для водительств особенно понятна, если вспомнить, что квакерам нужно было дистанцироваться от распущенных рантеров, которые «избегали креста». Поэтому же действия от настоящего Духа всегда виделись Друзьями как противоположность своеволию.

Но как положительный знак святого водительства присутствие креста оставлял желать много лучшего. Оказалось, что Друзья оправдывают множество неблагоприятных поступков «частью из-за сильного зова, под влиянием которого происходили действия, но главным образом потому, что они противоречили естественным предпочтениям Друзей и поэтому влекли за собой реальное принятие креста».

Соответственно, символическое хождение обнаженными – что последний раз наблюдалось у мюнстерских анабаптистов – не вызывало отрицания у квакерских лидеров. В 1654 году Джеймс Нейлер говорит, что Друзья, поступающие таким образом, действовали против своей собственной воли. Вернон Нобл рассказывает о реакции от свидетеля такого рода действий в Оксфорде.

Эти две молодые девушки из Кендала... поступили неправильно, решив обратиться к буйным учащимся университета, и были за это крепко биты. Элизабет Флетчер, изящная девушка 17 лет, сбросила свои одежды и пошла по улицам «вопреки ее собственному желанию или намерению, в подчинение Господу». Ее описывали как «очень скромную, серьезную молодую женщину», и такое поразительное поведение должно было явиться знаком того, что Бог будет срывать с людей их лицемерие.

В конце 1672 года интеллектуал Роберт Баркли, автор «Апологии», призвал город Абердин раскаяться и в знак этого пройти по трем главным улицам в одеждах из мешковины и измазавшись золой. Критерием такого выбора было то, что сам он так не хотел бы поступать.

Проверка водительств: Писание

Хотя можно было бы предположить, что Писание окажется полезным в разборе некоторых водительств ранних Друзей, тому нет соответствующих свидетельств.

Например, те, кто ходили голышом в Мюнстере, обращали внимание на библейский отрывок от пророка Исайи, шесть месяцев ходившего голым и свидетельствовавшего таким образом о скорой гибели Иерусалима. Можно было бы цитировать другие отрывки из Писания, которые поучают скромности или избегать соблазнов, но кто же должен говорить, какая из частей Писания более уместна?

Как замечает Уильям Фрост, Друзья, как все другие христианские сообщества, имели свои собственные акценты при чтении Писания. Они понимали буквально предписание Матфея «не клясться вовсе». Но «хотя они верили в необходимость благотворительности, они не откликнулись на совет Христа богатому молодому правителю “все, что имеешь, продай и раздай нищим”». И снова:

Друзья отказывались кланяться; когда их оппоненты упоминали, что Авраам кланялся детям Хета, а Лот двум ангелам, Баркли отвечал, что поведение патриархов было не таким, как сейчас, иначе и многоженство должно быть разрешено. Однако, так как в Ветхом Завете было сказано о запрете родственных браков гораздо определеннее, чем в Новом Завете, Друзья использовали как прецедент отрывок из Бытия, где исполины стали грешными потому, что брали в жены дочерей земли, а Иаков обрадовал своих родителей, женившись на одной из колена Исаакова, в то время как Исав огорчил их, взяв в жены дочь Хеттейскую.

В известном смысле проблема, с которой столкнулись квакеры, была даже более существенной. Другие протестантские сообщества – не важно, как они решали вопрос с пониманием Писания – стояли на том, что Писание само по себе является основополагающим. Для Фокса, его товарищей и последователей только Дух Бога – Внутренний Свет – был основополагающим.

Святой Дух, а не Писание, был «пробным камнем и судьей, которым должно испытывать все доктрины, религии и мнения и прекращать все разногласия». Фокс отмечал, что он достиг своих собственных ранних водительств исключительно побуждением Духа, а не от Писания. Только впоследствии он вернулся к Писанию, конечно, всегда находя возможность толковать его значения в соответствии с собственным учением. В связи с этим он отмечал: «Однако у меня не было особого почтения к Святым писаниям, а что Господь открыл мне, как затем оказалось, было в согласии с ними». Не готов был Фокс и ограничить эту полноту понимания и по отношению к самому себе. В 1658 году он писал: «То, что может быть известным от Бога, явно есть в людях. Тебе не нужно никого, чтобы учить тебя».

Друзья оказались в ситуации постоянной неопределенности. Роберт Баркли, например, мог объяснять, что «поскольку Дух Бога есть Источник всякой Истины и крепкого здравомыслия, поэтому мы с полным основанием сказали, что он не может противоречить ни Свидетельству Писания, ни верному здравомыслию». Однако, Внутренний свет или Дух подготовил проверку значения Писания и правильности здравомыслия.

Мы не утверждали, что Друзья отвергали Писание. Фактически, когда кто-либо из радикальных последователей Джона Перрота все же поступал так, возможно даже сжигая свои Библии, они сурово осуждались за это партией Фокса. Однако ясно, что авторитет Писания оставался вторичным по сравнению с личными сильными внутренними водительствами.

Проверка водительств: подчинение открытий

Не удивительно, что ранние проповедники находили уместным подчинять свои водительства друг другу в качестве проверки, или позволяя «постоянству Духа» становится продуктивным. Например, в 1659 году Алдам писал Фоксу и Барроу «принимать во внимание вещи, записанные ниже, в той силе, которая пришла ко мне и У. Дьюсбери в Йорке и дала мне получить ответ, как Великая мудрость Бога в вас считает правильным делать особые вещи, а не одобряет то, что в одиночном разуме мы можем встретить».

Такое же отношение видно на неформальных собраниях Первого Дня лондонских проповедников, которые собирались для обмена идеями перед тем, как разойтись с проповедями в разные уголки своей области.

Проверка водительств: плоды Святого Духа

Но когда Друзья собирались, будь то проповедники в Первый день или же все братья на местное деловое собрание, как они могли узнать, чье водительство подлинное, а чье – нет? Ранние печатные труды изобилуют описаниями плодов добрых и злонамеренных духовных начал. Принцип внутреннего Бога, пишет Фокс, порождает трезвость, мир, спокойствие, тишину и силу. Нарушение принципа Бога ведет к беспорядку, раздражению, разнузданности и неразберихе. Другое послание перечисляло плоды доброго духовного начала: «нежная любовь, единство, милость и правильный порядок», а также «благоденствие и гармония жизни, единение и преданность друг другу, поддержка друг друга в Господе». В сущности, приведенные перечни оказываются вариацией перечисляемых Павлом плодов Святого Духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание». Длинное перечисление, сжатое до «наличия внутреннего мира», которое Говард Бринтон называет «главной квакерской проверкой правильного водительства». Как описывает это Баркли: «И нет большей отметки Божьего Народа, чем быть в Мире среди нас самих; как бы ни стремились сломать те Узы Любви и Мира, это должно выдержать проверку».

Более поздняя проверка водительств: молчание, неприкрашенная речь

По прошествии времени сообщество углубило свой опыт и добавило некоторые дополнительные проверки верности водительств. Баркли подчеркнул важность молчания на собрании; внутреннее молчание было необходимо, если кому-то нужно было «распознать... *спокойный, тихий Голос Духа*». Тот, кто ожидал Господа с внутреннем молчанием, не мог быть введен в заблуждение потому что «*Превосходство этого молчаливого ожидания Бога* проявляется в том, что для *Врага*, то есть *Дьявола*, невозможно подделать его, так же как вследствие этого для любой Души невозможно быть обманутой или введенной в заблуждение им в этом *Упражнении*».

Кроме того, особый простой стиль речи на собрании воспринимался как знак подлинной боговдохновенности. Пенн описывал Фокса именно как оратора, обладавшего таким стилем:

Резко и отрывисто порой фразы выпадали из него о божественном. Хорошо известно, что они часто были как проверка честным заявлениям. И действительно это показывало, без каких-либо противоречий, что Бог послал его, что нет хитрого или искусственного в его манерах или в манере его проповеди. И так много великой, отличной и необходимой правды он пришел донести роду людскому, поэтому не было ничего от человеческого острословия или учености, чтобы передать им».

Ограниченность проверки водительства у Друзей

Проверки у Друзей не были полностью достоверными. Простота речи всегда могла быть искусственно создана теми, кто знал, что слушателям нравится такой стиль. Внутреннее молчание тоже могло быть создано искусственно, поэтому даже человек, ищущий молчания, мог обманываться. А гармония группы могла быть достигнута исключением несогласных – история квакерских расколов показывает, с какой готовностью разрозненное сообщество может расколоться на отдельные лагеря, каждый из которых декларирует *внутреннюю* любовь и единство.

Что более существенно, в квакерской доктрине распознавания отсутствовал ряд ценных качеств, свойственных другим религиозным традициям. Во-первых, убежденность в порочности человеческого естества вела Друзей к замене интеллектуальных обоснований только лишь прямым вдохновением. Уильям Фрост с пронизательностью поясняет: «Как Друзья, так и пуритане понимали необходимость присутствия в религии чего-то другого, помимо интеллектуального обоснования, но было и различие: пуритане использовали и защищали все возможные человеческие инструменты для того, чтобы узнать и общаться с содержимым откровения; Друзья признавали только сверхъестественные способы оценки сверхъестественных материй».

Во-вторых, Друзьям не доставало – по крайней мере, в начале – теологической традиции. Окруженные со всех сторон наборами теологических точек зрения на любые мыслимые темы, ранние квакеры постоянно использовали Дух для распознавания того, какие же из этих теологических взглядов являются верными. Многие вопросы, такие как война или пацифизм, бракосочетание с официальной регистрацией или без нее, независимость местных групп, один из множества вариантов централизованного контроля или какая-то их комбинация – все это были вопросы, в которых должна была быть определенность *прежде*, чем Друзья выработали отчетливую традицию, которую затем смогли использовать в качестве критерия суждений о достоинствах каждого нового вопроса, требующего решения. Мы увидим, как быстро Друзья создали и благословили такую традицию, что само по себе является знаком того, насколько срочной была необходимость в объективной проверке некоторых из забот.

В заключение отметим, что непосредственно в сфере оценки внутренних побуждений человека Друзья очевидно лишились работающего знания из литературы распознавания предшествующих времен. Хотя и существовали прецеденты квакерского принципа водительства Святым Духом (см. Приложение), чтение писем Фокса и ранних Друзей не указывает на то, что это общее предпочтение доверять Духу сопровождалось пониманием нюансов распознавания, как это было разработано и процветало, начиная с Отцов-пустынников и до мистика, основателя Ордена Иезуитов, Игнатия Лойолы (1491–1556).

К примеру, подход Лойолы подразумевал существенное различие среди водительств. Был особый вид духовного опыта, который существовал «без какой-либо другой предыдущей причины, через которую душа могла быть ведена к такому утешению благодаря своим собственным деяниям ума и воли». Такой «опыт выхода за грань» был верным и самоподтверждающим для человека, испытавшего его. Все другие внутренние переживания могли исходить либо от доброго, либо от злонамеренного духовного начал. Таким образом, вопрос о безгрешности, который будоражил Друзей, был разрешен Игнатием в полной мере. Определенность была придана только редким особым видам наказаний божьих первой категории, и даже эти наказания могли быть проверены со стороны. Игнатий мог быть уверенным в действительном добре и зле действий, которые можно было определить естественным правом, а также богатой традицией и законами Римско-католической церкви, потому что «необходимо, чтобы все материи, в которых мы желаем сделать выбор, были или безразличны, или хороши сами по себе, и таковы, что они законны согласно нашей Божьей Матери, иерархической Церкви, не плохи или не противоречат ей».

Лойола преуспел в составлении наставлений по обнаружению скрытых значений внутренних водительств, которые не попали в особый самоподтверждающий класс. После множества сопоставлений внутренних переживаний личные решения могли быть сделаны через направление их в ту сторону, где, как кажется, находилась подлинная гармония, но решение никогда не могло быть принято с уверенностью.

Что было истинным для личного распознавания, было таким же и в случае с группой. Самые первые соратники Лойолы собирались вокруг него, чтобы распознать Божью волю в отношении их. Хотя они старались найти Дух и достигнуть единства в своих заключениях (*todos contentos*), они не делали утверждений о безгрешности своих попыток.

Для Фокса не было соответствующего различия между видами духовных водительств и не было внешнего мерил, по которому измерялись бы такие личные водительства. Не удивительно, что собрание приобрело столь важную роль. Только боговдохновенная группа могла проверить боговдохновение отдельного человека.

Мы уже видели, как это отразилось на единстве собраний, которое взяло верх над личным боговдохновением в письме проповедников от 1666 года. Теперь посмотрим, как сами местные собрания постепенно стали подчиняться влиянию унификации со стороны стоящих над собраниями структур, которые в итоге поглотили внутреннюю автономию.

Кончина местечковости: полемика Уилкинсона-Стори, 1670–1676 гг.

Но давайте вернемся к развитию квакерских структур. В период с 1660 по 1670 год Фокс занимался созданием постоянных месячных, квартальных и годовых собраний. Первое годовое собрание было проведено в 1668 году. Эта новая система дала два результата. Первым был «укрепляющий эффект для Общества», давший «силу, которая шла от хорошо разработанной организации». Но проявилась и отрицательная сторона, потому что «естественным результатом была не только лишь координация распознавания в сообществе с духовным водительством у отдельных лиц, но и постоянное увеличение сферы влияния – с последовательными посягательствами,

ведущими к усилению организационной системы – где сообщество получало абсолютный контроль».

Постепенно контроль сообщества коснулся даже покроя одежды. Если эта крайность не проявилась немедленно, потенциальная возможность такого поворота дел была очевидной и предсказуемой. Анонимный памфлет 1673 года жаловался на «Фоксонианское единение», которое клеймило позором тех Друзей, кто не соглашался с решением из-за отсутствия у себя внутреннего побуждения принимать его в качестве Божественной истины. Результатом было «лишать нас закона Духа и вводить тираническое управление; это ведет нас от внутреннего правила к подчинению внешним правилам».

Этот антифоксовский памфлет также ссылался на предполагаемые злоупотребления со стороны структур вне местных собраний. Было слишком много ошибочных «искоренений», слишком много внешней подготовки к молитвенным собраниям, предполагавшимся как спонтанные, с целью обеспечить достаточное количество времени для проповедей назначенных проповедников. Таким образом, не оставалось времени ни на молчание, ни на проповеди рядовых членов сообщества, если они чувствовали такое побуждение.

В это время Фокс был в миссионерской поездке в Америку, поэтому злоупотребления – если допустить, что они действительно были – можно поставить в вину ему скорее из-за выстроенной им системы, чем вследствие его непосредственных действий. Памфлет не имел успеха на нескольких квартальных собраниях, потому что Друзья все еще болезненно осознавали возможные опасности разобщенности, которую вызвали подобные взгляды Перрота. И как можно было ожидать, годовое собрание 1673 года отвергло памфлет.

Однако к 1675 году, с возвращением Фокса в Англию, вокруг двух традиционных лидеров, Джона Уилкинсона и Джона Стори, сложилась группа, которая поддерживала памфлет 1673 года. Этот дуэт призывал возвратиться к индивидуальной свободе и местной автономии, которая преобладала до 1666 года. К тому же их заявление, что не следует провоцировать правительство на новые преследования, было достаточно близко предложенному Перротом аргументу о том, что следует вовсе избегать преследований. Это сразу же послужило причиной обвинений со стороны группы Фокса и привлекло многих из тех, кто раньше поддерживал Перрота.

В конце концов, в 1676 году проповедники собрались на свое годовое собрание и подтвердили, что «Сила Бога есть полномочие мужских и женских собраний и всех других собраний». Личным водительством Друзей, когда они противоречили решению собрания, не должно было следовать. Полномочия местных собраний, конечно, не подвергались критике, а у более высоких по рангу собраний оставались лишь рекомендательные функции. Но не было и попыток принудить эти новые структуры воздерживаться от появления четко выраженных «советов». Группа Уилкинсона-Стори избрала путь раскола.

Примером такого принудительного «совета» было решение годового собрания проповедников в последующем году. Будучи благополучно унифицированным из-за отсутствия фракции Уилкинсона-Стори, собрание почувствовало необходимым «упрекнуть и осудить тот нетерпимый, разобщающий и раскалывающий дух

[Уилкинсона и Стори]. Благодаря той соли, что мы несем в себе от Господа, мы можем отличать превращения врага от сомнений невинного и, будучи благосклонными к одному, осуждать другого».

Конечно, официально ничего не изменилось. Годовое собрание проповедников 1676 года было достаточно осмотрительным и признало, что «все верующие мужчины и женщины в любом графстве, городе и стране, чья вера зиждется на силе Бога, имеют все права на силу собрания, ибо они преемники Силы и Власти».

В 1678 году старейшины, представлявшие разные районы страны, встретились на годовое собрание и получили любезное письмо от годового собрания проповедников, объявляющее, что собрание старейшин полностью потеряло «всю силу, власть и правление в Церкви Христа, и не проводится в священной власти и свободном духе Господа».

Роберт Баркли и «Анархия рантеров», 1674 г.

Легко можно понять, что победа коллективного распознавания над личным принесла с собой и некоторые трудности. Друзья начинали с простого убеждения, что Дух безошибочно направляет их. Но когда неприятный опыт показал, что иногда личность может ошибаться, люди стали склоняться к мнению, что сообществу, которое судит их водительства, следует присвоить ту безошибочность, которую они до этого приписывали себе. Следующим шагом – в период, когда структуры над местными собраниями только возникали – было доказать то, что местные собрания не являются окончательным средоточием безошибочности, но таковым является лишь годовое (общенациональное) собрание.

В 1674 году Роберт Баркли, молодой шотландец 28 лет, который к тому времени был Другом лишь шесть лет, обратился к этой проблеме в своей брошюре «Анархия рантеров», представляющей собой тщательно продуманную защиту новой формы организационного построения церкви по Фоксу. Хотя эта книга была эффективным орудием против партии Уилкинсона-Стори, позднее Баркли заявлял, что в момент ее написания он ничего не знал об этой группе. Баркли первым попытался исключить безошибочность из необходимых факторов, как в личном, так и в групповом принятии решений. Затем он предложил создать новое основание для церковного управления.

Современные авторы склонны неправильно толковать Баркли. Арнольд Ллойд, например, утверждает, что в «Анархии рантеров» Баркли поддержал представление о «безошибочном Голосе Духа в доктринальных положениях, общих для лидеров Церкви». Ллойд упрекает его в «упоре на безошибочность, что дисгармонирует с искательским нравом» самых первых квакеров. Правдивым является как раз обратное.

Баркли старался держаться среднего пути – между теми, кто заявлял о безошибочности каждого личного водительства, и теми, кто считал каждое действие проведенного собрания безошибочным. Это было нелегкой задачей, потому что та или иная форма идеи безошибочности присуща любой христианской церкви. Он утверждал, что в Евангелии от Матфея (16:18) гарантировалось: «врата ада не одолеют» церковь, и поэтому она будет истинно вестись Духом в кризисных ситуациях. Но безошибочность была свойством Духа, а не людей. Баркли писал, что

«единственным праведным судьей в спорах в Церкви является Божественный Дух, и власть принятия решений всецело принадлежит ему, как обладающему единственно безошибочным, безгрешным и неизменным суждением, чья безгрешность не обязательно свойственна каким-либо людям, человеку или месту, независимо от преимуществ поста, места или статуса, которые он может иметь или имел в Теле Христовом».

Кроме того, и личное, и групповое суждение были безошибочными, только если они полностью выражали водительство Духа: «суждения определенного человека или людей в определенных случаях безошибочны не потому, что те безгрешны, но потому что в этих вопросах в это время их вел безгрешный Дух».

Поэтому квакерская безошибочность отличалась от протестантской версии этого понятия, которая говорила о ее наличии тогда, когда есть «Церковный собор или Совет», представляющий все истинные Церкви Христа. И, конечно, Друзья отличались от католиков, которые полагали, что безошибочность присутствует, если есть «большинство голосов» и согласие «папы римского и легатов». Для Друзей во время кризисной ситуации, серьезной настолько, что «врата ада» угрожают одолеть, «последует *Безошибочное Суждение* от Божественного Духа. Оно может проявиться на Общем Собрании, однако будет не исключительно для него, но и для других, кого там не было. И хотя суждение от Божественного Духа может соответствовать суждению большинства, оно будет *Безошибочным* не благодаря тому, что так думает большинство присутствовавших». Другими словами, по этой причине «истинное суждение от Божественного Духа» неминуемо произойдет, но «в том или ином, у меньшинства или большинства».

Для Баркли безошибочность была целью церкви в кризисные времена. Но безошибочность не застывала в одной структуре или человеке. Она обнаруживалась в человеке или группе, которые наиболее ясно проявляли знаки присутствия Духа. Таким образом, безошибочность, согласно Баркли, сводилась к скромному минимуму. Она гарантированно появлялась при радикальном кризисе церкви, но место не было предопределено. Верующие люди в любом случае распознают ее присутствие, будь оно высказано годовым собранием проповедников или же каким-нибудь неприметным членом местного собрания. Баркли несомненно избавил квакерство от язвительных замечаний таких критиков того времени, как Уильям Аллен, который обвинял Друзей в «притязаниях на столь же полную безошибочность, устанавливаемую для себя вашими представительными органами, сколь паписты устанавливают ее в отношении папы римского».

Исключив безошибочность из источников власти различных собраний, Баркли объяснял осуществление руководящих функций в более традиционных церковных формах. Он говорит, что обычно те, кто обладает более весомыми духовными дарами – проповедники и старейшины – бывают особенно благословлены водительством Духа, но не всегда. Для правильного церковного порядка эти люди с известной способностью распознавать должны быть выдвинуты другими членами церкви, чтобы «наставлять, выговаривать, да и в некоторых случаях управлять».

Таким образом, основа для принятия решений была сильно изменена. Друзья всегда с большим почтением относились к мнениям таких авторитетных членов, как путешествующие проповедники. Но теперь, когда решения местных сообществ больше

не гарантировали безошибочности даже благодаря достигнутому в них единству, Друзья благоразумно приписали власть собраниям, которые были благословлены присутствием наибольшего количества проповедников и старейшин. Поэтому решения квартального и особенно годового собрания приобретали большее признание, чем решения местного собрания.

Утверждая, таким образом, власть новой организационной надстройки, Баркли пошел дальше – в определении ограниченной, но реальной власти церковного управления. Нужды сообщества требовали послушания его членов, и встал вопрос об «основополагающих принципах и доктринах веры», и даже в некоторых второстепенных моментах (Баркли ссылается на противоречия с обрезанием из главы 15 Деяний) должно было быть единство без такой унификации, когда с пренебрежением относятся к личными дарам и нуждам. Хотя формы правления, установленные Фоксом и подтверждаемые Баркли, не были такими уж деликатными по отношению к личным дарам, как на то надеялся Баркли, у него получилось установить презумпцию правоты для решений сообщества, и особенно решений проповедников, собравшихся на годовое собрание, но при этом не утверждалась их безошибочность. Теперь отдельный Друг подчинялся решению не потому, что он поучаствовал в процессе принятия решений и почувствовал присутствие Духа. Люди соглашались с решением, веря, что старейшины и проповедники, проводившие собрание, в котором он сам не участвовал, были духовно приведены к этому решению.

Ранее рекомендации таких межрегиональных встреч отражали власть, полученную ими из религиозного опыта местного собрания. Вот почему присутствие Фокса на каждом местном собрании, а не авторитет авторов, было необходимо для того, чтобы получило признание письмо проповедников от 1666 года против группы Перрота. Теперь же хотя местные собрания все еще формально и утверждали «советы» от годового собрания, Баркли добился переноса реальной власти к предполагаемой духовной пронизательности удаленной ассамблеи регионального и общенационального уровня.

Желание Баркли защитить Друзей от собраний, претендующих на автоматическую безошибочность, которую Друзья ранее относили к себе лично, конечно, оказалось пророческим. Уже в 1680 году группа из восьмидесяти двух Друзей на острове Барбадос – где было очень заметно влияние идей Перрота и Уилкинсона-Стори – попыталась избавиться от излишнего индивидуализма в этих двух группах, развернувшись слишком далеко в другом направлении. Они подписали такое заявление:

Я желаю возложить все свои заботы, как духовные, так и мирские, если потребуется, на суд Божьего Духа в мужских и женских собраниях, ибо верю, что это будет более соответствовать всеобщей мудрости Бога, чем любая личная мера во мне самом или же в личностях [т.е. индивидуумах], с которыми мужские и женские собрания не имеют единства.

Фокс и два других видных деятеля, Джордж Уайтхед и Александер Паркер, обратились с письменной просьбой отказаться от этого заявления, так как оно преувеличивает роль собрания и может оказаться опасным орудием в руках сторонников Уилкинсона-Стори.

Движение за усиление власти собрания достигло своей крайней точки в идеях Джорджа Кита, заметного квакерского интеллектуала и полемиста. Его прямое притязание на то, чтобы «все решения собраний по дисциплине рассматривались как безошибочно определенные Святым Духом», привело к противостоянию и в итоге его исключению («непризнанию») годовым собранием 1695 года.

Роберт Баркли и «Апология», 1676 г.

Мастерство Баркли как полемиста быстро сделало из него главного выразителя мнений сторонников Фокса во время полемики Уилкинсона-Стори. На исходе этой борьбы Баркли выпустил свой главный труд – «Апологию». Это всестороннее обоснование квакерской веры было ярко изложено в комбинации декартовского и популярного тогда схоластического стилей. «Апология» с самого начала получила широкое признание у Друзей и стала опорой не только для внешней полемики, но и, что более важно, для понимания квакерами самих себя.

Поскольку Друзья уделяли «Апологии» столь много внимания, совсем не удивительно видеть, как ее критиковали за строгости, которые в квакерстве стали несомненными уже после ее издания. Руфус Джонс в самом начале XX столетия был особенно энергичен в своих суждениях. Собственная репутация Джонса среди квакеров была столь высока, что его оценка Баркли получила меньше возражений, чем она того заслуживает.

Джонс говорит, что квакерство сместилось с «динамичного, утверждающего мистицизма первого периода (1648–1676) к пассивному и негативному виду» – квакерскому квиетизму восемнадцатого века – из-за теории Баркли, в которой «каждое духовное действие является сверхъестественным». Таким образом, человек ничего не предпринимает, он просто ждет действий от Бога.

Согласно Джонсу Баркли привязал «свежее открытие духовной истины» Друзей к «древней догматичной теории человека». Далее Руфус Джонс пишет: «Больше всего меня печалит то, что первоначальное описание квакерства было сделано в виде уточнения августиновой и кальвинистской концепции, вместо следования по свежему и преобразующему пути, который был открыт духовными реформаторами, настоящими предтечами и предвестниками «детей Света».

Как отмечает Джонс, источником ошибки Баркли является его принятие кальвинистской доктрины первородного греха и порочной человеческой природы. Джонс становится до некоторой степени эмоциональным в своем обращении к личному опыту: «Нет и попытки коснуться глубин самого человеческого опыта. [Баркли] не приходит на ум, что этот вопрос должен быть прояснен доводами души, и что, прежде всего, необходимо исследовать настоящую человеческую жизнь, такой, каковой она является, и возводить теорию на фактах, полученных из опыта».

Основываясь на этом, Джонс продолжает отстаивать мнение, что квиетизм Баркли, как и любой квиетизм, не предоставляет критерии для различения истинных и ложных взглядов, потому что брешь между предположительно порочной природой и божественной милостью делает невозможной проверку «более высокой» духовной деятельности посредством «более низкой» деятельности человеческого разума. Для

Баркли не существует ни мерила, ни критерия истинных водительств. Для Джонса внутренний опыт божественного является естественным, а не сверхъестественным. Поэтому разум может быть таким мерилом.

Точка зрения Джонса, конечно, находит себе последователей. Автор данной работы часто сталкивался с ее сторонниками, проводя беседы с современными квакерами. Такой достойный авторитет как Арнольд Ллойд признал ее в 1950 году: «Теория [Баркли] о божественном в человеке не может быть совместима с первоначальной квакерской идеей. Ее читали повсюду, и она явилась значимым фактором падения в квиетизм в восемнадцатом веке. [Баркли] рассматривал божественное и человеческое как взаимоисключающие категории».

Баркли, бесспорно, придерживался очень «протестантского» взгляда на испорченность человека: «Все Адамово потомство... является падшим, испорченным и мертвым». Однако в отличие от кальвинистов Баркли утверждал, что Внутренний Свет Божественного Начала есть сверхъестественный дар каждому человеку, что открывает шанс каждому достичь совершенства. С другой стороны Баркли действительно утверждал, что квакеру следует в молитве ожидать от Бога первого шага и решений насчет деятельности вместо того, чтобы просто положиться на спонтанное предпочтение.

Однако этими доводами Баркли не создавал новую теорию, а выражал традиционные квакерские взгляды. В 1654 году Фрэнсис Хоугил и Эдвард Барроу – выдающиеся деятели из числа самых ранних «первых глашатаев» – писали Маргарет Фелл, что они спорили с мировыми судьями Бристоля, которые говорили, что «свет – обычная вещь, и что, конечно, он есть у каждого». К тому же в 1663 году Фокс заявлял, что истинный христианин непременно «должен служить Богу в его Свете, чтобы получить его наставление; [ибо] как еще Друзья отличаются от сего мира?»

Даже Исаак Пеннингтон, ранний Друг, чье имя часто упоминается в ряду тех, кто противостоял новым структурам управления, видит основополагающее различие между естественными и сверхъестественными порядками, о чем идет речь в предыдущих цитатах. Уильям Брейтуэйт после хвалебных слов в адрес Пеннингтона, заключает, что «он был опутан дуалистическими представлениями своего века, которые относили естественное и божественное к двум разным категориям, и он, как и другие ранние Друзья, соответственно, не смог прийти к цельному пониманию ни человеческой личности, ни личности Христа».

Одним словом, если Фокс и его собратья раннего периода верили, что спасительное действие Христа может вознести их к «состоянию Адама до его падения», тем более они полагали, что такое вознесение необходимо. Поэтому человек Фокса по своей природе был грешником.

Представляется, что будет правильным сделать такой вывод: Баркли не был источником расхождений насчет естественного и сверхъестественного в человеке и не был причиной пассивного квиетизма, требовавшего от квакеров ждать инициативы от Господа. Баркли был просто верным и ясным выразителем массы идей, к тому времени уже накопленных Друзьями. Дин Фрейдей, редактор самого последнего издания «Апологии», критикует Баркли за преуменьшение важности «исповедального и практического значения (так важного для Фокса) [Христа] как краеугольного камня».

Однако Фрейдей также подчеркивает, что «квакерская доктрина сверхъестественного Внутреннего Света Христа прекрасно разработана Баркли» в «систематичном изложении того, что пытался сказать Фокс».

Конечно, в каком-то смысле Джонс прав в своих утверждениях. Баркли писал ясно и авторитетно; квакерские лидеры переиздавали его с энтузиазмом. В первое время у Друзей существовал сборник материалов, к которому они обращались, когда возникали сомнения относительно того, чему же учил Фокс и его ранние последователи. Это означало, что учение Фокса непредвиденно стало более эффективным при объединении квакерской традиции просто потому, что было так доступно для чтения. Скептицизм Фокса насчет человеческого разума и свойственный ему квиетизм в отношении дилемм человеческой сущности теперь были выражены языком Баркли, ясным для каждого размышляющего Друга. Одним словом, Баркли не преподнес доктрину, которая могла бы «идти в разрез с первоначальными квакерскими взглядами». Баркли преподнес в ясной и точной форме сами эти взгляды. Единственное, что есть в трудах Баркли, но нет в ранних квакерских источниках, так это обоснование новых структур управления, для создания которых Фокс приложил столько усилий. Баркли можно критиковать в той мере, насколько эти новые структуры, в конечном счете, ослабили энергию местных собраний, но даже в этом случае он несет эту вину вместе с Фоксом.

Британский миф о не ошибающемся короле привел англичан к тому, что в грубых ошибках монаршей власти они стали обвинять королевских советников. Точно так же католики сплетничают о злодеях в Римской курии, которые, скорее всего, «утаивают» информацию от вечно благожелательного папы римского. Возможно, Руфус Джонс был склонен к подобному заблуждению, когда критиковал Баркли за создание пагубной доктрины, автором которой на самом деле является Джордж Фокс. Если Баркли и повинен, то только в четком изложении в одном трактате того, что Фокс продвигал в бессистемном многообразии своих высказываний.

Постепенное установление гегемонии центра, 1676–1736 гг.

После благополучного отказа от предложений Уилкинсона и Стори не иметь дополнительных структур, возвышение доминирующего центра было всего лишь вопросом времени. Давайте быстро просмотрим, как шло развитие в этом направлении.

Собрание в поддержку страждущих как группа давления и организация по оказанию правовой помощи

Ключевой структурой в квакерской системе управления стало Собрание в поддержку страждущих, созданное годовым собранием 1675 года для действий от его имени во время между сессиями. Как видно из его названия, первой обязанностью Собрания в поддержку страждущих было облегчение страданий тех Друзей, которые испытывали тяжелый гнет преследований. Орган собирался еженедельно, начиная с 1676 года, «чтобы жестокость и притеснения (также совершавшиеся под видом обеспечения правопорядка), которые вели к разорению невинных семей, не могли быть скрыты, *но выставлены перед властями для устранения с течением времени*». На своем первом заседании в октябре 1675 года Собрание в поддержку страждущих быстро согласилось с тем, «чтобы страдания Друзей были выставлены перед властями», и

назначило подкомитет для «подбора нескольких примеров самых вопиющих страданий с целью представить их парламенту».

Все сплетение квартальных собраний было выстроено так, чтобы добиться изменений в Законах о неподчинении и избавиться таким образом от столь жестоких страданий. В начале парламентских сессий каждое квартальное собрание графств назначало одного Друга для поездки в Лондон с целью воздействия на своего местного члена парламента под координированным руководством Собрания в поддержку страждущих. В 1676 году была установлена регулярная связь между Собранием в поддержку страждущих и каждым квартальным собранием. Опираясь на это, были собраны вместе эффективные подборки писем, личных изложений и печатные пропагандистские материалы, и в 1679 и 1681 годах квакеры не добились изменений в законах только из-за преждевременных роспусков королем парламентских сессий. К 1679 году Собрание в поддержку страждущих использовало свою сеть в графствах, чтобы организовать голосование квакеров на выборах в попытке обеспечить возвращение тех членов парламента, которые благоволили Дружьям.

В период с 1681 по 1688 год Дружья временно приостанавливают лоббирование по банальной причине – парламент не собирался на свои сессии. Плавное изменение тактики привело Собрание в поддержку страждущих к работе на персональном уровне с влиятельными судьями, епископами, бывшими членами парламента и пэрами, так как гонения продолжались даже еще жестче, чем при регулярно проводимых сессиях парламента.

После Славной революции 1688–1689 годов, приведшей на престол Вильгельма и Марию, был принят «Акт о веротерпимости», позволивший Дружьям открыто проводить богослужения. Однако новая религиозная терпимость не обеспечивала выполнение многих традиций Друзей, включая их отказ произносить присягу и платить десятину. Собрание в поддержку страждущих вернулось к прежней модели политического лоббирования, однако, на более продвинутом и скоординированном уровне. К тому же она оказалась полезной для квартальных и месячных собраний не только из-за действенности актуальных решений парламента, касающихся Друзей, но и тем, что успешные стратегии порой защищали Друзей в судах. Координация была столь полной, что Н. К. Хант отмечает: «В этом отношении Собрание в поддержку страждущих, связанное с квакерской сетью, разбросанной по всей стране, безусловно обеспечивало такую практику в судах, когда закон, принятый парламентом, соблюдался правильно и скрупулезно во всех уголках страны».

Собрание в поддержку страждущих продолжило свои кампании от имени Друзей. Оно находилось в центре событий, в Лондоне, поэтому его советы выполнялись без особых проблем менее информированными квартальными и месячными собраниями. Хант продолжает детально описывать четыре главные кампании, которые проводились Собранием в поддержку страждущих между 1696 и 1736 годами для отмены тех законов, которые мешали Дружьям. Рост властных полномочий Собрания в поддержку страждущих был в значительной мере естественным следствием необходимости в централизованной координации кампаний, ставящих целью изменение законодательства.

«Акт о торжественном заявлении» от 1696 года позволил Дружьям «заявлять в присутствии Всемогущего Бога» вместо произнесения клятвы. Но некоторым Дружьям

казалось, что такая формулировка все еще слишком похожа на клятву и расходится с предписанием Евангелия от Матфея «не клянитесь вовсе». Годовое собрание 1702 года позволило тем, кого не устраивали и такие слова, организовать свою собственную кампанию за новый законодательный акт. Их усилия, не поддержанные Собранием в поддержку страждущих, вылились всего лишь в череду неудач. Кульминация дела пришлось на 1712 год, когда неформальная кампания за пересмотр слов торжественного заявления вошла в противоречия с усилиями Собрания в поддержку страждущих по пролонгации Акта от 1696 года, у которого подходил к концу срок действия. Мнения членов парламента, симпатизирующих Друзьям, оказались разделены, что привело к поражению обеих кампаний. В 1715 году, когда появился следующий шанс добиться от парламента нужного решения, Собрание в поддержку страждущих выступило совместно с участниками неофициальной кампании. Во-первых, оно пообещало приложить «искренние старания», чтобы в текст попали слова, приемлемые для недовольных Друзей. Если же это окажется недостижимым, они пообещали позаботиться о том, чтобы «существующее торжественное обещание не было утеряно».

Искренние старания вылились в проведенную без энтузиазма презентацию новой формулировки, которая была отклонена палатой общин в тот же день. Формальная попытка была сделана, и за продвижение серьезной кампании взялись изо всех сил, с подключением мощных рычагов. Первоначальный «Акт о торжественном заявлении» от 1696 года быстро занял свое постоянное место в Своде законов. По ходу дела Собрание в поддержку страждущих заняло позицию единственного органа, осуществляющего контакты с парламентом.

Масштабы растущей гегемонии Собрания в поддержку страждущих в этой сфере можно рассмотреть на примере инцидента 1735 года. В тот год Йоркское квартальное собрание решило обратиться к некоторым членам парламента с просьбой внести законопроект о десятине с включением в него пункта, согласно которому квакеры могли бы занимать должности шерифов, членов советов графств и присяжных. Собрание в поддержку страждущих было ошеломлено этим поступком, потому что у него была своя собственная стратегия, согласно которой в законопроекте не предусматривалось таких добавлений. Оно постановило вынести предупреждение йоркским Друзьям за «такое самостоятельное и безответственное действие».

Дело не в том, что Собрание в поддержку страждущих вело себя безрассудно или же узурпировало власть. Просто если оно хотело вести лоббистскую деятельность в интересах Друзей эффективно, то должно было взять на себя функцию ведущего контролера всей квакерской деятельности, которая могла бы иметь воздействие на членов парламента. Но такая централизация власти неизбежно вызывала существенную напряженность. Постепенно, шаг за шагом местные собрания теряли свою независимость. Квакерство было спасено от дальнейших преследований благодаря центральному органу, само существование которого шло вразрез с основополагающим квакерским принципом, согласно которому решения принимались на основе местного опыта, в соответствии с водительством Бога.

Собрание в поддержку страждущих, как арбитр внешнего облика в повседневной жизни

Пожалуй, было бы наивно думать, что структура, столь эффективная в выстраивании политической жизни Друзей, могла бы ограничить себя лишь стараниями в политической сфере. Кроме того, успешное влияние Друзей на парламент зависело от их репутации в стране. Поэтому все, что могло навредить этой репутации, вызывало беспокойство у центра. Вскоре все внешние проявления стали подконтрольны центру. Уильям Брейтуэйт отмечает: «Новый инструмент церковного управления был готовым средством для удаления излишеств, которые открывали коварный доступ духу мира сего; но ревностные Друзья не увидели, что приверженность букве закона стала замещать свободу, а контроль формы стал замещать контроль Духа».

В скором времени квакеры – несмотря на то, что они встроились в экономический средний класс – стали выделяться одеждой и стилем жизни, что оставалось их отличительной чертой еще в значительной части XIX века. Уже в 1700 году вдова Джорджа Фокса Маргарет Фелл написала послание, полное боли и недовольства, потому что ей было видно, как изменились Друзья.

Вот уже 47 лет прошло с тех пор, как мы овладели истиной, и все шло хорошо до последнего времени, пока не стала вводиться эта узость и строгость, когда нельзя говорить, что делать, а что не делать. Наши месячные и квартальные собрания были созданы для того чтобы корить и присматривать за подозрительным и беспорядочным поведением, ... а не для того, чтобы устанавливать порядки для частных лиц и говорить: «так должно делаться, а по-другому не должно». Иисус Христос говорит, что мы не должны думать о том, что мы будем есть или что мы будем пить, но предлагает нам подумать о лилиях, как они растут в большем величии, чем Соломон. Но вопреки этому нас обязывают не смотреть на цветастые одежды, не делать ничего, что имеет разные цвета, как холмы, не продавать их, не носить их. Но нас обязывают быть всем в одной одежде одного цвета. Это глупое, бедненькое учение».

Однако предупреждение Маргарет Фелл осталось незамеченным. Друзья завоевали политическую свободу ценой собственной независимости и независимости местных религиозных групп. Лично ощущаемые водительства Духа, испытываемые индивидуально или же на местных собраниях, были дополнены и в большой степени вытеснены директивами, полученными от вышестоящих субъектов организационной структуры.

С позиции изучения организаций в целом любопытным является тот факт, что квакерский опыт прослеженного нами периода как подтверждает, так и опровергает подходы теории сопряженных обстоятельств Пола Лоуренса и Джея Лорша. Согласно этой теории будущее организации не сильно зависит от долгосрочных направлений, планируемых ее руководителями. Наиболее важным является «взаимодействие между основной частью организации и ее значимым окружением». Именно это взаимодействие, не зависящее от намерений тех, кто принимает ключевые решения, определяет направления, которыми будет следовать организация в своем развитии.

Судя по вышеизложенному, становление квакерства является восхитительным примером тезиса Лоуренса-Лорша. Есть некая организация с принципиальной приверженностью авторитету религиозного опыта, который, несомненно, является гораздо более существенным, чем обычные структурные связи организаций. Если для какой-нибудь организации практически невозможно изменить свои структуры под внешним воздействием, так это верно, прежде всего, для квакерства, из-за его крайней децентрализации. Однако квакерство все же меняется – первоначальная автономия

местного собрания становится формальностью, так как врожденное побуждение сообщества к выживанию преодолевает даже его основания в виде религиозного опыта.

Опираясь на исследования Лоренса Форейкера, Лоуренс и Лорш различают два вида групп – Т и L. Для первой характерны независимые члены, считающиеся с их мнениями лидеры, слабая иерархия и групповые решения. В свою очередь L-группы состоят из поддающихся влиянию членов и автократических лидеров. Им присуща развитая иерархия, решения принимаются на верхнем уровне иерархии и спускаются вниз. Лучше всего L-группы функционируют при наличии внешней угрозы, испытаний или конкурентов, против которых должна выступать группа. Собрания ранних квакеров, безусловно, были вариантами Т-групп. Сдвиг к структуре L-типа перед лицом внешней угрозы, в общем, очень хорошо соответствует гипотезе Лоуренса-Лорша.

Однако на более специфичном уровне соответствие квакерской истории теории сопряженных обстоятельств не является столь точным, как это могло бы показаться. К выводам Форейкера Лоуренс и Лорш добавляют предположение о том, что L-группы не могут справляться с быстрыми внешними изменениями с той искусностью в адаптации, которую проявляют Т-группы. В случае с Друзьями мы обнаружили, что Т-группы оказались неспособными к эффективной и сплоченной внутренней дисциплине, которая была необходима для противостояния гонениям. А организационная модель L обеспечила выживание.

Более пристальный взгляд на квакерские основы наталкивает на мысль, что обобщение Лоуренса-Лорша о превосходстве Т-групп над L-группами в приспособляемости при внешних угрозах верно лишь частично. В первые десять лет, когда преследования были хаотичны и неповсеместны, квакерам, кажется, удавалось выдерживать их на местном уровне. Квакерская организационная надстройка развилась в ответ на преследования общенационального уровня; вместе с этим произошла унификация процедур принуждения. Принимая во внимание общий принцип зависимости организационного развития от взаимодействия организации с ее значимым окружением, не стоит удивляться, что наличие локальных и несистематических преследований подталкивает к быстрой местной адаптации, свойственной Т-группам. В то же время наличие систематических общенациональных преследований ведет к адаптации с дисциплиной и координацией в стиле L-структур. Существенное изменение в значимом внешнем окружении требует существенных изменений в соответствующих внутренних структурах для взаимодействия с внешней средой.

Что дальше

На этом мы завершаем исторический раздел нашей работы. Поиски начал и развития квакерского метода принятия решений показали, как он эволюционировал, и как внешнее давление породило структуру, не соответствующую основанию из местного опыта ранних Друзей.

Следующие главы будут посвящены тому, как принимаются решения у американских Друзей сегодня. Метод исследования несколько изменяется. Объектом внимания опять становится структура из местных групп Т-типа, которые благодаря тому, что в США не

было такой внешней угрозы преследований, сохранили свою автономность и ревностно защищали ее от вмешательства таких организационно более высоких субъектов, как годовое собрание.

В дальнейших главах квакерский метод принятия решений будет исследоваться гораздо более детально, чем это было сделано в главах, посвященных истории. Теперь эти вводные главы остаются просто историческим фоном для рассмотрения современной квакерской практики принятия решений в Филадельфийском годовом собрании.

Часть II. Современность

Глава I

Обзор нынешней квакерской практики принятия решений

Предварительное описание подлинно квакерской практики

Читатель теперь уже, в общем, знаком с процедурами принятия решений, характерными для квакерской практики. Давайте посмотрим более конкретно, на что похож этот метод сегодня. В данном введении представлен обзор правил, видимых так, как если бы их обнаружил некто, читающий общепризнанные квакерские источники. Последующие главы облекают плотью этот костяк посредством 150 бесед с анонимными Друзьями, личных наблюдений и дополнительных письменных материалов – первым делом, конечно, некоторых отрывков из квакерских текстов.

Верные традиции, современные Друзья сдержаны в «связывании Духа» подготовленными жесткими предписаниями. Официальная «Книга дисциплины» современных годовых собраний обычно начинается с цитаты из письма 1656 года от квакерских старейшин Балби. Эта цитата задает тон книги – в ней скорее рекомендации, а не строгие правила.

Дорогие, любимые Друзья! Все это мы не навязываем вам, как правила или как жесткую форму, которым нужно строго следовать, но вы, освещенные чистым и святым светом, можете быть ведомы, и так, пребывая в Свете, действуйте в Духе, потому что буква убивает, а Дух животворит.

Нынешняя «Книга дисциплины» Филадельфийского годового собрания [оно собирается на одну неделю каждой весной; всех Друзей из Филадельфии и близлежащих мест приглашают приехать и участвовать в решении местных проблем, – прим. автора] объясняет процесс просто:

Собрания по деловым вопросам проводятся в таком же ожидании водительства Духа, как и молитвенное собрание. Время молитвы, особенно в начале и в конце, возносит сердце и ум от эгоистичных желаний к открытости в поиске общего блага под водительством Духа Христова. Все вопросы рассматриваются вдумчиво, с должным уважением к каждой представленной точке зрения. Когда линия обсуждения получает общую – и не обязательно безымянную – поддержку, председательствующий клерк формулирует суть собрания, и оно записывается в протокол. Голосование не проводится; решение принимается не большинством, отвергающим иные мнения. Действие протоколируется, только когда группа выступает в прочном единстве.

Типичный набор предложений по правильной процедуре можно найти «Книге дисциплины» Лондонского годового собрания:

Мы надеемся, что на наших собраниях по церковным делам будет торжествовать воля Господа, а не людские страсти. Поэтому мы не придаем большого значения риторике и искусным спорам. Как оказалось, простой набор полемических очков не приносит пользы и чужд духу молитвы, который должен главенствовать на верно проводимом собрании. Вместо спешных ответов другому лучше уделять время тому, что уже было сказано, чтобы лучше понять смысл сказанного и позволить этому занять нужное место во мнении собрания.

Мы всегда должны быть готовы высказать неспешное, обдуманное и по-настоящему благожелательное суждение насчет предложений, от кого бы в собрании они ни поступили, веря, что сказанное исходит из глубины опыта Друзей, искренне предлагается как водительство собранию и направление работы Церкви. Нам не следует ни воздерживаться от проведения экспериментов из-за страха или чрезмерной осторожности, ни поддаваться нестандартным влияниям, ведущим к опрометчивым действиям.

Ни большинство, ни меньшинство не должны позволять себе никоим образом ни давить на собрание, ни препятствовать собранию по церковным делам в его пути к принятию решения. Мы едва ли достигнем истины либо мудрости, если одна из сторон будет навязывать свою волю другой. Мы энергично возражаем против раздоров в наших собраниях и страстно желаем общего согласия. Мы верим, что в единении и тесном содружестве скорее узнаем волю Бога. Поэтому мы лелеем традицию отсутствия голосования в наших собраниях и верим, что клерки совместно с Друзьями будут следовать ее духу, не позволяя своим суждениям подпадать под влияние из-за количества голосов либо настойчивости. Клерки должны быть согласны ожидать Бога на собрании так долго, как может понадобиться для достижения решения, что будет явным соответствием правильности духа и разума собрания.

Индивидуальные авторы соглашались с таким описанием принципа принятия решений. Они добавляли, что часто окончательное решение группы более совершенно, чем размышления отдельных ее участников. Например, Джеймс Уолкер пишет:

Деловое собрание – это возможность использовать внутреннее озарение, а не возможность участвовать в дебатах. После того, как были представлены факты, касающиеся ситуации, и было время поразмышлять, участники могут попробовать высказать свои суждения кратко и ясно. После этого могут появиться новые озарения, и есть надежда, что итоговый результат окажется групповым решением, более совершенным, чем мнение каждого участника в отдельности. Нет места пристрастности; наоборот, мы ищем решение, верное в свете Божьей мудрости. После того, как человек высказывает свое собственное озарение, его ответственность прекращается. Собрание либо принимает, либо отклоняет предложенную идею – ответственность теперь на группе. Если группа отреагировала неблагоприятно, она будет пытаться найти более созидательный подход.

Томас Браун, бывший клерк Филадельфийского годового собрания, призывает Друзей избегать «высказывать замечания, которые собрание уже слышало много раз до этого». Следует спросить себя: «Это повторение от моей человеческой слабости или от Бога?»

Браун советует не тратить понапрасну время собрания на оттачивание пунктов протокола, выражающих его договоренности, а доверить возможность редактирования какому-либо комитету, «ибо царство Божье не наступит моментально благодаря пункту протокола».

Для эффективной работы собрания Браун также настоятельно советует клеркам старательно готовить повестку дня, а участникам собрания – уважительно ее соблюдать:

Для правильного проведения собрания клерку важно обладать знанием обсуждаемого дела и тщательно подготовиться к нему перед собранием. Должны быть отмечены вопросы, перенесенные из предыдущих встреч, а людям, которых просили что-то сделать или сообщить, следует напомнить о том, что их будут ждать. Перед собранием следует настойчиво порекомендовать участникам, желающим поднять какие-то вопросы, заранее проинформировать клерка, иметь с собой все необходимые материалы, и также делать свои выступления кратко, а рекомендации – внятно. Если какой-то участник чувствует побуждение на собрании встать и поднять новый значительный вопрос, ему следует спросить себя, не будет ли лучше подождать с этим делом и сначала обсудить его с другими Друзьями.

Таким образом, диапазон советов по участию варьируется от предложений мистического плана верить Божественным порывам, если пришло время говорить, до некоторых весьма практических рекомендаций насчет тщательной подготовки повестки дня.

Деловое собрание всегда начинается с молчания и заканчивается молчанием. Это ясное напоминание о том, что на встрече должна царить атмосфера молитвенного поиска Божьей воли. У Дугласа Стира хорошо сказано: «Квакерское деловое собрание открывается неспешным периодом молчаливого ожидания, и если собрание идет должным образом, на нем возникает некое состояние открытости – не собственным желанием, замыслам и поверхностным предпочтениям, а открытость более глубоким уровням, где веление Господа может проявляться как-то по-своему, и где проблема может быть решена совсем не так, как представлялось прежде».

Образцы процесса

Даже в такой атмосфере из-за различия во мнениях может быть очень трудно прийти к согласию. В таком случае не происходит никаких изменений, пока согласие не достигнуто. Элтон Трублад приводит пример, по-видимому, тривиального конфликта, возникшего по поводу расширения территории кладбища:

На старом кладбище около дома собраний не осталось места. Когда это дело обсуждали первый раз, высказывалось много сильных доводов. Те, кто был за расширение, ссылались на тот факт, что многие семьи не смогут получить места для захоронений без увеличения размера территории, и это будет несправедливостью и дискриминацией. Те, кто был против расширения, указывали, что предложенное действие стеснит игровую площадку школы, расположенную в том же самом месте, и что это сделает территорию менее привлекательной для местных жителей. Следовало понимать, что эта тема вызвала у многих сильные чувства. Те, чьи близкие были погребены на крошечных участках, не могли бесстрастно думать ни о чем, как-то связанном с этим, что неудивительно. Другие в равной степени не могли бесстрастно рассуждать о том, что способно сколько-нибудь и не лучшим образом воздействовать

на жизнь школьников. Для них это был вопрос противостояния интересов мертвых интересам живых.

Так как в первый вечер оказалось невозможным найти решение, клерк не сделал записи в протоколе, и решение проблемы было перенесено на оставшуюся часть месяца. Однако ее не удалось решить даже в следующие шесть месяцев, поскольку были достаточно веские причины переносить вопрос снова и снова. Однако сильный эмоциональный накал спал, несколько человек смягчили свои прежде высказанные мнения, и, наконец, было решено несколько расширить места для нынешних членов собрания, а на будущее найти такие варианты, чтобы вопрос не вставал опять. Это небольшое расширение было сделано таким образом, чтобы не нанести ущерба игровой площадке. Кажется, все одобрили высказанную клерком суть собрания. Лучше всего было то, что члены собрания воспринимали произошедшее не как слабый компромисс, а скорее как принятие очень разумного и выполнимого плана.

Такой метод используется не только в квакерских группах. Бертон Кларк описывает собрание преподавательского состава Свортморского колледжа, действующего при поддержке квакеров. Из него видно, что метод успешно используется и в большом неквакерском коллективе:

Ведущий не просит, как обычно бывает, голосовать по вопросу. Никто не требует считать поднятые руки или использовать бюллетень для голосования. Ожидается, что общее решение будет найдено через рассудительную дискуссию, в которой каждый участник первым делом определяет для себя, кажется ли ему правильной та или иная позиция. Ведущий и все остальные не спешат – идет поиск консенсуса; расклад мнений проясняется, точка зрения меньшинства часто не находит поддержки. Меньшинство видит, что согласие, нужное для практических действий, лежит в другом направлении, и если это направление кажется разумным, то следовало бы согласиться с ним. Но веская точка зрения меньшинства продолжает существовать и воспринимается всерьез. Вместо того, чтобы задавить ее на голосовании, участники продолжают обсуждение или же изображают проблему в виде таблицы для дальнейших размышлений. Дискуссии и попытки убедить могут продолжаться вне комнаты собраний в последующие дни и недели. Тема может быть поднята снова – на следующем собрании – или же, если консенсуса не удалось достичь, закрыта.

Из предыдущих отрывков нетрудно выделить ряд факторов, которые, вероятно, характерны для квакерского способа принятия решений. Стюарт Чейз говорит о девяти таких принципах:

1. неанонимность решений – нет голосования;
2. моменты молчания – в начале собрания и при возникновении конфликтов;
3. отсрочка в принятии решения – когда не приходят к согласию;
4. участие всех в высказывании мыслей по теме;
5. навык слушания – не приходиться на собрание с бескомпромиссным настроением;
6. отсутствие лидеров – клерк направляет, но не доминирует;
7. никто не имеет более высокого иерархического ранга;
8. концентрация на фактах – сведение эмоций к минимуму;
9. небольшие собрания – обычно количество участников ограничено.

Но какие из этих принципов основные, а какие производные? Подразумевает ли квакерское единодушие общую поддержку принятых решений? Что происходит во время молчания? Все участники действительно равны или же только номинально? А может эмоции просто подавляются? В какой мере этот метод зависит от религиозных

взглядов Друзей? Действительно ли квакерское деловое собрание – нелидерская структура, или это только так кажется?

В последующих главах мы будем разбирать каждый из этих вопросов, чтобы избежать поверхностного понимания, которое может сложиться при чтении большинства встречающихся работ по теме. С такой подготовкой вы можете посещать квакерские деловые собрания с некоторым пониманием движущих им сил, которые в противном случае были бы неочевидны. Возможно, даже некоторые члены Религиозного общества Друзей смогут найти на этих страницах не часто встречающуюся интерпретацию того, каким образом происходит деловое собрание.

Последовательность тем требует объяснения. Автор решил не выносить все важные темы в начало (или в самый конец) с размещением второстепенных вопросов в качестве добавочного материала. Вместо этого изложение сконцентрировано на двух основных и тонких вопросах – природы единства при принятии решения и системы убеждений, которые вероятно лежат в основе успешного использования этого метода. Все другие темы размещены там, где они возможно больше всего подходят в качестве пояснений или же сами объясняются основными предметами. Например, в главе 1 обсуждается атмосфера, ожидаемая на квакерском деловом собрании. Это готовит читателя к восприятию основного предмета – природы единства, которая будет обсуждаться в главе 2.

Глава II

Атмосфера доверия

Почему квакеры не прибегают к компромиссам

В предыдущей главе Элтон Трублад описывал продолжительный конфликт в месячном собрании по поводу расширения кладбища. Он завершил свое описание такими словами: «Лучше всего было то, что члены собрания воспринимали произошедшее не как слабый компромисс, а скорее как принятие очень разумного и выполнимого плана». Основанием для гордости за квакерский метод принятия решений является то, что он служит причиной возникновения такого прочного синтеза индивидуальных идей. «Итоговым результатом, – отмечает С. Б. Лафлин, – является не компромисс конфликтующих взглядов, а синтез всех лучших мыслей. Это тот случай, когда два и два равняется пяти». По поводу описанного у Трублада решения по кладбищу Стюарт Чейз дает такое объяснение: «Решением стал не компромисс, а переход на другой уровень, где действовал уже другой план; план, о котором никто и не подозревал в начале обсуждения».

Возможно, будет полезно привести один пример. В 1967 году один квакер во время своей поездки в пригород Филадельфии сделал публичное пылкое заявление за скорейшее окончание Вьетнамской войны. В ответ на это местный квакерский дом собраний был обезображен. На деловом собрании, созванном для обсуждения ситуации, многие Друзья высказались за публичное освещение события в газете, но один был категорически против. Последовало несколько периодов длительного молчания. В итоге Друг, который был против публичного освещения, предложил пригласить через прессу местные церкви к совместной покраске дома собраний. Такой вид освещения был с готовностью одобрен всеми.

В своей работе 1952 года о квакерском собрании в Чикаго Гленн Барту прямо заявляет: «В нашей деятельности мы никогда не прибегали к компромиссам». Возможно Барту несколько преувеличивает. Автор этой работы скорее написал бы так: «компромисс бывает как редкое исключение из правил».

Иногда давление группы заставляет человека жертвовать тем, что ему больше по душе, в пользу того, что его меньше раздражает. Вот как это объясняет один Друг:

Давление на инакомыслящих обычно очень сильное. Чтобы выдержать его, требуется быть сильно приверженным своим убеждениям. Однажды комитет мира нашего месячного собрания хотел поместить фото нашего предыдущего пикета против войны во Вьетнаме. В итоге, после трех заседаний было одобрено компромиссное решение, главным образом потому, что оно было менее обидно для тех, кого смущала позиция сопротивления войне. Это компромиссное решение оказалось не столь эффективным, каким могло бы стать первоначальное предложение.

А вот комментарий другого филиладельфийского квакера в более общих словах: «Обычно существует тенденция подводить решение под наименьший общий знаменатель».

Иногда Друзья также указывают на более значимый синтез, получившийся в качестве решения, в случае, когда ни одна из сторон не желала отступать. Бертон Кларк указывает, что основатели Свортморского колледжа имели различные позиции в вопросе о том, чем он должен быть – колледжем или же частной средней школой. Вместо достижения настоящего значимого синтеза они пришли к согласию открыть учебное заведение, которое было бы и колледжем, и средней школой, таким образом вынудив его первых педагогов в течение нескольких лет ломать голову над вопросом приоритетов.

Принимая во внимание время от времени случающиеся неудачи, автор снова и снова поражается тем усилиям, которые совершают Филадельфийское годовое собрание и Филадельфийское собрание представителей* для нахождения решений, которые могли бы оказаться выше наименьшего знаменателя. Так это и должно быть. Задачи квакерского метода принятия решений коренным образом отличаются от задач метода принятия решений большинством, который привычен для большинства американцев. Предложения, вносимые в начале дискуссии, обычно рассматриваются участниками как точки отсчета, а не готовые продукты, которые нельзя изменить.

* – состоит из лиц, назначенных каждым месячным собранием для принятия решений в то время, когда годовое собрание не проводит свою встречу

На собрании представителей докладчик от комитета, выступавший с рекомендациями по перестройке старинного здания, в конце своей речи улыбнулся и сказал: «Конечно, это то, что, как мы думаем, можно сделать. Но возможно у Друзей будут другие идеи». В течение следующих 20 минут собрание обсуждало все «за» и «против» предложений комитета, а представитель комитета бодро переделывал предложение, когда группа продвинулась до таких вариантов, которых не было у комитета.

Наше мнение таково, что отношение, с которым Друзья подходят к принятию решений, отличается от того, которое превалирует в ситуациях, где действует правило большинства. Вообще предполагается, что при принятии решений у квакеров каждый

ищет наилучшее решение. Также в общем предполагается, что группа в совместном поиске может достичь правильного решения. Позже мы увидим, как поведение, свидетельствующее об отношении, противоположном совместному поиску, подвергается едва различимым, но энергичным санкциям. В результате общий поиск наилучшего решения, который в контексте правила большинства выливается в лицемерную риторику, становится эффективной нормой в квакерском мире, не имеющем голосований.

У друзей востребовано отношение открытости к идеям друг друга и способность отложить в сторону излюбленные мнения в пользу озарений тех, кто рядом. Френсис, Беатрис и Роберт Полларды в работе «Демократия и квакерский метод» пишут:

Действительно, такие методы предъявляют большие требования к тем, кто ими пользуется. И мы должны осознавать, что иногда Друзья уклоняются от этого высокого уровня решений, откладывая решения в долгий ящик. Соблазн поступить именно так – неизбежный недостаток среди качеств этого метода. Тем, кто будет экспериментировать с квакерскими методами, необходимо понимать это. Лекарством является глубокое понимание метода. Те, кто боятся эффектов прямоты на собрании, не дают этому собранию шансов реализовать все возможности жизни группы. Такое чувство часто является проекцией страхов в них самих. И собрание, которому его члены полностью доверяют, может многое сделать, чтобы освободить их от этого страха.

Почему так мало робких квакеров

Таким образом, у Друзей высоко ценится отказ от страха, робости, от нежелания высказывать свои идеи. В некотором смысле результат, достигнутый на собрании, является музыкальной композицией, где каждый участник добавляет одну ноту. Если пропущено много нот, тема теряет свою красоту и даже может стать неразличимой. В очень коротком памфлете Томаса Брауна о процедурах на квакерском собрании все же находится место для комментария: «Важно также и то, чтобы Друзьям, чувствующим неспособность высказываться достаточно понятно и ощущающим неуверенность в значимости своего вклада на собрании, было предложено высказать, что они могут высказать. Следует помнить, что те замечания, которые, как им кажется, звучат сбивчиво, на самом деле могут указать на темы, необходимые к рассмотрению собранием».

Джеймс Уокер призывает тех Друзей, которые говорят чаще других, сдерживать свои высказывания, чтобы предоставить больше возможностей тем, кто говорит с неохотой: «Разговорчивым участникам, склонным быстро включаться, следует стараться проявлять выдержку. Как мне кажется, слишком часто лидеры собрания при принятии решений не обращают особого внимания на тех, кому оказывается нелегко высказывать противоположную точку зрения. Иногда тихие участники признают неприятное им решение из-за нежелания высказываться по этому поводу. При таких обстоятельствах, по крайней мере, часть ответственности должна все же быть на них».

Вот как выразил свои чувства один из участников нашего опроса: «По своему опыту общения с Друзьями я знаю, что даже если скажу что-нибудь глупое, никто не заставит меня смущаться и не станет думать обо мне хуже».

В квакерском стиле общения есть одно спокойное, но постоянно звучащее напоминание, что именно такая атмосфера будет преобладать. Мы уже видели

заявление Лондонского годового собрания, в котором сказано: «Мы не придаем большого значения риторике и искусным спорам. Как оказалось, простой набор полемических очков не приносит пользы и чужд духу молитвы».

Говард Бринтон объясняет: «Красноречие, которое взывает к эмоциям, неуместно. Те, кто приходят на собрание не столько для выявления Истины, сколько для обеспечения победы своего мнения, могут обнаружить, что их взгляды не имеют большого веса. Мнения всегда следует выражать скромно, с сомнением, с пониманием того, что ни один человек не видит Истину целиком, и что собрание в целом может увидеть больше от Истины, чем любая его часть».

Современный американский стиль ораторского искусства только внешне напоминает квакерские публичные выступления – неформальные, избегающие ораторской напыщенности и явного эмоционального воздействия. Нужно только немного посидеть на квакерском деловом собрании, чтобы понять его глубину и качество. Осторожность и безыскусное желание встретиться лицом к лицу слабости в своей позиции сильно отличаются от забалтывания этих слабостей с помощью отвлекающих намеков.

Санкции против недопустимой риторики не особо заметны, но эффективны. В редких случаях, когда такие речи происходят, обычно их никак не комментируют, вместо этого дискуссия продолжается, следующие выступающие подчеркнуто игнорируют реплики провинившегося. Во время очередного перерыва на чай можно краем уха услышать такие отрывки разговоров как: «Джону следовало бы получше разузнать, прежде чем так говорить» или «Если есть что-то, что может разочаровать меня, так это то, как Сюзан старается нас всех рассердить». Это одна из форм применения социальных санкций, которую квакеры с ухмылкой называют «филадельфийским обращением».

Филадельфийское обращение действует и в обратную сторону. Часто оказывается, что тема Друга, чья речь нерешительна или же кому трудно подбирать слова, робея перед группой, поднимается одним из самых уважаемых и опытных членов собрания. Во время перерыва или после собрания различные Друзья останавливают робкого Друга, чтобы поблагодарить его за пронизательность. Таким образом, вклад робкого Друга поддерживается публично и в частном порядке. Скорее всего, на следующем собрании этот Друг будет более уверенным.

Затронув этот вопрос, мы считаем своим долгом сделать некоторые уточнения. Степень отношения к робости не одинакова в разных месячных собраниях. В одном месячном собрании «старая гвардия» может быть не особенно восприимчивой к новшествам. В другом – у «социальных активистов» может не вызвать энтузиазма вклад членов, которые «недостаточно чувствительны» к социальным проблемам. В третьем собрании чье-то личностное доминирование может удерживать потенциальных ораторов от вступления в дискуссию. Имея в виду такие недостатки, все же очевидно, что, как правило, Друзья подчеркивают важность дать каждому участнику собрания почувствовать уважительное отношение к его возможному вкладу.

О сдерживании эмоций

Все же проблемы у Друзей возникают, когда дело доходит до проявления эмоций. «Квакеры сдерживают свои эмоции больше чем другие люди», – признался один из

участников наших бесед. С таким наблюдением автору трудно не согласиться. Из-за того, что у Друзей не приветствуется обращение к эмоциям, они иногда считают неподобающим проявлять свои собственные внутренние чувства или слишком усердствовать в ораторских изысках и подборе слов, которые показали бы людям глубину их чувств. Как результат, эмоциональная составляющая обсуждаемых тем иногда не получает должного внимания, потому что эмоции считаются не имеющими особой ценности.

В качестве примера: неожиданный свет пролил на этот вопрос один член совета директоров Американского комитета Друзей на службе обществу. Когда его спросили, является ли решение Комитета нарушить федеральный закон и подвергнуться риску потерять налоговые льготы из-за доставки пенициллина в Северный Вьетнам хорошим примером квакерского принятия решения, он дал такой ответ: «Решение по пенициллину было хорошим примером квакерского принятия решений... Но интересно, что решения, которые вызывали у нас больше всего беспокойств, касаются обычных вопросов – о собственности, бюджете, кладбищах. В таких делах страсти кипят...»

Создается такое впечатление, что на практике у Друзей есть шкала измерения, насколько могут быть проявлены личные чувства. Если человек, в общем, рассудителен и сдержан, случайное проявление личных чувств воспринимается с симпатией. Например, женщина, чья манера говорить – как на деловом собрании, так и вне его – была рассудительной, с приятной импровизацией, поднялась, чтобы пожаловаться на то, что квакерские команды по продвижению миротворческой деятельности были удалены с территорий средних школ, в то время как армейских вербовщиков встречали фанфарами. Она упомянула и о давлении, которому подвергались молодые ребята, в том числе ее сын. В ее голосе звучала глубокая печаль, и, едва не заплакав, она села. Спустя какое-то время, уважительное молчание было нарушено выступающими, выразившими согласие с нею и предложившими практические шаги, которые могло бы предпринять собрание.

В таком случае эмоции показались допустимыми, потому что они проявлялись не часто. Очевидно, что у этой женщины не было привычки выступать в такой манере. А также, и потому что эмоции не служили замещением рассудительности; даже без выражения чувств высказанная этой женщиной озабоченность была явно в русле квакерской приверженности миротворческому просвещению.

Время от времени три других члена этого собрания также выступали эмоционально. В случаях с ними выступления воспринимались с меньшей симпатией. Отзывы тех, кто выступал непосредственно после таких эмоциональных речей, наблюдения, полученные во время бесед сразу после собрания, примеры, приведенные во время рабочих интервью, когда обсуждался этот вопрос – все указывало, что симпатия была в лучшем случае минимальной. Один человек пожаловался, что такие люди все время стараются увлечь, но не захватывают слушателей. Их жалобы, вероятно, были слишком частыми, и наблюдалась тенденция подменять дела эмоциями.

Также следует отметить, что Друзья, кажется, с готовностью принимают простое утверждение «это глубоко меня трогает» как дополнительный фактор придания веса высказываниям других лиц. Это еще раз приводит к мысли, что Друзья не против эмоций, не против их важного влияния на принятие решений. Друзьям кажется важным, чтобы восприятие эмоций оставалось глубоким и откровенным. Редкость –

очень удобная мера глубины, а, следовательно, тот, кто все время говорит эмоционально, вызывает отторжение. Но восприятие также важно: я должен знать, каковы мои эмоции, если мне необходимо с ними совладать. И группа тоже должна знать чувства своих членов. Поэтому Друзья открыты таким утверждениям как «Я вижу, что это решение по городу меня очень раздражает» и выражениям эмоций, через которые эти чувства проявляются, но сдерживаются контролем разума. В обеих ситуациях эмоции замечаются и их вполне могут учитывать. Хотя многие Друзья все-таки, похоже, подавляют свои чувства, однако большинство участников собрания побуждают их так или иначе выражать свои эмоции, а не прятать.

Для тех Друзей, которые являются поклонниками школы «Расскажи все без утайки», довольно популярного подхода среди 30-40-летних участников сообщества, обычная квакерская манера управления эмоциями кажется неестественной и временами даже нечестной. Однако все Друзья, опрошенные по этому вопросу, указали на общее чувство веры в то, что собрание проявляет симпатию к сильно волнующим их вопросам.

Такая открытость сильным эмоциям – еще один показатель теплой атмосферы, которая, по-видимому, характерна для квакерских собраний. Для сохранения этой теплоты Говард Бринтон предлагает прилагать сознательные усилия для развития настоящего чувства привязанности внутри группы, используя любые инструменты, которые могут помочь ей «стать подлинным сообществом – в экономическом, социальном и любом другом смысле, в зависимости от желания его членов». Квакеры прилагают усилия для усиления «общественной солидарности». Они сетуют о потере таких стимулов существования содружества, как старинная выходная неделя перед годовым собранием, которая предшествовала времени пахоты, когда семьи фермеров могли погостить у своей братии в Филадельфии в течение полных семи дней, пока та держала закрытыми свои лавки.

Когда пропадает доверие

Атмосфера уважительной открытости друг к другу – необходимым элементом, признаваемый само собой разумеющимся всеми квакерскими источниками, с которыми познакомился автор этой книги. Полезными могут оказаться пример-другой того, на что походит квакерское принятие решений без такой атмосферы.

Пендл-Хилл – учебный центр с возможностью проживания в нем. Там учатся взрослые – как Друзья, так и не-Друзья – которых интересует изучение социальных и религиозных вопросов, традиционно исследуемых квакерами. В конце 1960-х – начале 1970-х годов даже в этом учебном заведении случались волнения, обычные для студенческих кампусов, чьи жильцы были гораздо моложе. Один член Правления Пендл-Хилла так описывает ситуацию:

В течение примерно пяти ужасно трудных лет студенты – те, кто пребывали у нас от 10 до 12 недель, и сотрудники, работавшие обычно один год – требовали права принимать участие в работе правления и исполнительного комитета. Эти два органа категорически отказывались принять их, потому что им совершенно ясно была видна мотивация – отсутствие доверия, подозрительность, стремление к власти. Один человек даже утверждал, что было бы в порядке вещей распустить Пендл-Хилл, если бы одна из групп, присутствовавших в нем в течение 12 недель, приняла бы такое решение. В

итоге им было позволено присутствовать в ограниченном количестве: два человека от сотрудников и два – от студентов. И они часто проявляли инквизиторскую воинственность. Помню, как один парень доставал казначея. Наконец, казначей смог объяснить ему, чему соответствуют записи в отчетах, и тот отстал, что позволило атмосфере поменаться.

Да и в Филадельфийском годовом собрании случаются разногласия. Мы детально обсудим это позже. А пока будет достаточно одного примера. Особенно трудным является случай с неактивными Друзьями из старых квакерских семей, которых притягивает на деловое собрание какое-то особое противоречивое дело – к примеру, передача денежных средств группе чернокожих, требующих компенсации, или снос стены, окружающей кладбище, где похоронены шесть поколений их предков.

В такой ситуации организатор опроса услышал примеры, описывающие то, как неактивные Друзья, подзабывшие квакерские методы, имеют склонность критиковать «равнодушные» предложения некоторых активных членов собрания. Последних (в приватной обстановке) называют новичками, непривычными к квакерским обычаям. Со своей стороны, активные члены наблюдают отсутствие ответственного отношения и эгоистичное предубеждение в обычно неактивных собратях. В подобной ситуации можно было наблюдать лишь внешние проявления квакерского метода принятия решений, но разговоры с участниками подтвердили наше впечатление, что динамика поиска большего единства через принятие того, что от Бога в каждом, в такие моменты работала лишь минимально.

Временами, когда подобные конфликты особенно остры, некоторые Друзья полагают, что квакерский метод работает лучше в Американском комитете Друзей на службе обществу (где большинство сотрудников, принимающих участие в выработке решений, обычно не-квакеры), чем на встречах, где все участники – квакеры, но подлинное принятие других не достигнуто:

Я бы лучше работал над проблемой в Комитете на службе обществу, чем в месячном собрании. Меня беспокоит подход в Обществе Друзей, называемый «сутью собрания». Потому что люди, принимающие решения, часто не имеют достаточно общего – взглядов, стремлений, времяпрепровождения и т.д. Мое месячное собрание страдало из-за деструктивной деятельности сепаратистских групп чернокожих. Множество людей появлялись непонятно откуда. Приходили даже те, кто никогда не посещал богослужения. В АКДСО тоже много точек зрения, но в нем, по крайней мере, есть рабочая среда, ведущая к улучшению статуса соседа и реальному взаимодействию принимающих решения. Ты знаешь этого парня достаточно хорошо, чтобы серьезно выслушать его «чуждую» идею. Благодаря личному опыту мы воспринимаем друг друга серьезно. Мои собственные представления о социальных проблемах изменились, потому что на меня оказали влияние коллеги, с которыми я много взаимодействую.

Необходимость открытости ведет к нескольким прямым последствиям. Друзья согласны, что их метод хромает в случае, когда участники не могут присутствовать вживую: «Я согласен, что по некоторым не особо важным вопросам можно выяснять мнения по телефону или даже по почте. Но обычно нужно посмотреть людям в глаза, чтобы точно почувствовать их».

Другим следствием является то, что темы, над которыми группа может успешно работать, обычно ограничены силой уз и уважения друг к другу, преобладающих в

сообществе. Больше об этом мы узнаем, когда будем исследовать роль клерка при выборе тем, подходящих для повестки дня.

Но целью этой главы является не столько разбирать детали квакерских процедур, сколько показать читателю атмосферу, преобладающую в тех ситуациях, где квакерский метод, вероятно, действует хорошо. Основным является принятие друг друга, взаимное уважение, избегание манипулятивного поведения, которое часто прячется за высокопарным стилем, чувство пристрастного отношения к собственным озарениям и зависимость от совместного группового поиска решений, лучших, чем те, которые можно было бы достичь в одиночку.

Имея в качестве прелюдии некоторые представления об общей атмосфере, теперь мы переходим к исследованию одной из наших главных тем – природы единства, связанного с принятием решений.

Глава III

Без единства нет решений

Одна из главных сложностей при оценке квакерской методики заключается в том, что не существует общепринятого термина, адекватно обозначающего феномен общего согласия при принятии решений на квакерском собрании. Некоторые называют такие решения единогласными, принимая во внимание, что любой возражающий участник может воспрепятствовать продвижению вперед. Но это – неправильное употребление термина, так как оно предполагает, что все участники останутся довольными, когда решение будет принято. Но в отношении многих квакерских решений так едва ли бывает. Другие говорят о консенсусе, таким образом подчеркивая, что основная часть присутствующих приходит к согласию, даже если остаются один-два возражающих. Но такое описание тоже вводит в заблуждение. В действительности квакеров не радует, даже когда к согласию приходит подавляющее большинство.

Исходя из этой речевой трудности, многие квакеры твердо придерживаются термина «единство», а не «единогласие» или «консенсус». Но и этот термин может быть дезориентирующим, если его используют как синоним слову «единогласие». Однако у него есть преимущество: оно широко использовалось Друзьями и имеет исторические корни в смысле понимания, что единый Дух Истины ведет всех нас к единению в открываемом Святым Духом для нас. Отсюда происходит общеупотребительное квакерское выражение: «Я присоединяюсь к тому, что сказал Друг Смит».

Есть согласие и по другому термину ранних квакеров. В 1662 году Эдвард Барроу увещевал свою братию «определяться в вещах общим, взаимным согласием, разрешая вместе, как один человек, в духе истины и равенства и исходящей из этого властью». «Оксфордский словарь английского языка» приводит в подобном смысле гармонизации различных мнений определение соответствующего английского слова *concordance* [рус.: «соответствие, согласие, гармония», – прим. пер.].

Здесь подойдет сравнение с мелодией. Оно предполагает, что при таком согласии, какое мы наблюдаем при принятии решений квакерами, каждый участник не придерживается единой для всех ноты. Вместо этого они придерживаются разных нот,

но удачно их сливают вместе, как пианист сливает взаимодополняющие ноты в один аккорд.

Хотя автор данной книги предпочитает термин «согласие», в современной квакерской традиции используется слово «единство» – термин, чье значение понятно Друзьям, но другие могут понять его неверно. Однако автор подстраивается под обычай современных Друзей и в дальнейшем обсуждении оперирует понятием «квакерское единство».

Предварительное обсуждение

Часто при принятии решений квакерами наблюдается, по крайней мере, две стадии обсуждения. Предварительная стадия начинается с представления проблемы и ее возможных решений. В это время участники часто задают вопросы человеку, выступившему с представлением, выдвигают пробные альтернативные предложения и даже оказываются скорее в состоянии мозгового штурма, чем производства серьезных суждений. Замечания, идущие вразрез с основным предложением, на этой стадии воспринимаются как выдаваемые с целью исследования. Если выступающие с такими замечаниями решают предложить их всерьез, они должны повторить их, когда обсуждение перейдет в более серьезную фазу, которая предшествует объявлению клерком единства.

Переход от предварительной к серьезной фазе обычно проходит без формальностей. Кто-то начинает говорить уже не так приблизительно, и другие, следуя его инициативе, говорят скорее с использованием более уверенных суждений, чем в исследовательской манере.

Во время перехода иногда запускаются «пробные шары». Некто выступает с предложением – возможно отклонением первоначального предложения по какой-то новой причине – а затем садится и смотрит, какой отклик найдет его идея у группы. Такое высказывание не подразумевает, что выступивший придерживается именно такой точки зрения, хотя неопытный наблюдатель мог бы легко ошибиться, приняв эти слова за серьезно выдвигаемое возражение. Он делал бы это снова и снова, пока в разговорах после делового собрания не выяснил, что участники вбрасывали эти высказывания всего лишь для прощупывания почвы.

Способность отличать высказывания «на пробу» от серьезных и неопределенных высказываний важна для всех участников обсуждения, но особенно она важна для клерка, чьей обязанностью является разбирать мнение группы и решать, есть ли серьезные возражения основному пути, по которому движется обсуждение.

Серьезное обсуждение

Как только Друзья переходят к серьезным заключениям, начинает выстраиваться основное направление дискуссии. Выступающие опираются на идеи своих предшественников. Слушатели, которым по душе слова выступающих, поддерживают их репликами: «Согласен», «Присоединяюсь» или «Я того же мнения».

Но иногда в основное направление дискуссии вливаются несколько течений, толкающих собрание в две или более стороны. Или же может вовсе не существовать основного направления или течений: даже после дискуссии участники могут чувствовать, что нет варианта, ведущего к согласию. В таких ситуациях дискуссия продолжается до выявления доминирующей позиции или до тех пор, пока клерк или какой-то другой участник не выскажут общее понимание невозможности на данный момент прийти к какому-то решению. В таком случае вопрос откладывается: «Задача клерка в хитросплетениях этой общей работы или найти решение, с которым присутствующие на собрании Друзья будут в основной массе согласны, или следовать квакерскому правилу "Есть сомнения – жди". В последнем случае протокольная запись может гласить: "На этом собрании не смогли достичь ясности в решении вопроса, и было условлено отложить его до следующего месячного собрания"».

Однако, если основное направление дискуссии движется в какую-то определенную сторону, ожидается, что клерк примет решение о том, что группа уже теперь готова прийти к согласию, и предложит пробную протокольную запись, передающую то, как по итогам дискуссии это согласие понимается клерком.

Несогласие с предложенной протокольной записью

Когда клерк предлагает протокольную запись, у каждого участника заседания возникает два совершенно разных вопроса. Первый – соответствует ли предложенная запись направленности обсуждения? Если ответ отрицательный, то предполагается, что это мнение будет высказано вслух. Иногда можно услышать такое парадоксальное замечание: «Как будет угодно клерку! Хотя протокольная запись мне нравится, я подозреваю, что в ней сказано немного более того, что Друзья желали сказать». Обычно же возражение будет иметь такую форму: «Что касается меня, то мне не по нраву такая запись. И судя по тому, что я услышал, многим другим в этой комнате она тоже будет не по нраву».

После такого возражения следует дискуссия, разные Друзья высказывают свои мнения о том, насколько протокольная запись передает волю группы. Клерк делает изменения в записи или, если нужно, отзывает ее.

Если клерк сведущ в своем деле – об этом подробнее будет в следующей главе – такое неправильное истолкование предпочтений группы происходит сравнительно редко. Поэтому с опытным клерком каждый из участников, скорее всего, переходит ко второму вопросу – даже если протокольная запись и отражает тенденцию, царящую в группе, каждый ли из ее членов доволен этой тенденцией? Если ответ отрицательный, то имеющий такое мнение может встать и высказаться против записи. Но возможно группа не изучила как следует точку зрения, имеющую скрытую значимость. После выступления одного из участников остальные соглашаются или не соглашаются, и как только завязывается какая-нибудь новая дискуссия, клерк либо снова выносит первоначальную запись, либо предлагает замену в зависимости от того, выявила ли дискуссия подвижки в предпочтениях. Часто случается, что высказанные одними опасения ведут других к переоценке своих суждений, заставляя их внимательнее отнестись к неучтенным ранее деталям.

Но предположим, что группа остается безучастной к беспокойствам одного из участников. Исходя из популярного мнения по поводу разногласий между квакерами, ответ прост: если человек не согласен, группа не может развивать тему. К счастью реальная практика гораздо искуснее сглаживает сложности, возникающие при несогласии людей. Например, противодействие рекламе в «Нью-Йорк Таймс», призывающей к импичменту президента, относится совершенно к иной категории, чем несогласие с началом уборки по воскресеньям в 9.00, а не в 9.30. При квакерском поиске решений может проявляться целый спектр несовпадений взглядов. В следующих разделах отмечены некоторые типичные точки этого спектра.

«Я не согласен, но не хочу мешать»

Во многих случаях вопрос, по которому нет согласия, по той или иной причине недостаточно важен для того, чтобы служить причиной противостояния. По религиозным причинам человек может предпочесть суждения группы «искренних искателей божественного водительства» индивидуальному суждению. В более мирских выражениях, вероятно человек осознает возможность того, что правы все, или что вопрос не особенно принципиален.

Это тот уровень, на котором, как показывает практика, в основном и находятся проявляемые разногласия. Собранию остается лишь принять к сведению мнение несогласного, если он не желает препятствовать дальнейшим действиям по обсуждаемому вопросу. Соответственно, возражающий таким образом, подписывается под решением группы, имея в виду, что по его собственному мнению возражение недостаточно серьезно, чтобы мешать последующим действиям.

Поэтому несогласный оказывается в психологически странной ситуации, но чувствует облегчение. Человек может покинуть собрание с чувством честности перед самим собой. («Я так и не одобрил это предложение. Это не было компромиссом с моими взглядами и моими предпочтениями».) Потому что он не смог подписаться под выбором группы. Но в то же время человек ощущает своего рода ответственность, потому что «Я мог бы остановить или, по крайней мере, отсрочить решение, но я не сделал этого». Поэтому человек склонен возлагать на себя долю ответственности за решение и даже чувствовать своего рода ответственность за его должное выполнение. Позже мы основательнее разберем такую ситуацию.

В квакерском методе принятия решений такой способ отказа от противостояния без категоричного несогласия является очень важным способом предотвращения поляризации мнений, и таким образом, его осуществление – это фактически искусная форма любезности. Парадоксально, но некоторые Друзья отмечают, что они бывают особенно настойчивы в своей критике предложенного варианта, так как знают: если предложение будет одобрено группой, им суждено испытать тот момент, когда приходится отказываться от противостояния, предотвращая собственные резкие заявления, способствующие постоянным противоречиям в сообществе. Вот пример, свидетельствующий о важности такого отказа.

На заседании Филадельфийского годового собрания в 1975 году основным яблоком раздора был размер бюджета, выделяемого на нужды персонала годового собрания на следующий год. Небольшая, но очень шумная группа от одного из месячных собраний

высказала недовольство тем, что персонал годового собрания придает особое значение социальной работе в городской черте Филадельфии и мало работает с собраниями, подобными их, которые расположены за пределами города. Казначей группы жаловался, что бюджет годового собрания непрерывно рос в течение последних десяти лет, и что месячному собранию придется уволить одного сотрудника, работающего на полную ставку, чтобы у них появилась возможность сделать пропорциональный вклад в предполагаемый бюджет годового собрания. Продолжительная дискуссия выявила, что основная масса выступающих не разделяла желание этого месячного собрания уменьшить бюджет годового собрания.

Вечерняя сессия была изматывающей. Клерк напомнил всем об ограничениях во времени и возвратился к более раннему предложению о том, что финансово крепкие собрания могли бы взять на себя пропорцию в формировании выросшего бюджета большую, чем финансово слабые собрания. Он отметил, что, без сомнения, бюджет утвержден, но также, что у годового собрания есть ответственность учитывать недовольствие раздраженных собраний и, поэтому, чуть позже должна быть проведена встреча, на которой решится, возьмут ли на себя часть расходов собрания, ощущающие себя финансово более крепкими.

Из зала выкрикнули: «Я не понимаю, каким образом годовое собрание утвердило бюджет, когда многие из нас бюджет не одобряют».

Клерк ответил, что, по его мнению, единственной существенной точкой разногласий является распределение финансового бремени. Поскольку это будет отложено до следующей согласительной встречи, вопрос с бюджетом фактически урегулирован, а вопрос о его детализации будет урегулирован на предстоящей встрече.

На какое-то время после ответа клерка установилась тишина, хотя возражающий и не был удовлетворен. Выступивший с возражением Друг был сильно расстроен как из-за того, что расходы годового собрания были сконцентрированы на социальных проектах в Филадельфии, так и из-за дополнительного финансового бремени; и казалось, что в заявлении клерка была проигнорирована его озабоченность.

Беседы автора с присутствовавшими пролили свет на квакерские обычаи. Один человек с многолетним опытом заметил, что клерк был несомненно прав, сказав, что общее ощущение было в поддержку бюджета, но тем не менее, кажется, клерк преувеличил свои полномочия, – так происходит при слишком быстром рассмотрении вопросов, чтобы прийти к заключению до того, как неудовлетворенные участники отзовут свои возражения. Некоторые собеседники пришли к общему выводу, что размер собрания – несколько сотен человек – и поздний час привели к слишком поспешным действиям клерка. На следующий день кое-кто из присутствовавших в зале жаловался на то, что клерк нарушил порядок действий, принятый у квакеров.

Однако несколько недель спустя в беседах люди, которые изначально возражали против такого бюджета, давали понять, что они «очень довольны результатом». В действительности они не хотели блокировать бюджет; они хотели отметить сомнительную важность вопроса для месячных собраний. Месячное собрание, выступившее с возражениями, считалось «и так довольно сомнительным среди Друзей», а, значит, мало кто сочувствовал его возражениям. Комментарии одного из присутствовавших были таковыми:

Клерк понял настроение собрания очень хорошо. Если он и сделал какую-либо ошибку, она была в том, что он допустил острое влияние фактора времени на обычную процедуру. Может быть, ему было бы лучше заявить, что «Друзья находятся в тупике» и попросить о нескольких минутах молчания. Или же он мог бы сказать, что не способен определиться с протокольной записью, и спросить, не желает ли собрание подвинуть повестку следующего дня, чтобы решить этот вопрос. В обоих случаях возражающие Друзья, сделав свои замечания, обозначили бы свое нежелание мешать процессу. Но он двигался слишком быстро и не дал им шанс отозвать свои возражения.

Таким образом, спешка клерка привела к чувству поляризации в группе, лишив несогласных момента для жеста примирения. Принимая во внимание число Друзей, у которых даже через несколько месяцев были сильные чувства по этому вопросу, кажется, что последствия оказались совсем не эфемерными. Отзыв возражений – это гораздо больше, чем ритуальный жест; он действительно дает собранию свободу идти вперед и предотвращает поляризацию взглядов, которая обычно возрастает в момент голосования, когда одна из сторон становится победителями, а другая – побежденными. В квакерской системе такого обычно не происходит, потому что те, кто не смог повлиять на группу, имеют возможность присоединиться к ней. Присоединившись к группе, они действительно предоставляют свободу для дальнейших действий.

«Пожалуйста, отметьте в протоколе, что я возражаю»

На один шаг дальше в спектре несогласия находится не совсем обычная (и поэтому гораздо более выразительная) среди Друзей практика – просьба участника отметить в протоколе, что он возражает. В этом случае возражающий желает, чтобы протокольная запись, выражающая суть собрания, передавала его несогласие. Хотя эта процедура была довольно обычной в прошлом, в наши дни она незнакома многим квакерам. Ее применение дает собранию свободу продолжать работу, но вместе с тем обозначает, что группа принимает решение менее охотно, чем в том случае, если бы возражающий все же не просил отметить в протоколе свое несогласие. Полезным может оказаться пример из практики Правления квакерского учебного центра Пендл-Хилл, который находится в окрестностях Филадельфии:

Перед нами стояла проблема, разрешать ли совместное проживание студентов и/или преподавателей, не состоящих в браке. Помните, что в обоих случаях речь идет о достаточно взрослых людях. После продолжительного рассмотрения Правление ввело такую практику – мы не одобряем подобное совместное проживание, но все же даем администрации право разрешать его в исключительных случаях.

Один из членов Правления пожелал, чтобы в протоколе было записано его персональное несогласие. Клерк вынужден был объяснить некоторым Друзьям, что такая процедура приемлема. После этого еще четыре Друга попросили добавить и свои имена к имени первого несогласного. Это уже было ощутимым числом; однако никто не пожелал воспрепятствовать дальнейшей работе.

Это решение привлекло значительное внимание Друзей Филадельфии. Такое выражение несогласия произвело впечатление экспериментального, пробного, неоднозначного. Любопытно, что этот поступок не вызвал среди квакеров волну

критики, как можно было бы предположить. Возможно именно потому, что его тягостная неопределенность была столь очевидной.

В зависимости от обстоятельств просьба о «включении в протокол в качестве неприсоединившегося» к решению может заставить группу гораздо менее уверенно двигаться вперед, чем явный отзыв возражения. Однако в обоих случаях возражающий недвусмысленно обозначает, что его несогласие не должно помешать процессу.

«Я не могу присоединиться к этому решению»

Следующей в спектре стоит ситуация, когда человек «не может присоединиться» к предложению до такой степени, что не хочет отступить и позволить собранию двигаться дальше. В такой ситуации обычной процедурной практикой является отложить принятие конкретного решения на более поздний срок. Если есть ограничение во времени или же возражение кажется легкомысленным, клерк или иной Друг может призвать возражающего отозвать свое возражение или согласиться на внесение в протокол его особого мнения.

Если рассмотрение откладывается, какое-то время все опять раздумывают о своих позициях по обсуждаемому вопросу. Также могут вестись обсуждения среди тех, кто участвовал в предыдущем собрании. Клерк и те, кого возражающий особенно уважает, могут предпринять дополнительные усилия, чтобы понять причины возражения. Это одна из тех форм работы, которую квакеры называют «работой с Другом Икс».

На собрании, которое следует за этим, очень часто возможно нахождение согласия. То, что для возражающего является проблемой, в предложенном переводится в нечто незначительное, и, соответственно, само предложение уточняется. Или же возражающий приходит к мнению, что его недовольство не столь значительно, как он прежде думал, и теперь он желает отступить. Также часто бывает, что возражающий решается отступить, потому что теперь он уверен – те члены собрания, кому он доверяет, поняли его точку зрения и, добросовестно обдумав ее, все же не могут с ней согласиться. Личное уважение к их суждениям облегчает принятие решения, с которым можно двигаться дальше. Конечно, человек все еще может не присоединиться к решению, однако общественное давление в пользу присоединения возрастает с каждым откладыванием принятия решения, с каждым обсуждением с участием уважаемого Друга. Если человек не присоединяется, группа может еще раз отложить решение или же, воспринимая возражения как несерьезные, все-таки продолжить движение вперед. Более вероятным вариантом является откладывание решения. Многие из тех, с кем автор проводил беседы, резюмировали свое мнение о вероятности разрешения конфликта в своем собрании такими словами: «Мы не решим его до тех пор, пока у нас не состоятся хорошие квакерские похороны или даже парочка похорон».

Отсутствие

Наш спектр пополняется Друзьями, которые вообще не пришли на собрание. Причиной обычно бывает не более чем отсутствие интереса или же обремененность другими заботами. Но Друг, который является постоянным участником встреч группы,

однако отсутствует во время принятия критически важного решения, не остается незамеченным. Одна женщина-Друг отсутствовала на собрании правления квакерской школы, где, как она знала, будет решено приглашать к вступлению в Правление родителей учащихся, не являющихся квакерами. «Если бы я пошла, – рассказывала она доверительно другому члену правления, – я бы просто должна была выразить возражение. Поэтому я не пошла». И ее отсутствие почувствовали все. Однако правление приняло решение. Преднамеренное отсутствие, таким образом, может иметь множество значений. Даже когда так выражают значительное несогласие с предложенным решением, это не приводит к блокированию работы.

Неуловимые факторы, усиливающие воздействие разногласий

Теперь, наверное, было бы полезным вернуться ко всему спектру возможных способов выражения несогласия и обозначить вырисовывающиеся итоги. По сути, подразумевается, что группа продолжает сразу двигаться дальше, если возражающий следует типичной модели выражения своей тревоги, но подтверждает желание не препятствовать процессу. То же самое происходит даже в том случае, если возражающий просит занести его несогласие в протокол, хотя вероятно группа будет продолжать работу более осторожно. (Этот вывод основан на немногочисленных свидетельствах. Подобные случаи крайне редки.) Если человек просто чувствует невозможным для себя присоединиться к решению, группа, как правило, откладывает его принятие.

Но на какое количество собраний группа будет откладывать действие по вопросу? Чтобы ответить на это, мы должны ввести новый, сложный набор факторов. На практике готовность группы откладывать решение, очевидно, зависит от важности для самого несогласного приводимых им возражений – до какой степени это для него дело принципа. Готовность группы откладывать решение также зависит от ее уважения к возражающему. Какова репутация этого человека? Что думают о его мудрости, или духовной чувствительности, или его опыте в сфере, которой принадлежит обсуждаемый вопрос? Третьим является фактор времени. Чем более срочным является дело, тем более уважаемым надо быть тому, кто выступает с возражением. И, конечно, играет роль количество возражающих. 50 из 100, даже если они не особо влиятельны по отдельности, значимы как группа.

В каком-то смысле эти факторы – кошмар для ученого-социолога. Относительная значимость каждого фактора зависит в каждой конкретной ситуации от полного набора взаимоотношений, существующих в данный момент в группе, которая ведет обсуждение. Любой единичный фактор – размер меньшинства, репутация возражающего (или возражающих), временной прессинг, важность вопроса для возражающего (или возражающих), важность вопроса для наиболее уважаемых ораторов доминирующей стороны – все это может быть достаточно значимым при воздействии на результат в одном случае, но совершенно незначительным в другом.

Глава IV

Система взглядов, лежащая в основе квакерского метода принятия решений

Миф с точки зрения социологии

Квакерское понимание значимости собственного метода принятия решений и того, как достигается единство мнений, может приводить в замешательство. Одни говорят, что группа достигла Истины, имея в виду под Истиной направляющий свет Иисуса Христа. Другие подразумевают под Истиной наилучшие человеческие стремления, но опускают упоминания о Христе, считая это «багажом из другой эпохи», когда люди знали не так много. Если четыре квакера согласятся, что Христос есть Истина, которая направляет Друзей, то для одного из них это будет значить, что Христос – исторический Иисус, для другого – это имя Создателя, для третьего – безличностная сила, а для четвертого – эвфемизм, позволяющий выразить свои чувства, когда он старается оставаться честным, делая какой-то выбор.

Не важно, насколько противоречивыми являются такие формулировки на первый взгляд; все они обозначают событие, которое переживается вместе: Друзья испытывают нечто особенное и применяют некое уникальное объяснение того, почему их метод принятия решений отличается от обычных методов. Они находят надежное измерение вне одной лишь механики процесса. Один Друг, профессиональный ученый-политолог, высказался так: «Я сомневаюсь, что будет достаточно иметь лишь общую цель и принятие правил... Нужен подлинный религиозный миф, мистицизм, которому люди чувствуют приверженность».

Перед тем, как мы исследуем вариативные квакерские мифы, возможно, будет полезно объяснить нашу интерпретацию термина «миф». Миф, в определении Карла Ранера и Хеберта Форгримлера, есть «интеллектуальная конструкция, которая сплавляет понятие и эмоцию в один образ». Те мифы, с которыми мы сталкиваемся, являются скорее «коллективными представлениями», чем продуктом одиночного разума. Объясняя религиозный миф, Ранер пишет:

Если мы полагаем, что каждое понятие, опирающееся на метафизическую или религиозную реальность, далекую от непосредственного опыта, должно взаимодействовать с осязаемым образом..., который не является осязаемой формой этой реальности, но появился откуда-то еще, если мы продолжаем полагать, что этот образ – не статичная «картинка», а волнующее представление, событие – или же может стать таковым, и что тогда такая вещь может быть названа мистическим представлением, тогда каждое метафизическое или религиозное высказывание является мифическим или может передаваться мифическими терминами.

Под мифом мы подразумеваем конкретное воплощение взглядов, которое имеет смысл в виде объектов религиозного восприятия для группы верующих. Мифы могут сообщать или правду, или ложное утверждение, или то и другое. Они достойны изучения, потому что могут помочь объяснить действия тех, кто их придерживается.

Давайте сначала посмотрим на вторую принципиальную тему этой работы – наиболее значительные квакерские мифы – и поймем, как на них зиждутся квакерские молитвенные и деловые собрания.

Для начала нам следует подчеркнуть, что все, изложенное далее, – чисто теоретические положения. Они были отобраны из множества бесед с людьми, которые склонны придерживаться таких положений, или комбинаций из таких положений, или, в некоторых случаях, изменять положения в соответствии с конкретной ситуацией.

Христоцентризм

Типичным американцам легче всего будет понять, кто такой христоцентричный квакер. Вместе с большинством американских протестантов он разделяет убежденность в том, что исторический Иисус был, так или иначе, сыном Божиим, что Евангелия уникальным образом передают его учение, и что он и в наши дни проявляет себя в нашем мире как его Владыка. Наверняка Евангелия – лишь один путь к этому Владыке; они не могут заменить его продолжающееся откровение при личной молитве и совместном богослужении. Потому что и там, и там можно найти Внутренний Свет в виде Духа Иисуса. Решения, достигнутые в этой жизни, гарантируются обещанным водительством Иисуса: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». (Матф. 18:20) За взаимным доверием на собрании Друзей лежит убежденность, что в каждом присутствующем человеке «пребывает дух Бога и Отца нашего Господа Иисуса Христа» (Еф. 1:3).

По факту христоцентричных квакеров можно разделить на две подгруппы. К первой относятся те, кто скорее склонен быть фундаменталистом в теологических вопросах. Они воспринимают Писание буквально: сотворение мира произошло за шесть дней; Иисус произнес все, что приписывается ему, в точности, как записано; и детали каждого чуда в Писании исторически точны. Хотя в этой подгруппе присутствуют люди всех возрастов, многие взрослые ее представители в свои студенческие годы не оказались вовлеченными в диспуты о науке и Библии и незнакомы с современными библейскими исследованиями.

Ко второй подгруппе относятся те, кто придерживается скорее теологических позиций, преобладающих в наши дни в протестантизме и католицизме. Для таких квакеров исторический Иисус – та же самая личность, что и современный Внутренний Свет, но буквальное восприятие библейских событий и утверждений должно быть скорректировано с учетом литературных жанров, применяемых в каждом отрывке, старинных представлений об истории и т.д. На деле хотя и Писание, и продолжающееся откровение являются путями к Богу, последний путь – часто более надежный индикатор божественного водительства, нежели Писание.

В эту подгруппу, по всей видимости, входит не так много совсем молодых людей и людей преклонного возраста. Ее участники принадлежат к возрастной группе 35 – 65 лет, если судить по нашим беседам и наблюдениям за упоминанием Бога на молитвенных и деловых собраниях. Эта группа более близко связана с современной гуманитарной наукой, чем их коллеги-фундаменталисты или универсалисты.

Универсализм

Квакеры-универсалисты, по-видимому, являются самой большой группой в Филадельфийском годовом собрании. Их также можно разделить на две группы.

Первая подгруппа включает всех тех, кто придерживается принципа водительства откуда-то извне, «Другим», не из человеческой жизни. Иисус был особенным, великим человеком, примером преданности Богу. Но он не был Богом, и его смерть не была искупительной. Человек хорош по своей природе; ему требуется божественное водительство, но не искупление греховности.

Божественный Другой – будь он личностным или безличностным – без сомнения имеет возможность осуществлять водительство для тех, кто по-настоящему его ищет. Такое водительство получают при индивидуальных размышлениях и на собрании. Как сказал один Друг: «Среди квакеров распространено предположение, что существует нечто большее, чем человечество – назовите его Бог, первичная реальность или как-то еще – нечто более глубинное, чем человек, то, что ведет нас, если мы открыты этому». Для таких квакеров язык христианства завяз во времени. Ведь традиционные для квакеров формулировки отражают наивный словарный запас буквализма той эпохи, когда появился Фокс, а, следовательно, и терминологию, которой он должен был пользоваться. Таким образом, Общество Друзей является христианским по воле случая.

Несмотря на глубокое различие в вопросе веры между представителями этой подгруппы и теми, кто придерживается христоцентричной позиции, такие универсалисты разделяют со своими христоцентричными братьями готовность видеть в опыте Внутреннего Света проявление божественного водительства, которое нуждается в преданности. Эти Друзья, так же как и христоцентричные квакеры, предпочитают искать решения в атмосфере молитвы; их чувство особенной обязательности подчинения таким, достигнутым в религиозном порядке решениям выглядит столь же крепким.

Вторую подгруппу, выступающую под универсалистскими знаменами, скорее всего можно было бы назвать гуманистами. Это люди, которые склонны вместо традиционной религиозной речи использовать язык облагороженных намеков на основополагающие стремления и возможности «человеческих существ в их лучшем проявлении». Как написал Стэнли Эллин в своем письме в журнал «Френдз Джорнэл»: «Там, где большинство христиан интерпретируют слова "Я и Отец одно есть", как определение природы Иисуса, для нас они выражают божественный потенциал во всех людях». Этим людям религиозный язык подходит для бережной передачи потенциальных возможностей человека, но они не воспринимают его буквально. Вот два примера:

Важно подчеркнуть страстное желание [всех Друзей] при любой возможности встречаться в духе поиска результатов, которые являются конструктивными, мудрыми и исполненными любви, или, как некоторые предпочли бы выразиться, в согласии с Божественной волей. (Катлин Слак. *Постоянство и изменения в Обществе Друзей*. Лондон, 1967)

Одной из непосредственных и важных целей квакерского молитвенного собрания является создание христианского содружества. ... Даже если квакерское собрание в качестве результатов своей деятельности не имело бы ничего, кроме способствования укреплению человеческого содружества, уже в этом случае его существование было бы оправданным. (Говард Кольер. *Квакерское собрание*. Пендл-Хилл, 1944)

Среди таких Друзей-универсалистов есть множество разных людей: иудейские агностики, буддисты, индуисты, которые считают, что квакерство – «не религия вовсе, а форма гуманизма, касающаяся этики и улучшения человеческой доли».

Из всех групп эта гуманистическо-универсалистская разновидность наиболее трудна для анализа. Например, ощущение сплоченного состояния имеет глубокий смысл для некоторых гуманистических универсалистов; это момент, когда каждый находится в соприкосновении с собственным «лучшим я». У таких людей решения, принятые в состоянии единения, не будут висеть на них тяжким бременем обязательства, если не несут ущерба индивидуальной свободе, потому что – как у Руссо – каждый человек подчиняется лишь своему «лучшему я» или же более высокому стандарту, который группа может принять, но не создать самостоятельно. Гленн Барту пишет: «Цели превыше группы, и превыше отдельной личности. Следовательно, личности не воспринимают группу, как вмешивающуюся в их личную свободу». Те Друзья, которые в ходе бесед с автором выражали свои симпатии этой позиции, выглядели экспрессивными, упоминая об обязательстве выполнять решения группы. Хотя у нас нет достаточно информации, которая с уверенностью указывала бы на соответствие чувства долга христоцентричных Друзей аналогичному чувству у Друзей, ориентированных на «Божественное Другое», у последних оно выглядит менее сильным.

Для второй подгруппы категории гуманистических универсалистов ощущение сплоченного состояния, очевидно, имеет меньшее значение. Некоторые признают, что для них это любопытный групповой феномен, и в качестве его объяснения они выдвигают предположения о телепатии, экстрасенсорном восприятии или других физических явлениях. При вопросе о чувстве долга при подчинении групповому решению они ссылаются на здравый смысл и сильное желание довериться коллективной мудрости, но не на характерную связывающую особенность, которой может обладать такое решение, даже достигнутое в глубоко религиозной атмосфере. Люди такого склада склонны подчеркивать, что «сплоченные» молитвенные собрания довольно редки. Одна женщина-Друг со «стажем» около трех лет сказала, что у нее вообще не было опыта такого собрания. Что касается «сплоченного» делового собрания, эти Друзья скорее всего заметят, что таковое случается столь нечасто, что об этом нет нужды и упоминать.

Квакер-универсалист, будь то приверженец «Божественного Другого» или же гуманист, может быть любого возраста. Люди среднего и пожилого возраста с этой системой взглядов часто упоминают о знакомстве с полемикой на тему «Старая наука против Библии». У них обычно высшее образование, и они рассматривают квакерский универсализм как «рай для скептиков века науки». Один христоцентричный Друг пояснил: «Триумвират Дарвина, Маркса и Фрейда вел квакеров 1940-х, 50-х и 60-х годов в сторону скорее психологического объяснения глубинного опыта квакеров, чем объяснения через боговдохновенность. Теперь, когда выяснилось, что быть верующим снова безопасно и достойно уважения, происходит новый поворот к открытой вере, особенно среди Друзей, которые связаны с образовательной средой».

Разумеется, не следует полагать, что квакерский универсализм – сравнительно позднее явление. Элиас Хикс, лидер одной из сторон великого квакерского раскола 1827 года, выглядит приверженцем универсализма, ориентированного на «Божественное Другое». Однако на рубеже нынешнего столетия ортодоксальная

сторона того же раскола попала под универсалистское влияние, вдохновителем которого явился философ и историк Руфус Джонс. 70-ти и 80-тилетние участники рабочих бесед рассказывали о своем выборе универсализма, ссылаясь на годы своего детства.

На первый взгляд, по крайней мере, самые старшие и самые молодые приверженцы квакерского универсализма во многом схожи. И те и другие верят в божественную сторону жизни, но не особенно используют для ее обозначения традиционно христианский язык квакеров. Но схожесть эта не полная. Друзья среднего и пожилого возраста выказывают оптимизм насчет состояния человечества и будущего этого мира, с чем их более молодые сотоварищи не совсем согласны. Вот мнение одного опытного клерка:

В наше время у молодых Друзей и прихожан вы можете обнаружить отчетливый разброс мнений. Многие чрезвычайно пессимистичны: человек не хорош. Это сильно отличается от традиционного квакерского оптимизма. Кажется, причиной такого мнения является война во Вьетнаме. Для этих молодых Друзей христианство видится в довольно негативном свете: христианство сеет распри, ... явилось причиной многих войн, привело к гонениям, оттолкнуло от себя доброжелательных людей. Такие молодые люди не проявляют охоты следовать христоцентричным путем. Универсализм кажется им гораздо более подходящим.

Общественный активизм

Хотя было бы удобно ограничить квакерские мифы спектром «христоцентричность – универсализм», однако ни наши рабочие беседы, ни наши письменные материалы не дают основания для выделения таких простых категорий, основывающихся лишь на вопросе «Кто есть Бог?» У Друзей есть одна замечательная группа, которую скорее волнует исцеление детей Божьих, чем вопрос, кто Он такой. Как сказала одна женщина: «Мне представляется, что мне более интересна справедливость, чем вопросы веры. Моя "молитва" происходит скорее на служении, чем в доме собраний». Движение Социального Евангелия Уолтера Раушенбуша, выйдя в 1920-30-х годах из лона Чикагского университета, оказало значительное влияние на эту сферу деятельности квакеров. Впоследствии многие участники этого движения присоединились к квакерам, привлеченные ненасильственными методами работы Американского комитета Друзей на службе обществу.

Повторимся, что здесь мы рассуждаем о теоретических типах, а Друзья, являющиеся общественными активистами, также занимают какие-то свои места в этом спектре «христоцентричность – универсализм». Однако общественный активизм важен сам по себе, потому что он использует квакерский механизм принятия решений без обращения к каким-то иным более формальным теологическим принципам. Квакеры, которые подчеркивают свое понимание религии через общественную активность, склонны быть более прагматичными в вопросе о значении квакерского метода принятия решений. Один Друг выразил это таким образом: формула «ищите единство, потому что вы добьетесь большего эффекта, если вы все делаете вместе» довольно сильно отличается от поиска единства, потому что в нем может быть найдено божественное водительство.

У общественного активиста отсутствует многое из того понимания авторитетности принятых решений, которое мы видим у христоцентристов или универсалистов, ориентированных на «Божественное Другое». С гуманистическим универсалистом его роднит желание доверять групповой интуиции или желание усилить эффект благодаря совместным действиям. Но особенный обязывающий характер решения, достигнутого в религиозной атмосфере, не является значимым для таких Друзей. Интересно, что несколько участников бесед отметили такую особенность – решения, касающиеся общественной деятельности, реже достигались в религиозной атмосфере их собственных месячных собраний, иногда с довольно невнятным оправданием «похоже, общественные вопросы слишком сложны для божественного водительства». Автор не был свидетелем их обсуждения на тех собраниях, где он присутствовал. Однако такое отношение, если оно действительно таково, может являться отражением потребностей общественных активистов, принявших деятельное участие в принятии этих решений и не видящих особой ценности в выходе на религиозный уровень.

Демократия

Годами квакеры испытывали гордость из-за своей системы «радикальной демократии» в том смысле, что все присутствующие одинаково ценны в глазах Бога и имеют равные права при участии. Эта любовь к демократии аккуратно уравнивалась одной оговоркой, например, вот так звучащей у Говарда Бринтона: «При методе голосования "один человек – один голос" мнение глупого или безразличного считается наравне с мнением мудрого, заинтересованного или ответственного. На квакерском деловом собрании выслушивают и мудрого, и глупого, но вклад каждого в итоговое решение, как минимум, может быть измерен пропорционально мудрости этого вклада».

Тем не менее, американский демократический миф оказал свое влияние на квакерскую практику. Некоторые Друзья возмущаются самой идеей того, что один участник должен иметь больше влияния, чем другой. Некоторые отмечают, что определенные слабости для эффективного осуществления квакерского процесса принятия решений возникают из-за американской политической традиции: «Большинство из нас в этом собрании пришли к квакерству сами. Мы не родились в квакерских семьях, а стали Друзьями, будучи взрослыми. Мы ничего не забываем, становясь Друзьями».

Демократия при ее использовании в полной мере может радикально изменить значение квакерского метода принятия решений. Один квакер-социолог, который сейчас настроен не в пользу Друзей и не видит в их практике «ничего особенного», заявил: «Представление о том, что мы можем сделать особый выбор, устраивающий всех, сродни предположению в правиле большинства о том, что решение не будет столь отталкивающим, если проигрывающие участники голосования отзовут свой вариант». Он замечает, что квакерские решения, противоречащие его симпатиям, вызывают у него такое же признание, как и решения, принятые правилом большинства: «Если система справедлива, я принимаю ее результаты».

У такого человека нет сильной мотивации отодвигать личные предпочтения в пользу группового водительства; у него нет особой мотивации с энтузиазмом вносить свой вклад в выполнение решения, которое ему не по нраву. Вот слова еще одного Друга:

Кажется, что некоторые Друзья рассматривают демократию как критерий квакерского метода принятия решений. Они придерживаются принципа «один человек – один голос». Их толкование «демократии» входит в противоречие с основополагающим квакерским принципом о равной политической власти, исходящей из того, что Бог может говорить с каждым. В эту ловушку легко попасть. Впрочем, демократия – это «наше» слово. Конечно, мы не хотим, чтобы люди считали нас «антидемократичными». Но тот, кто видит в нашем методе «чистую демократию», упускает из виду его основной принцип. По сути, мы занимаемся исполнением послушания, отрицая собственную волю, и поиском истины наперекор нашему собственному личному и групповому интересу.

У автора сложилось впечатление, что среди Друзей демократический миф, в общем, не развит, не обсуждается и является часто непризнанным симптомом окружающей политической культуры. Как таковой, он редко удостоивается осознанного упоминания, как было у квакера-социолога, процитированного чуть выше. Вместо этого видна тенденция к одновременному существованию с одним из других типов самопозиционирования, обсуждавшихся в данной главе. Это проявляется спонтанно, например, когда человек приходит к выводу, что его мнение принималось во внимание меньше, чем мнение других.

Неопределенность

Мы упомянули, что каждая из вышеперечисленных самоидентификаций – чисто теоретическое позиционирование. Для каждого отдельного человека характерна комбинация позиций. В беседах – порой даже продолжительных – с некоторыми людьми нам не удалось выявить, какое именно значение придает Друг таким общим квакерским терминам как Внутренний Свет или Божественное. В некоторых случаях такое отсутствие определенности объясняется нежеланием делиться глубоко личным опытом. Один пожилой квакер поначалу был очень прямолинеен в своих суждениях: «Никогда на собрании я не говорил под водительством Духа. Я лишь использую свой разум и говорю то, что имеет смысл». Чуть позже он предположил: «Забавно, когда я говорю на молитвенном собрании, всегда неожиданно замечая, что нахожусь на ногах». Через десять минут, когда его спросили о природе сплоченного молитвенного собрания, этот Друг улыбнулся и ответил: «Скорее всего, в группе присутствовало то, что люди называют Святым Духом».

Беседы такого рода говорят не только о преимуществе нерегламентированного интервью над опросником, составленным для извлечения определенной информации, но и о неопределенности и даже противоречивости уровней миропонимания в конкретном человеке.

Едва уловимые изменения в используемом лексиконе, представлениях – обычное дело. На вопрос о том, может ли человек быть одновременно квакером и атеистом, один пожилой Друг ответил: «Лично мне это не кажется логичным. Но я также скептически отнесся бы к ценности описания человеком себя как атеиста. Однако, конечно, я совсем не уверен и насчет того, как много людей назвали бы мое представление о Боге теизмом».

Такие неожиданные моменты заставляют вспомнить наблюдение Томаса О'Деа о том, что мормоны, у которых как и у квакеров Филадельфийского годового собрания нет

профессиональных священников, вследствие этого не имеют устоявшегося языка богословия; ведь он создается при подготовке духовенства. О'Деа заметил: «Говоря языком теологии, Церковью управляют не просто миряне, но к тому же и непрофессионалы».

Взгляд на квакерские мифы: главенство «события»

Однажды вечером автор ужинал с двумя Друзьями, каждому из которых было глубоко за семьдесят. Он упомянул, что ему любопытно, как квакеры понимают Бога. Один из собеседников немного помолчал и коротко сказал: «Ну, мне кажется, что я на самом деле не знаю. Я знаю, что думаю я». Затем, повернувшись к своему товарищу, произнес: «Мы с ним молимся вместе почти 50 лет. Я не знаю, что думает он о Боге. Не думаю, что мы когда-либо говорили об этом». Другой степенный Друг согласился, добавив: «Я тоже, действительно, не думаю, что это имеет большое значение. Если он делится своими ощущениями на богослужении, то не имеет большого значения, как он выражает это словами».

Высказывание этого Друга благотворно расставляет все по своим местам. Квакерство всегда было сообществом без вероучения, и именно потому, что оно не нуждалось в вероучении. В отличие от других религий квакерство выстраивает все на опыте совместного собрания. Вместе Друзья ощущают что-то помимо себя, превосходящее человеческую ничтожность, характерную для обычной жизни. Один может находить в этом опыте Дух Христа, другой – Божественную Личность, третий – силу вне этой вселенной. Не важно, как они объясняют этот опыт сами себе; событие, на которое они опираются совместно, является первостепенным. Перед ним они застывают в благоговении, понимая, что оно управляет их поведением, когда они собираются вместе для принятия решения. И это событие требует, чтобы достигнув этого решения, они пожертвовали собственными интересами и пытались найти истину выше той, что они могли бы достичь индивидуально.

Вся сила квакерского способа принятия решений, как он уже нами обрисован, зиждется на опыте переживания. Так как Друзья не одинаковы в своем понимании переживания, методы, используемые на собраниях, являются скорее неувлимыми приглашениями снова присоединиться к переживанию, а не формальными уведомлениями о квакерской вере. Открытие и закрытие периодов молчания и моментов особого размышления во время конфликтных и тупиковых ситуаций оживляют для присутствующих такой опыт переживания, когда каждый, оставаясь свободным, должен испытать это переживание своим собственным рассудком. Даже такая архаика, как использование «ты» вместо «вы», служит напоминанием участнику о том, что происходящее вокруг является именно квакерским мероприятием, отличным по процедуре от принятого в других местах. Квакерские авторы, рассказывающие будь то о духовных эмпирических наблюдениях или же о практическом мистицизме, постоянно подчеркивают центральную роль религиозного переживания и без пietetа говорят о такой привлекательной идее, как демократия, рассматривая ее как угрозу квакерским обычаям.

Когда Друзей спрашивают, такой ли вид понимания необходим для успешного осуществления процесса, они отмечают, что процесс будет обладать существенным недостатком, если его участникам позволено настаивать на своих личных сильных

желаниях. Ряд Друзей, принимающих участие в деятельности Американского комитета Друзей на службе обществу, заявили, например, что на собраниях по обсуждению будущего бюджета процесс идет вкось, когда люди склонны отдавать предпочтение своим собственным участкам работы и требовать для них полного финансирования. «Когда какой-нибудь низовой комитет АКДСО начинает делить финансовый пирог, тот, кто сильнее нажимает, часто добивается своего».

Рассказывают также и о проблемах, которые привносят в Комитет активисты в защиту прав женщин и чернокожего населения. Иногда они предпочитают проводить не обычные собрания, а закрытые встречи, чтобы иметь возможность разрабатывать планы стратегии. У них «наблюдается тенденция выходить из Комитета с чувством неудовлетворенности», потому что Комитет «не рассматривает интересующие их вопросы прежде всех остальных». Короче говоря, они посвящают себя достижению конкретных целей и не желают «связывать себя дисциплиной» сообщества, для которого нормой являются «религиозные события», а не эти цели.

Автор сталкивался со множеством Друзей, считающих, что люди, пришедшие в квакерское сообщество под влиянием протестов против войны во Вьетнаме и других событий конца 1960-х годов, «либо откроют для себя богослужение Друзей, либо уйдут». Этому соответствует и такое наблюдение: участники рабочих бесед, пришедшие в квакерство через АКДСО и остающиеся в нем много лет, часто уверенно говорят о важности квакерского богослужения в их личной жизни.

Уровни единства: религиозный аспект не всегда желателен

Ранее мы уже отмечали, что «деловое собрание является, по сути, молитвенным собранием, посвященным определенным вопросам». Начальный и завершающий моменты молчаливого богослужения напоминают об этом намерении. Молитвенная атмосфера связана с «ожиданием коллективного водительства».

Религиозный настрой делового собрания может охватывать области спектра от простой формальности до вопросов необычайного качества, очень существенных для намечаемого решения. На формальном краю спектра начальный момент молчания видится почти таким же существенным, как молитва священника на общенациональном съезде Демократической партии США. Что касается противоположного края, можно вспомнить время от времени случающиеся собрания или моменты на собраниях, когда за словами отдельных выступающих следовали долгие, спонтанные моменты молитвенного молчания, и наблюдатель чувствовал свою вовлеченность в глубокий групповой поиск в молитвенном духе. Это собранное, или сплоченное, или охватывающее состояние уже описывалось, как возникающее в более обычной квакерской обстановке – на молитвенном собрании.

Такая ситуация молитвенного состояния иногда сопровождается удивительными изменениями позиций – отдельными людьми либо группой в целом. Показательным может быть один пример из практики АКДСО. Во время беседы один из бывших сотрудников этой организации поделился своими воспоминаниями:

В 1948 году в Секторе Газа было около 750 000 беженцев; только что было основано новое Израильское государство. ООН попросила АКДСО заняться предоставлением пищи и крова и т.п. На собрании Правления АКДСО все выступавшие говорили о том,

что такую работу делать нужно, но все соглашались, что ее объем будет слишком большим для Комитета. Они рекомендовали ответить «нет», выразив сожаление. После этого председатель призвал к периоду молчания, молитвы, медитации. Прошло 10-15 минут, и за это время никто не сказал ни слова. Председатель опять открыл дискуссию. Мнения людей, собравшихся вокруг стола, полностью поменялись: «Конечно, мы должны сделать это». И в этом было полное единство.

Решения в истинно молитвенном духе случаются скорее в ситуациях повышенного риска. Двумя примерами могут являться такие случаи: решение АКДСО отправить груз медицинского назначения в Северный Вьетнам без официального разрешения и моменты напряженного внутреннего конфликта, такие как заседание Филадельфийского годового собрания в 1971 году, когда группа вооруженных чернокожих заняла дом собраний и требовала выкуп. Ни в одном из этих случаев результатом не стало кардинальное изменение мнений в группе, хотя во втором случае начальный гнев собравшихся Друзей усилиями клерка годового собрания был преобразован в терпеливую молитву. Увидев перед собой сотни людей, погружившихся в молчаливую молитву, вооруженные налетчики быстро прекратили свои агрессивные разглагольствования и спросили у клерка совета, что теперь делать. Клерк пригласил главаря налетчиков сесть рядом для ведения собрания. Вскоре вооруженные люди ушли. После этого Друзья – как те, кто был за выкуп, так и те, кто был против – смогли прийти к согласию об организации инвестиционного фонда, который работал бы с предприятиями чернокожих бизнесменов.

Случаи, вызывающие состояние такой драматичной религиозной глубины, не часты. Автор был свидетелем ситуаций близких к проявлению такой глубины три или четыре раза в течение года, когда посещал квакерские деловые собрания. Однако в любом вопросе существенной значимости, когда некий Друг не был готов отступить и позволить группе двигаться дальше, спасением становился этот недвусмысленный религиозный уровень. Типичное собрание колеблется между поверхностным и довольно глубоким религиозным настроением, в зависимости от обсуждаемой темы.

По большому счету такой разброс понятен. Только важные темы достойны крайне серьезного религиозного уровня размышления. Было бы что-то нелепое в глубоких религиозных размышлениях о том, куда доставлять корреспонденцию для собрания – клерку домой или же в почтовый ящик дома собраний. Как отметил один Друг: «Если все время стараться выйти на религиозный уровень, это ведет к его обесцениванию».

Вера в то, что решение принимается под таким божественным покровительством, усиливает также и характер решения, который группа способна принять. Один Друг отметил: «Решения, основанные на человеческих соображениях, – это замечательно, но их недостаточно для того, чтобы можно было поступиться действительно важными вещами, такими как семья, друзья, жизненные цели. Когда северокаролинские квакеры собрали свои пожитки и двинулись в Айову, потому что почувствовали потребность отделиться от рабовладельческого окружения, они были убеждены, что таков божественный зов. Ничто другое не заставило бы их уехать».

Конфликтующие мифы и принципиальные расхождения

Тем не менее, исследователь был удивлен большим количеством квакеров, которые, как может показаться, совсем не видели связи между обстановкой, складывающейся

на молитвенном собрании, и обстановкой на деловом собрании. Снова и снова будут вежливые объяснения, что «собранное», «сплоченное» или «в Жизни» – это все синонимичные термины, относящиеся к ощущению Присутствия и единства молитвенного собрания, а не делового. Если поднажать, эти Друзья порой признают, что «что-то подобное» все же иногда случалось на деловых собраниях, но им никогда не приходило в голову, что такие термины подходят для использования в контексте решения деловых вопросов. Такие собеседники обычно были ближе к универсалистско-гуманистическому краю религиозного спектра или же являлись приверженцами демократического или общественно-активистского мифов.

Последующие вопросы иногда вели к парадоксальному открытию, что для некоторых из этих Друзей опыт «сплочения» даже на молитвенном собрании был скорее из формальной, чем из опробованной реальности. Для некоторых тот факт, что группа спокойно просидела 25 минут, сам по себе является показателем сплоченности. Для других собрание было сплоченным, если высказывания Друзей в заключительные минуты собрания были проникновенными. Следуя той же схеме, один интересный участник опроса, который согласился с тем, что деловое собрание тоже может быть сплоченным, как и молитвенное собрание, упомянул: «Вы всегда можете сказать, было ли решение принято в состоянии сплоченности. Просто взгляните в протокол. Если там отмечено, что была взята пауза для раздумий, то собрание было сплоченным». Кажется, для таких Друзей сплоченность собрания, когда сообщество чувствует втянутость в Жизнь и наполненность Духом, определяется внешними формами. Решение АКДСО отправить пенициллин Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама запомнилось одному из участников, как принятое не на религиозном уровне, потому что не было формального призыва к молчанию. Другие же описали ту же самую встречу, как действительно прошедшую «в Жизни»: «Нет, там не было много молитвенных моментов. Но можно было почувствовать общее чувство необходимости в божественном водительстве. Это было видно по чьим-то высказываниям, тону, упоминанию того, как действуют Друзья, ссылками на многочисленные примеры из долгой истории АКДСО».

Если последняя точка зрения явилась отражением взглядов большинства присутствующих, тогда загадочное различие в восприятии описанного случая кажется еще более многогранным, так как автор пытался обсудить с Друзьями их личное понимание религиозной значимости квакерского метода принятия решений. Вскоре он почувствовал себя запутавшимся в мире, где все, кажется, пользуются одним и тем же словарным запасом, но с разным значением слов. На миг проявилось то, что Шалтай-Болтай у Льюиса Кэрролла прятал в каждом: «Когда я использую слово, ... это всего лишь значит, что я выбрал его, чтобы что-то высказать – не больше и не меньше».

Если бы автор должен был точно следовать всем типичным канонам социологии, на этом месте он вероятно пару раз почесал бы затылок, отметил, что расплывчатость квакерских выражений делает точную статистическую оценку невозможной без дополнительного привлечения невообразимого количества времени и усилий и двинулся бы дальше, анализируя какой-нибудь менее интересный, но более податливый объект исследования.

Это верно – лексикон Друзей неоднозначен. Даже более, понимание многих квакеров того, во что они верят, кажется, зависит от ситуации или же не столь устойчиво, как им представляется. Конфликт между демократичным равенством и теорией, гласящей,

что голос Бога, а не численное преимущество, направляет собрание, является лишь одним очевидным образцом.

Но переходить к другим способам, более удобным для измерений, значит позволять ограничениям технологии контролировать ваши цели. В самых лучших таинственных историях из нашей юности спрятанные сокровища обычно отыскивались в еле освещенной комнате. Так же и наиболее ценные знания иногда лежат за пределами ярко освещенного, неширокого круга методики социологических исследований.

При всем при этом на основании наших исследований в этой области можно сделать, по крайней мере, одно важное заключение. Среди всей неопределенности, характерной для объяснений квакеров, как их вера в Бога, в общественный активизм и в демократию влияют на принятие решений, общая модель их ответов содержит один крайне существенный момент.

Когда Друзья размышляют о своих убеждениях, они часто заостряют внимание на очевидном конфликте между христоцентричным и универсалистским подходами. Люди, ощущающие в себе сильную привязанность к одному из этих лагерей, часто видят в другой позиции опасность для самого квакерства. Универсалисты недовольно смотрят на христоцентриков как на фундаменталистов. Христоцентрики полагают, что универсалисты потеряли связь с основаниями квакерства, отвергнув центральную роль Христа, которая оказала большое влияние на философию Джорджа Фокса.

Однако у приверженцев любой из этих позиций первый ответ исследователю обычно бывает таким: у квакерства нет формальных доктрин, и поэтому обе группы живут в гармонии. Когда же разговор уходит далее от таких «официальных» ответов, многие из Друзей признаются, что чувствуют себя некомфортно с представителями другой группы. Когда в 1975 году христоцентричный Друг на годовом собрании встал и заявил: «Я считаю всех вас моими Друзьями, но многих я не могу считать своими единоверцами», в целом его слова шокировали и были восприняты с беспокойством. Но у тех лиц, которые участвовали в рабочих беседах с автором, проявлялась смешанная озабоченность – о неуместности такого заявления и, в то же время, осознание того, что эту точку зрения невозможно игнорировать.

Если говорить кратко, то получается, что между христоцентричными Друзьями и Друзьями-универсалистами есть расхождения.

После завершения большинства бесед автор стал ощущать неловкость, придя к этому выводу. Действительно, сами Друзья довольно озабочены таким раздвоением. Действительно, этот глубинный конфликт в верованиях является правдоподобным объяснением таких квакерских трудностей, как отсутствие роста численности и неспособность удерживать новых членов. Но когда автор возвратился в мыслях к атмосфере и тону своих бесед, а не просто к произнесенным словам, он начал понимать, что христоцентриков и определенных универсалистов объединяло какое-то глубокое почтение к сплоченному молитвенному собранию, которое не всегда было видно у других Друзей.

Когда у них спрашивали о наиболее ценном, чем обладают Друзья, христоцентрики и некоторые универсалисты обычно вспоминали молитвенное собрание, проводимое в Свете. Если их спрашивали о самых значимых для них решениях деловых собраний,

они часто описывали, как какая-то случайность приводила группу к состоянию сплоченности. Конечно, их слова, объяснявшие такой опыт, заметно различались, но для обеих групп имел значение именно опыт.

Когда те же самые вопросы задавали другим универсалистам и Друзьям, благосклонно относящимся к тому, что мы называем общественными акциями и демократическими мифами, они иногда вспоминали то же самое решение делового собрания или выражали свою гордость за принятое хорошее решение, но, несомненно, не осознавали той особой атмосферы, ощущаемой другими. Даже когда им напрямую говорили, что другие присутствующие сообщали об особом чувстве сплоченности, эти люди обычно реагировали так: «Такого рода вещи меня не впечатляют» или «Другие люди могут говорить о своем опыте; я могу говорить о своем».

Проще говоря, настоящее расхождение в среде Друзей проходит между теми, кто испытывает состояние сплоченности, и теми, кто его не испытывает. Первые могут заметно отличаться друг от друга лексиконом, используемым для описания такого события. Для одних группа спланируется во Христе, для других сила в истоках вселенной или в глубине каждого человека проявляет себя в сплоченном собрании. В любом случае слова и концепции вторичны; значение имеет, прежде всего, событие, опыт ощущений.

У Друзей, испытывающих состояние сплоченности и не испытывающих, различия в лексиконе могут быть небольшими. Например, универсалистский гуманизм интеллектуально может быть удовлетворительным для обеих групп. Но универсалистский гуманизм лица, испытывающего состояние сплоченности, будет вести в несколько ином направлении, чем у лица, не имеющего такого опыта. В этом ощущении первый находит водительство, мотивацию пересматривать предпочтения, чувство обязанности по отношению к решению, достигнутому в особой атмосфере. Ни один из этих факторов напрямую не влияет на лицо, обладающее идентичными убеждениями, но не имеющее такого опыта. Именно в этом – важном – смысле те, кто обладают таким опытом, будь они христоцентрики, универсалисты или еще кто-то, являются единоверцами. Те, кто разделяют интеллектуальное понимание вопроса, но не опыт ощущений, едва ли являются единоверцами.

Если данное мнение автора о точке разделения верно, то стоит поразмыслить и о другом факторе. Время от времени пожилые Друзья отмечали, что в наши дни сплоченные собрания бывают не столь часто как во времена их молодости. В какой-то мере эти воспоминания можно рассматривать скептически, воспринимая их как ностальгию или же как уловку памяти, возвращающейся лишь к ярким моментам прошлого. Однако сравнение современного квакерского опыта с некоторыми квакерскими дневниками прошлого дает основание предположить, что это уменьшение – не просто результат ошибок памяти.

Один интервьюируемый Друг заметил, что сплоченное собрание случается не реже, чем изредка испытываемое чувство благоговения, которое ощущается в самые глубокие моменты католической евхаристии. Однако католики полагают, что событие евхаристии случается не независимо от того, испытывают ли участвующие чувство божественного присутствия или нет. Таким образом, редкость подобного ощущения у католиков не имеет основополагающей значимости. У Друзей, для которых опыт играет настолько важную роль, что формулировки вероисповедания второстепенны,

сообщество с редкими молитвами «в Жизни» должно вызывать гораздо больше опасений.

Очень трудно быть точным, обсуждая частоту сплоченных молитвенных собраний. В данном случае исследователь возможно просто недостаточно плотно был знаком с опытом большей части сообщества, в котором он участвовал в богослужениях. При проверке своего опыта в сравнении с опытом других участников он, возможно, выбрал тех немногих, которые были в то утро такими же невнимательными, как и он. Или, возможно, он просто посещал не те молитвенные и деловые собрания. (Из 99 месячных собраний в Филадельфийском годовом собрании автор посетил только около 10, и некоторые из них только один раз.) С учетом всего этого и опираясь на личный опыт и беседы, вероятно, не будет ошибкой сказать, что подавляющее большинство молитвенных встреч в этом годовом собрании не достигают состояния сплоченности.

А если это так, не может ли оказаться, что включение в сообщество множества людей, которые, кажется, никогда не испытывали состояния сплоченности, является одной из причин, почему сообщество трудно достигает этого состояния? Гребная лодка редко выигрывает гонки, если половину экипажа не заботит работа на веслах.

Ирония такой ситуации в том, что сама редкость сплоченных собраний не дает тем, кого не влечет этот опыт, понять значимость пропускаемого ими. Один Друг сказал: «Зачем из этих сплоченных собраний делать столько шума? Уж точно не это привело меня в квакерство, и квакеры проживут без этого».

И как бы в ответ другой Друг с большим опытом заметил:

У нас появилось множество новых членов, особенно в последние годы, кого привлекли наши свидетельства – мир, расовая гармония, права женщин и тому подобное. Но мне кажется, что большинство из этих людей со временем покинут нас, если не будут очарованы нашим богослужением. Если здесь они не найдут чего-то особенного, они станут нетерпимыми, потому что у нас нет такого единомыслия в этих вопросах, как есть у них. Их утомит наша медлительность, и они уйдут. Это означает, что мы более заинтересованы в нахождении божественного, чем в решении какой-либо проблемы, взятой самой по себе.

И в самом деле, было бы печально, если Друзья, испытывающие тот же самый опыт ощущений, но описывающие его в непримиримых терминах, смотрели бы друг на друга как на разделенных своим лексиконом, а не объединенных своей сплоченностью. И также было бы нежелательно, если бы Друзья, использующие одинаковый религиозный язык, но отличающиеся опытом, вынуждены были бы думать, что их язык – как их религиозное наследие – объединяет их больше, чем опыт.

Глава V

Квакерские методы руководства

Теперь, когда мы установили, что отдельные лица и даже группы вполне способны на деятельность, ставящую во главу угла группу, и прошли по мифам, которые служат поддержкой такой деятельности, ведущей к освобождению от ограничений,

представляется целесообразным исследовать те большие ожидания, которые квакеры возлагают на своих лидеров. Мы сосредоточимся на одной главной служебной должности на деловом собрании Друзей, клерке.

Обязанности клерка: возможности для скрытого контроля

Дуглас Стир дает такое определение клерка – это человек, чья личная вера в исходные квакерские принципы выражается через некоторые особые качества:

Он (или она) является хорошим слушателем, имеет ясный ум, может удерживать тему, обладает даром подготовки письменной протокольной записи, которая может лаконично резюмировать суть собрания. Это тот, кто имеет веру в упомянутые ранее исходные принцип: веру в присутствие Водительства; веру в серьезный потенциал к откровению собрания, приходящего к решению, которое может выйти на новый уровень и все же, возможно и по-новому, оставаться в соответствии с глубочайшими свидетельствами Общества Друзей. А вера в каждого из присутствующих потенциально является средством для оригинального озарения, ведущего к решению. При всем этом хороший клерк является человеком, который отказывается поддаваться спешке и может шаг за шагом выбираться из разногласий с терпением, происходящим из уверенности, что выход есть. Хотя группе, возможно, придется вновь и вновь возвращаться к вопросу, прежде чем придет ясность и будет достигнуто правильное решение.

Давайте посмотрим на некоторые из обычных обязанностей клерка и узнаем, как они могут превратиться также и в рычаги власти.

Повестка дня

На первый взгляд обязанности клерка обширны. Клерк готовит повестку дня заранее. Несмотря на то, что, как выразился один клерк, «они [клерки] консультируются с остальными, все ли верно», окончательная повестка дня, как правило, остается на их рассмотрение. Чувство клерком группы предполагает такую расстановку вопросов, когда собрание не устаёт прежде решения важных вопросов, с переносом менее важных вопросов к концу, так чтобы их можно было решить быстро и эффективно. Или же клерк может расположить пункты повестки дня так, чтобы важная тема, по которой группа, вероятно, легко достигнет соглашения, располагалась в начале встречи и создавала чувство уверенности в себе для перехода к другим более сложным вопросам.

Вынесение вопросов и общий нейтралитет

Клерки часто сталкиваются с необходимостью обобщенно высказываться о проблеме или формулировать вопрос в качестве прелюдии к обсуждению. Им доверяют изложить факты и набросать два-три варианта действий. Ожидается, что на начальном этапе или в ходе дискуссии они «будут скупы ... в проявлении своих собственных взглядов». Один Друг говорит что, так как ролью клерка является «направлять зеркало [собрания] к Истине, тот не может пытаться быть источником света». Это правило нейтралитета иногда не полностью срабатывает в очень

маленьких месячных собраниях с глубокими личными контактами, но в основных вопросах оно действует.

Вызов мнений из молчания

Клерк должен быть особенно внимателен к молчаливым Друзьям. Вот комментарий одного клерка: «Клерк точно должен проявлять внимание к тем, кто погружен в себя. Даже если вы подозреваете, что молчание некоторых из них – знак несогласия, вы должны дать им понять: группа нуждается в их мнении». Еще один клерк пытался «вызывать на разговор робких людей», называя каждого говорящего по имени.

Действия клерка важны для чувства ответственности, которое вероятно создается решением, особенно в случаях скрытой оппозиции: «Для клерка важной работой является поиск людей, которые в данный момент хранят молчание, но будут выражать свои эмоции после принятия решения и окончания встречи». Друг, чье молчание позволяет ему (или ей) отстраниться, чувствует меньше обязательств поддерживать решение, чем Друг, выступавший против предложения, но, в конце концов, решивший отступить. Человек, который решил не выступать на собрании, впоследствии, уже после этого события может говорить, как будто он (или она) не присутствовал, не имел права голоса, и поэтому не принимает участия в том, что делают «они».

Положительной стороной этого же явления можно назвать возможность для клерка выстраивать поддержку основному решению путем опроса участников. Примером этого может быть то, каким образом выбирался новый исполнительный директор учебного центра Пендл-Хилл. После благосклонного обсуждения председатель Правления объявил о том, что суть собрания благоприятствует приему на работу упомянутого человека. Никто не возражал. Затем клерк предпринял необычный шаг – прошел по комнате и спросил каждого из шестидесяти членов Правления, одобряют ли те это решение. Каждый ответил утвердительно. Драматургия лично высказанного согласия усилила осознание того, что решение поддержал каждый член правления. Утверждают, что впоследствии члены правления проявляли особое чувство ответственности в помощи новому исполнительному директору.

Дисциплина

Как правило, обязанностью клерка является поддерживать дисциплину среди выступающих. Многословный выступающий может услышать, как клерк вмешивается, делая замечание: «Я думаю, что мы услышали твое сообщение». В последние годы клерк Филадельфийского собрания представителей брал за образец выдержку из книги правил Лондонского годового собрания. Если некий Друг говорил слишком долго, клерк вставал, давая понять, что пора остановиться. По крайней мере, в Лондоне это действие до такой степени является частью практики Друзей, что провинившийся, который не остановился после вставания клерка, скорее всего услышит: «клерк стоит». Игнорирование такого замечания чревато.

К вставанию клерка относятся порой настолько серьезно, что такие дисциплинарные полномочия позволяют существенно контролировать ход работы. Один из участников принятия решения в квакерском колледже вспоминал: «Если я был на месте клерка и выглядел недовольным или высказывал предположение о том, что точка зрения уже

донесена, провинившийся чувствовал себя наказанным». Но опыт автора говорит, что такое доминирование – редкость.

Дипломатия и «действие на сложном собрании»

Также в некоторых случаях для клерка бывают полезны навыки дипломата. «С постоянно возражающими следует работать взвешенно, даже если их мнения не пользуются особым авторитетом». Автор был свидетелем одного случая, когда в общем-то уважаемый Друг возражал против каждого предложения по определенной теме. Казалось, комитет загнан в тупик. Через несколько недель из поездки вернулся постоянный клерк и сменил своего временного заместителя. На следующих собраниях недовольства возражающего были рассмотрены, но уже не было прежде сопутствующего им беспокойного состояния. Работа группы быстро пошла вперед. Хотя на заседаниях комитета никогда не обсуждалась причина, его члены понимали, что несогласие этого возражающего вытекало из отклонения комитетом какого-то его излюбленного предложения. Как сказал один из участников: «Помощнику клерка было просто не до борьбы с X». Очевидно, что Друзья много ожидают от своих клерков. Один клерк заметил: «Сталкиваясь с постоянно возражающим, клерк должен быть любезным, но стойким. В некотором смысле клерк всегда зажат между почтением к мнению возражающего и действием в пользу сложного собрания».

Клерки различаются по степени того, насколько с их точки зрения они должны использовать ту силу, которую им вверили и которой они обременены. Один уважаемый клерк предположил, что, в крайнем случае, они должны сделать все, что возможно, чтобы позволить возражающему почувствовать весомость собрания по сравнению с личностью, дабы он ощутил себя изолированным. Другие категорически не согласились: «Возражающий – дитя Божье. Может быть, на светских собраниях можно управлять таким образом. Но это просто не вписывается в фундаментальный взгляд Друзей на человека». Автора поразило, насколько существенно преобладала последняя точка зрения.

Определение того, что же важно

Некоторые клерки опасаются давать решительный отпор инакомыслящим: «X рассматривает клерка как слугу, который выслушивает и записывает. Тот позволяет нам говорить еще и еще. Мы никогда не можем закончить что-либо вовремя». Другие клерки гораздо более решительны. Один из них, комментируя заседание годового собрания, заметил: «Я чувствую, что если мы откладываем решение из-за отсутствия полной ясности, если мы даем перенести его на собрание следующего года, мы теряем динамику, начинаем в следующий раз с нуля и, в конечном итоге, снова заканчиваем как раз там, где остановились в предыдущем году».

Мы уже видели, как такое давление, направленное на завершение обсуждения, может привести к печальным результатам, когда суть собрания объявляют прежде того, как возражающие почувствовали готовность выйти из оппозиции. Как правило, нет более серьезной проблемы, чем найти способ вернуть ушедших. Однако реальное злоупотребление властью также происходит не часто. Поводом для раскола 1827 года

частично было то, что клерк годового собрания давал слово квакерам-бизнесменам из Филадельфии гораздо чаще, чем Друзьям из сельской местности, так как чувствовал, что предприниматели могут сказать что-то более значимое. Или менее давний пример: несколько лет назад клерк одного месячного собрания, по-видимому, просто невзлюбил высоко уважаемого Друга. Клерк использовал свою власть, чтобы ослабить позиции этого Друга, не давал ему слова, игнорировал его предложения и т.д. Если автор поражается тому, насколько редко такое встречается, он также быстро осознает, что масштаб полномочий позволяет клерку делать такие злоупотребления возможными.

Еще одним признаком той же власти является ответ, который мы часто получали на вопрос о том, как должен действовать клерк, если есть очевидно единое собрание, за исключением одного или двух человек, которые отказались уступить по причинам, определенным клерком как незначительные. Один клерк так высказал мнение многих: «Это случается довольно часто. Если время позволяет, используйте его. Если требуется немедленное решение, то я, как клерк, спросил бы: "Можем ли мы записать ваше возражение и продолжить?" Здравомыслящий человек ответит "да". Если он просто действует безрассудно, тогда вы решаете на свое усмотрение в соответствии с факторами в каждом конкретном случае».

Автор наблюдал такого рода молчаливое согласие людей с клерком. Хотя обмен мнениями был деликатен и вежлив, он свелся к выводу клерка о том, что возражающий действительно должен отступить. Причиной молчаливого согласия возражающего, как показалось, стало признание им объективности клерка, готовность этого человека доверять уважаемому и беспристрастному наблюдателю.

Определение сути собрания

Наиболее важной обязанностью клерка является его ответственность за определение сути собрания. Одним из аспектов этого решения, как заметил Говард Бринтон, является такой: «При выведении сути собрания клерк должен принимать во внимание, что некоторые Друзья имеют больше мудрости и опыта, чем другие, и, следовательно, их мнение должно иметь больший вес».

На практике это означает, что иногда клерк должен решить, является ли поддержка некоего предложения продвижением к действительной сути собрания, или же сила собрания разделена. Предположим, что пятнадцать человек высказались за предложение, а трое высказались против. Остальные сорок Друзей не сказали ничего, кроме краткого «Я согласен» после высказываний в поддержку одного из этих двух мнений. Пытаясь определить суть собрания, клерк, скорее всего, учтет общую репутацию основных выступающих за ту или иную точку зрения, количество информации и опыта, высказываемого каждым по теме, убеждения, скрывающиеся за фразами, и другие нематериальные факторы.

Так же трудно клерку оценить мнения сорока промолчавших. Кто же из них, скорее всего, имеет какое-то мнение по этому вопросу? Возможно, кто-то был против, но промолчал? А если так, то, вероятно, будет важным вовлечь их в дискуссию.

С помощью таких оценок клерк определяет, существует ли общая тенденция в пользу данного предложения, или же обсуждение должно быть продолжено. Если клерк почувствует, что суть собрания достигнута, он, вероятно, предложит протокольную запись, потому что дальнейшее обсуждение ни к чему не приведет. С другой стороны, клерк может почувствовать, что тенденция в пользу этого предложения, вероятно, не вполне очевидна, возможно, потому что некоторые Друзья, чье мнение еще не было услышано, могут оказывать влияние на других. В такой ситуации лучше отложить предлагаемую протокольную запись до тех пор, пока клерк не будет уверен в том, что эти промолчавшие люди действительно не хотят высказаться.

Возможность для манипуляций очевидна. Предположим, что клерк лично выступает за некое предложение. Благоприятная первоначальная тенденция при обсуждении могла бы предоставить клерку возможность объявить суть собрания до того, как участники с другими мнениями получили бы возможность высказаться. Такое преждевременное объявление может привести к манипуляции, особенно, если отдельные участники не знают о том, что и другие разделяют их опасения. Вместо этого они могут принять решение не оспаривать предложенную протокольную запись, рассуждая так: «Должно быть я единственный, кто чувствует себя так же. Полагаю, что мне не стоит выступать против».

Опять же, так как естественная задача клерка – предлагать протокольную запись, выражающую суть собрания, очевидно, что клерк имеет возможность повлиять на результат, исказив запись в сторону предпочитаемой лично им позиции. Друзья выработали защиту от такой уязвимости, – они настаивают, чтобы клерки уделяли время для составления и предложения точной записи сразу же по окончании дискуссии, а не создавали ее туманные наброски, чтобы по окончании собрания составить аккуратный вариант решения. Книга дисциплины Лондонского годового собрания содержит запись о том, что если на собраниях присутствуют разные люди, то второе собрание часто не в состоянии эффективно противодействовать неправильному изложению клерком сути первого собрания.

Конечно, есть способы, которые позволяют удерживать клерка от нечестного поведения. Один Друг, у которого спросили, как он будет реагировать на составление клерком искаженной записи, заявил, что он перестал бы доверять клерку и предложил бы свою собственную запись для протокола. Клерк, с которым мы беседовали сразу после заседания, выразился так:

Не существует никакого способа убедиться, что клерк делает все «на отлично». Однако поведение членов собрания может быть эффективным методом контроля над клерком. Если кто-то из уважаемых участников заявляет о том, что он сомневается в правильности протокольной записи, у клерка есть основания с благодарностью воспринимать это как предупредительный сигнал! Если собрание никак не приходит к решению, кто-то из участников может попросить клерка задать хоть какое-то направление, составив протокольную запись. Сегодня так случилось со мной. На собрании, которое только что завершилось, вопросы других участников заставили меня как клерка предложить предварительную запись.

Приблизительно клерка можно рассматривать как квакерский эквивалент спикера палаты общин: по самой структуре британского парламентаризма спикер является беспристрастным служителем палаты. Ответственность спикера оставаться беспристрастным обеспечивается способностью партий выявлять

какие-либо неадекватные действия, которые он мог бы предпринять. Однако в случае с квакерами, правила, по которым проходит собрание, имеют гораздо более неформальный характер, поэтому могут оспариваться только грубые нарушения объективности. И те области, в которых клерк, как от него ожидают, выносит свои суждения (особенно это касается его основной ответственности по выявлению сути собрания), гораздо шире, чем четко разграниченные полномочия спикера.

Самоограничение

Конечно, клерк наделен небывалым объемом полномочий. Хотя и существуют некоторые возможности проверки его власти, они не особенно востребованы до тех пор, пока клерк ограничивает свои манипулятивные усилия. Несмотря на то, что формальные ограничения минимальны, в наше время злоупотребление властью происходит удивительно редко.

Нельзя не удивляться доверию к честности клерка, типичному для собраний квакеров, доверию, настолько полному, что клерки с почтением говорят об обязанностях, которые община просит их осуществлять. Это простое доверие окончательно дошло до сознания автора как-то вечером, когда одна женщина, выйдя из комнаты, где проходило собрание, высказалась так: «Я действительно думала, что суть собрания была какой-то совершенно иной, пока клерк не озвучил его». Было очевидно – женщина так доверяет суждению клерка, что без колебаний отказывается от собственных оценок. Автор, у которого о сути собрания также сложилось впечатление, отличное от того, что было у клерка, задался вопросом, сколько других людей в комнате с радостью поменяли свои собственные оценки на оценку клерка.

Подобным же образом исследователь был поражен частотой случаев, в которых (несмотря на мудрый совет о том, что клерк должен представлять готовую запись протокола для утверждения на заседании) собрания охотно доверяли клерку составлять запись после заседания собрания, в которой отражались нюансы их согласия. Частично это была практичная спешка с целью уложиться в повестку дня, не тратя время по таким пустякам, как правильная последовательность имен на листовке. Иногда дело касалось потенциально более значимых последствий, например, когда месячное собрание разрабатывало рекомендации по деликатному общению с прекратившими связь членами перед окончательным прекращением их членства. Особенно такое доверие по важным вопросам указывало на уверенность участников собрания в клерке.

Автору такое отношение кажется действительно оправданным. Нельзя не замечать скрупулезные усилия типичного клерка по привлечению к дискуссии каких-либо лиц, которые могли бы помочь внести ясность в важный вопрос. Клерк, не уверенный в направлении хода дискуссии, попросит о помощи участников собрания. Такое поведение вряд ли наводит на мысль о желании манипулировать обсуждением.

Когда автор проводил рабочие беседы с Друзьями, имевшими многолетний опыт, он обнаружил, что они свободно говорили о ситуациях поколение или два назад,

когда отдельные клерки контролировали их собрания. Но они видят контраст того контроля с нынешней ситуацией.

В беседах часто было видно, что клерки предельно осторожно относятся к потенциальной возможности злоупотребления властью. Один уважаемый клерк отметил, что иногда клерк может формулировать «ложную» протокольную запись, надеясь таким образом побудить собрание к обсуждению и встряхнуть участников процесса. Если собрание обсуждает гражданские права и начинает обмениваться историями о неблагоприятном использовании пожертвованных квакерами денег некоторыми чернокожими предпринимателями, клерк может попытаться предложить: «Друзья, кажется, чувствуют, что в этом фонде не порядок с использованием средств и, следовательно, он должен быть закрыт». Влияние такой предварительной протокольной записи очень похоже на краткие заявления терапевта при косвенном консультировании и может служить для принуждения группы к прямому выражению своей позиции.

Отвечая на вопрос, законен ли такой подход, мнение клерков разделилось. Одна группа возражала против подобной стратегии, отмечая, что позиция клерка слишком важна для собрания, чтобы позволять предложение ложной протокольной записи. Для этих клерков любое поведение такого рода являлось опасным манипулированием, которое, будучи замеченное группой, обязательно лишит клерка уважения.

Другая группа отнеслась к такому поступку как к законному, но и опасному одновременно: «В нашей системе сильна тенденция принимать то, что предлагает клерк. Все предложения исходят от клерка. Подход с использованием ложной протокольной записи является слишком тонко действующим, и может просто направить собрание по ложному пути».

Обе группы с впечатляющей чувствительностью выразили свое сопротивление по отношению к возможным злоупотреблениям клерка властью. Эта чувствительность проявлялась снова и снова в их комментариях во время бесед. Наиболее опытные клерки оказывались самыми щепетильными. Можно предположить, что дело обстоит именно так отчасти потому, что у опытного клерка было больше возможностей наблюдать последствия даже малейшего превышения полномочий, а отчасти благодаря тому, что длительность служения клерком подразумевает, что комитеты по назначениям снова и снова предлагали данному человеку принять эту должность, а они особенно внимательны к прошлому человека, его честности и беспристрастности.

Если прибавить к этим факторам то, как часто клерки описывают свою роль явно религиозными терминами – клерков, кажется, гораздо больше устраивает религиозный подтекст квакерского метода принятия решений, чем не-клерков – можно вывести те факторы, которые наиболее определенно влияют на самоограничение клерков. «Вера в присутствие Водительства и в серьезный потенциал к откровению», о которой упоминалось в цитате Дугласа Стира в начале этой главы, является их типичной фразой. Так как из всех участников клерк – человек, наиболее полно отвечающий за нахождение единства, в котором проявляется Водительство, не удивительно, что приверженность клерка этому

фундаментальному принципу квакерской веры выступает как мощная защита от соблазнов потакать своему желанию контролировать результаты.

Квакерские методы руководства: умение распознавать

Методы руководства в Религиозном обществе Друзей требуют совмещения традиционных базовых навыков лидерства с особым мастерством распознавания сути собрания. Основания для такого заключения и некоторые из его последствий рассматриваются ниже.

Типы управления

В своем, ставшем классическим, анализе Дуглас Макгрегор разделяет концепции стиля управления на две широко распространенные категории. Руководитель «Теории X» полагает, что он несет ответственность за изменение поведения своих по природе праздных, эгоистичных, легковверных и безответственных подчиненных так, чтобы их поведение соответствовало потребностям организации. Не зависимо от того, является ли его стиль жестким или же мягким, его предположения о подчиненных остаются теми же.

Руководитель «Теории Y», наоборот, считает, что его подчиненные беспокоятся о нуждах организации, способны брать на себя ответственность, и по природе хорошо мотивированы. Задача такого руководителя заключается в создании условий, способствующих использованию человеческого потенциал в организации. Мудрый управленец понимает, что нужно соблюдать иерархию потребностей психолога Абрахама Маслоу: не достаточно удовлетворить лишь физиологические потребности и потребности в безопасности, ибо они лишь готовят почву для высших человеческих потребностей, к удовлетворению которых будет стремиться мотивированный работник посредством своей должности в организации.

Таким образом подход по Теории X не согласуется с квакерским методом принятия решений, поскольку согласно ему основная ответственность возлагается на руководителя, а у Друзей решения, как предполагается, исходят из группы. Однако это не означает, что в Религиозном обществе Друзей нет управленцев Теории X. Следует признать, что такие люди, видимо, редки среди клерков месячных собраний и собраний более высокого уровня. Но они все же проявляют себя в других должностях, на которых их компетенция делает их «рекомендации» неоспоримыми для собрания.

Один такой человек создал себе реноме непревзойденного эксперта по истории кладбища своего собрания. Другой, казначей своего собрания, делал бухгалтерские книги настолько сложными, что только он мог разгадывать истинный смысл в их содержании. Известно, что иногда наемные сотрудники Филадельфийского годового собрания применяли аналогичную тактику при утверждении предложений контролирующими органами, чьи суждения они не рассматривали как достаточно серьезные. Такие люди пытаются делать ставку на свое эксклюзивное экспертное мнение, когда вопрос касается контроля за

принятием решений, связанных с их специальностью. Казалось бы, стиль управления этих людей создает для них принципиальные ограничения. И хотя «страшные истории» предыдущих поколений позволяют предположить, что подобные люди действительно иногда становились клерками собраний, общее резкое отрицание такого доминирования в настоящее время, по-видимому, объясняет, почему восхождение управленцев Теории X сейчас тормозится.

Подход к управлению по Теории Y является более близким к практике Друзей по духу, поскольку предполагает, что все подчиненные будут участниками в формировании позиции. Однако, принципиально важен тот факт, что квакерская теория рассматривает клерка или другого лидера, как слугу собрания, а не его руководителя. Клерк не собирает идеи, принимая затем решение, которое включает в себя, насколько это возможно, мнения участников группы. Хотя иногда все может происходить именно таким образом, истинная роль клерка – выразить единство, которое он (или она) обнаруживает в сообществе, и способствовать формированию этого единства. Но клерк не должен принимать решение в одностороннем порядке.

Таким образом, квакерский лидер не действует согласно Теории X. В своей роли клерка он (или она) чувствует себя комфортно при обращении с группой по Теории Y, но без ожидания того, что лидер будет тем, кто принимает решения. Если мы хотим прийти к реальному пониманию методов руководства, практикующихся в Религиозном обществе Друзей, мы должны выйти за рамки этих стандартных управленческих категорий.

Вне Типа Y: лидер как распознаватель

Когда у опытных клерков и других Друзей-ветеранов спрашивают об особых качествах, которые они хотели бы видеть у клерка, их ответы содержат очень много общего. Кто-то говорит о «мастерстве» в «способности чувствовать правильное распределение времени для той или иной группы». Другие говорят об «особенном даре» клерка чувствовать тот момент, когда решение достигнуто. Этот «истинный дар» настолько достоверен, что «хороший клерк знает, говорят ли люди то, что они действительно думают».

Интересно наблюдать, как часто Друзья прибегают к языку «дара» в описании мастерства клерка. Даже минимально знакомый с традиционным теологическим языком читатель поражается сходству между тем, что по утверждению квакеров они находят у своих лучших клерков, и новозаветным понятием харизмы или благодати, данной верующему для действий во благо общественной жизни Церкви. Среди преобладающих форм харизмы в древней Церкви назывались мудрость, знание, распознавание внутренних духовных побуждений в себе и в других и дар управления. В части I мы обсуждали дар распознавания, о котором упоминал Джордж Фокс. Хотя современные Друзья могут и не владеть языком богословия, их опыт видимо указывает им тот случай, который описывается этим языком. Для нашей цели вместо богословского языка харизмы мы будем довольствоваться ссылкой на такое явление, как способность «читать» или «распознавать» группу.

Мы уже представили достаточно примеров способности распознавания единства группы для иллюстрирования роли клерка. Поскольку эта способность не ограничивается автоматически теми, кто является клерком, возможно, было бы полезно привести один-два примера, когда такого рода лидерство осуществляется не-клерком. Когда одного клерка спросили, бывало ли с ней такое, что она ошибалась в оценке сути собрания, та ответила: «Каждый раз, как только составляла протокольную запись беспристрастно. Помню, как однажды мы обсуждали вопрос, покупать ли бухгалтерскую машину. Я объявила, что Друзья, как мне кажется, не достигли единства, и поэтому решение нужно отложить. Тогда поднялся Х и предположил, что в действительности Друзья вполне готовы купить машину. Это вызвало всеобщее одобрение. Он лучше меня распознал то, что почувствовало собрание».

Решение, описанное выше, является образцом замеченного нами явления. Также заслуживает внимания динамика произошедшего. Когда клерк объявил, что выявилось отсутствие единства, большинство участников, вероятно, без проблем приняло ее прочтение ситуации. Люди, одобрявшие покупку, не ставили под сомнение суждение клерка о том, что соглашаются не все. Только человек с хорошими способностями распознавать суть группового мнения был готов высказать предположение, что распознавание клерка было некорректным – нерешительность, выраженная в словах выступавших ранее, не имела под собой таких серьезных оснований, как ей представлялось. Проверка его прогноза, конечно же, была непосредственным ответом членов собрания. Любой, кто лично не желал выступить за покупку, мог бы встать и сказать об этом. И в таком случае было бы подтверждено распознавание клерка.

Вот еще один пример, который сочетает в себе способность распознавать мнение группы с тем уважением, которым группа относится к человеку, наделенному возможностями глубокого распознавания. В ноябре 1970 года специальный комитет под названием «Рабочая группа 1970» представил Филадельфийскому собранию представителей свои предложения по самоанализу как инструмент для выявления расизма внутри Годового собрания. Рабочая группа просила разрешение связаться со всеми членами и организациями Годового собрания, дабы просить Друзей присмотреться «к своему имуществу, практике и отношениям, чтобы "проверить, не кроются ли в них семена" эксплуатации и угнетения». Обсуждение было живым, и мнения сильно разделились. Многие спокойно приняли это предложение, но многие другие рассматривали его как решение, которое может вызвать у Друзей негативные чувства, или же которое ошибочно основывается на предположении, что расизм пустил глубокие корни в Годовом собрании. Некоторые опасались, что такой самоанализ явится прелюдией к призывам о денежных компенсациях афроамериканскому сообществу. Вопрос так разделил присутствующих, что они согласились с тем, чтобы в следующем месяце собрать сессию пораньше. Это предоставит всем присутствующим возможность провести час в молитвенном молчании, позволит глубоко поразмыслить о предложенном документе и даст надежду на нахождение единства. До этого предложение рабочей группы, конечно, рассылаться не будет.

В следующем месяце сессия прошла, как и было согласовано. Молчаливая молитва перемежалась несколькими глубоко прочувствованными выступлениями отдельных участников, которые с различных точек зрения говорили о своем видении проблемы. На последовавшей деловой части участникам было предложено попытаться сохранить

молитвенный дух при обсуждении этого вопроса. К тому времени было совсем непонятно, каким будет достигнутое единство. Клерк сказала, что она пока что не видит никакого согласия по вопросу.

На этом этапе Друг, известный своей способностью «распознавать» сообщество, встал и заговорил. На обсуждениях предыдущего месяца он молчал, и нельзя было предположить, к какой из позиций он примкнет в этот раз. Выступающий просто произнес, что в прошлом месяце он положил предложение рабочей группы на тумбочке рядом со своей кроватью, рядом с книгой традиционных свидетельств и забот Религиозного общества Друзей. Он прочитал документ рабочей группы много раз и был удовлетворен тем, что ни одно его слово не противоречит традициям Друзей.

На этом вся дискуссия изменилась. Люди, которые выступали против, заговорили о том, как смягчить возможные недопонимания от этого предложения. Внимание сосредоточилось на том, как лучше преподнести этот документ, так, чтобы от него был максимально полный эффект. Предложение рабочей группы было утверждено и направлено месячным собраниям.

Почти пять лет спустя автор проводил рабочую беседу с Другом, чье выступление оказалось столь значительным для принятия решения. В начале разговора тот, как могло бы показаться, был немного насторожен, даже подозрителен насчет причины такого интереса. Но когда был затронут вышеупомянутый случай, его настрой полностью сменился на серьезную почтительность. Размышляя о том событии, он отметил:

Иногда бывают моменты, когда не до разговоров, и нужно медленно, медленно искать приемлемое решение. А временами у многих нет никакого желания говорить, даже если они не удовлетворены высказанным предложением.

Так что нам нужны лидеры. Это, кажется, противоречит теории Друзей, не так ли? Может быть, учитывая нашу теорию, тот факт, что лидерство нам все-таки необходимо, – это наша слабость. В наших группах некоторым людям подчиняются, когда они говорят. Как правило, сначала бывает долгая дискуссия, а потом один человек, часто человек с талантами, которые признаются группой и на которые группа рассчитывает в критические моменты, встает и предлагает то, что все могут принять. Великий спорщик не будет таким человеком. Это не тот тип лидерства. Лично я стараюсь видеть обе стороны, заставляю себя молчать, пока не пойму вопрос полностью. А потом, иногда, я чувствую побуждение сказать.

Этот случай иллюстрирует ряд общих факторов для такого рода ситуаций. Группа опасалась разобщенности и пыталась вести себя в молитвенной, даже сплоченной, атмосфере. Сам выступающий чувствовал побуждение высказаться. Его слова настолько глубоко соответствовали атмосфере объединенного, благоговейного поиска, что, казалось, прозвучали по-настоящему божественно.

Таким образом, здесь присутствует сочетание способности «распознавать» позицию сообщества и вести его к новому единству. Выступающий делает две вещи сразу. Их нельзя разделить. Из-за того, что он понимает степень желаемого всеми единства, он может призвать их к единению в принимаемом направлении действий. Последующее единство не существовало, пока он не выступил перед присутствующими. Такая способность понимать не только уже появившееся единство, но также и единство,

которое теперь уже может появиться, является самой настоящей харизмой, которой отмечено квакерское лидерство.

Это – то самое качество, которое ищут Друзья, подбирая клерков. Читатель не сильно удивится, узнав, что выступивший в критический момент при обсуждении предложения рабочей группы, является тем же самым человеком, который высказал предположение об ошибочности мнения клерка при обсуждении вопроса о бухгалтерской машине. Несколько лет спустя он был выбран клерком Годового собрания.

Некоторые слабые стороны квакерского метода руководства

Каждая машина ломается. Каждая система управления имеет свои недостатки. Квакерская форма управления обеспечивает значительную поддержку задаче достижения единства в вопросах, вызывающих разногласия. Но эта форма управления имеет и свои слабые стороны.

Несовпадение даров

Наиболее очевидная проблема заключается в отсутствии какой-либо гарантии того, что у людей с возможностями точно «распознавать» сообщество будут такие же хорошие базовые организационные таланты, необходимые для ведения собрания. И не все способные вести собрание в хорошем темпе способны «распознавать» склонности его членов. Опять же, есть Друзья, умеющие «распознавать» группу, но не особо проявляющие терпение, когда их просят выполнять роль клерка собрания. У некоторых месячных собраний и других квакерских групп оказались клерки, которых избрали благодаря их сильным сторонам в одной области, несмотря на слабость в другой. В тех собраниях, где не видно проявления базисных организационных талантов, можно столкнуться с серьезными организационными проблемами. Когда у клерка сочетается превосходное восприятие тенденций с проявлениями нетерпения, можно увидеть собрания, отягощенные доминированием клерка, который объявляет о достижении согласия, прежде чем некоторые участники оказались готовы признать – даже самим себе – что они действительно изменили свое мнение. Учитывая такой спектр возможных комбинаций сильных и слабых сторон, условному посетителю не следует слишком удивляться, столкнувшись с совершенно разными стилями и расстановками акцентов в различных квакерских группах, использующих одни и те же основные процедуры.

Снятие с себя ответственности квакерами, «не обладающими» дарами

Мы уже упоминали о женщине, которая думала, что суть собрания совершенно другая, до тех пор пока клерк не озвучил ее. Друзья, которые проявляют робость или не решаются занять твердую позицию, иногда пассивно сидят и оставляют на усмотрение клерка и других активных лидеров обстоятельное обсуждение плюсов и минусов вопроса и нахождение решения. Проявление особых даров у этих лидеров, кажется, обосновывает отказ от вступления в дискуссию тех, кто дарами не «не обладает». Хотя квакерская теория утверждает необходимость услышать то, что от Бога в каждом из участников сообщества, присутствие лиц с особыми талантами, кажется, облегчает обычным людям оправдывать свою пассивность. В беседах во время перерывов и

после собраний автор часто удивлялся такому явлению – во время собрания люди хранили молчание, а теперь восторженно восклицали от радости, что в собрании есть один или несколько участников с особым даром устного выступления.

Чрезмерное влияние «распознающих» в критические моменты

А теперь поговорим о таком виде злоупотребления, против которого квакерский метод имеет слабую защиту. Мы затрагиваем этот вопрос с некоторой нерешительностью. Однако такие злоупотребления могут быть весьма значительными. Усилия квакерских лидеров с целью их недопущения впечатляют, но сама щепетильность по отношению к данному вопросу показывает, насколько опасными они могут быть. Мы имеем в виду способность «распознающих» использовать свой особый статус в сообществе, чтобы вести группу согласно своим личным предпочтениям, прикрываясь нахождением еще непризнанного единства.

Клерку или не-клерку, демонстрирующему способность «распознавать» собрание, оказывают большое уважение из-за его (или ее) способностей. С точки зрения теологии эта роль так значительна, потому что Друзья считают единство знаком божественного водительства. Человек, который может распознавать единство, таким образом, является провидцем.

Такой человек способен быстро оказывать влияние, едва заметно и в полной мере. Предполагаемому согласию свойственна власть, потому что его произнес «распознающий». Лица в группе, которые не думали с позиции, предлагаемой «распознающим», весьма к ней восприимчивы, потому что она исходит от этого человека и, вероятно, является правильной для группы. Люди с другой точкой зрения часто пересматривают свои позиции, иногда подавляя свои сомнения на том основании, что обладающий даром человек, скорее всего, «распознает» группу правильно, даже если их собственное «распознавание» группы было совсем другим.

Добавьте к этому обычную динамику группового действия, при которой потенциальные решения, как правило, принимаются быстрее, если обсуждение в группе шло достаточно долго для того, чтобы чувствовать разочарование и опасения, что ни одно решение не будет достигнуто; и вы вдруг обнаружите, что теологически подходящий момент для высказывания часто является психологически подходящим моментом. Таким образом, человек, который приходит на встречу с заранее подготовленным решением, может подождать, пока группа не созреет для его идеи, вместо того, чтобы предложить ее в самом начале. В квакерстве такую уловку можно нарядить в одеяние вдохновения, потому что группа перепутает заранее подготовленное предложение с вдохновенным «распознаванием» существующего на данный момент уровня согласия в собрании.

Автор вспоминает случайный разговор с женщиной, которая сидела рядом с ним на деловом собрании. Она упомянула, что, по ее мнению, будет наилучшим подходом к проблеме, разделяющей сообщество. Гость спросил, будет ли она предлагать это решение, когда дело дойдет до обсуждения. «Нет», – ответила она. – «Я сомневаюсь, что они будут готовы к этому. Вы должны ждать подходящего момента».

Тема была вынесена на обсуждение. Она ждала. Обсуждение выявило основные доводы «за» и «против». Она ждала. Обсуждение затягивалось, доводы повторялись. Примерно через пять минут она встала и предложила свое решение. Его благодарно встретили, кратко обсудили, а затем утвердили.

Эта кажущаяся манипуляция не является столь однозначным делом. Возможно, женщина обдумывала вопрос в молитвенном духе и почувствовала себя ведомой за день до того, как было предложено это решение. Если так, должна ли она была предложить его в момент, неподходящий в психологическом отношении? Ясно, что если ее сообщение было от Господа, ей не дано было его применить ни в какой иной момент, за исключением того, когда он принесет наибольшую пользу.

Или же возможно она не чувствовала, что ее решение – от Господа. Но она все-таки чувствовала, что это будет хорошим решением. Почему бы ей не подождать того момента, когда группа будет наиболее восприимчива?

Конечно, если бы она нарядила свое предложение в одежды откровения, стала говорить о посетивших ее в настоящий момент религиозных водительствах, ее можно было бы обвинить в манипулировании. Но так как этого не было сделано, виновата ли она в том, что некоторые члены общины могли бы принять ее предложение за «распознавание» скрытого потенциала группового единства, когда она на самом деле лишь определяла наступление уровня разочарования и путаницы в группе, достаточного для принятия ее готового решения? Такой человек «распознал» замешательство группы, а не ее единство.

Мы не хотим перегружать этот вопрос излишним вниманием. Достаточно лишь будет сказать, что иногда высказывания квакеров могут быть лишь вовремя внесенными предложениями, которые были заранее подготовлены, но выдаются за спонтанное озарение говорящего. Таким образом, тактическая мера может быть представлена как религиозное откровение, а человек с репутацией «распознавателя» обладает опасной силой, способной управлять сообществом.

Автор уверен, что лишь один раз имел дело с такой ситуацией; именно о ней упомянуто выше. Однако множество раз удивляло, что ситуация подходит для таких манипуляций, или что не было никакого очевидного способа определить, является ли предложение о возможном единстве, которое затем принималось сообществом, действительно результатом озарения или же результатом предварительного планирования. Хорошо, что Друзья, отмеченные умением «распознавать», столь внимательны к своим обязательствам самодисциплины при использовании своего особого дара, потому что сообщество слабо защищено от возможности злоупотребления таким даром. Только трезвенник будет надежным хранителем спиртных напитков.

Заключение

В заключении мы затронем три темы. Во-первых, одну тему, которая упоминалась в исторической части, но пока что не была основным объектом нашего внимания. Второй темой автор осмелился избрать размышления о негативном воздействии

американского общества на существование квакерства в будущем. Третья тема – возможное влияние самого квакерства на будущее американского общества.

Завершение темы «Местная автономия против гегемонии центра. Современная ситуация»

Исторические главы этого исследования изобразили удивительную тенденцию вытеснения центральными органами управления самостоятельности месячных собраний. Такой рост влияния центра показался неожиданным, учитывая основополагающую квакерскую идею о том, что божественное водительство исходит из религиозного опыта собравшегося вместе местного сообщества. Наши исторические главы ограничились первоначальным этапом роста движения в Англии. Существуют ли какие-то отголоски напряженности между местной и центральной властью в современном американском квакерстве?

Отголоски есть. Чтобы лучше понять их, вспомним, что в отличие от британских Друзей американские квакеры не страдали от масштабных преследований в ранние годы своего существования. Следовательно, они не чувствовали большой потребности в создании структурной надстройки для защиты от правительства. Американский аналог лондонского Собрания в поддержку страждущих появился только в 1750-е годы и никогда не обладал влиянием своего исторического британского образца. Вплоть до начала двадцатого века в годовом собрании не существовало бюрократии и оплачиваемых сотрудников.

Из-за отсутствия – в отличие от истории квакеров Англии – острой необходимости в создании центрального руководства, появление центростремительных тенденций пришлось ждать до развития в двадцатом веке бюрократии годового собрания. Большая эффективность и результативность в современном американском обществе централизованного выпуска религиозной литературы и координации программ социального обеспечения и протестной деятельности привели к росту бюджета Филадельфийского годового собрания до суммы более одного миллиона долларов в год. Друзья, проявляющие особый интерес к программам, которые финансируются из бюджета годового собрания, тяготеют к деятельности комитетов и проектов годового собрания и, соответственно, уделяют меньше времени своим месячным собраниям. Такая расстановка приоритетов ведет к внутренним расхождениям. Вот пояснения одного Друга:

Интересно посмотреть на тех, кого мы называем «Друзьями из годового собрания». Волонтеры и сотрудники годового собрания, как правило, «продвинуты» и уделяют самое активное внимание глобальным проблемам. Такая активность укрепляет их лидерство. Реальная напряженность между их действиями и более консервативными настроениями многих месячных собраний, где скорее можно найти менее социально активных Друзей, становится больной темой.

Как показывает практика, жалобы месячных собраний часто касаются автономности персонала годового собрания и очевидной неспособности с пониманием относиться к нежеланию месячных собраний поддерживать его действия. Недовольные Друзья также утверждают, что большой бюджет годового собрания по социальным программам высасывает местные деньги в пользу годового собрания, в результате чего местные проекты месячных собраний часто остаются в тени. (Те, кто

интересуется социальными вопросами, часто стремятся получить деньги от годового собрания, в котором уже собрались люди с подобными убеждениями.) Одним из способов донести это неудовольствие с мест является ежегодное «перетягивание каната» при обсуждении увеличения бюджета годового собрания.

Хотя в качестве баланса такому недовольству даже Друзья, не особо довольные экспансионистскими тенденциям того, что они называют «Филадельфийским Ватиканом», заявляют о ценности для всех собраний предоставляемых центром услуг. Типичными образцами сохранения баланса интересов являются материалы школ Первого дня [воскресных школ, – *прим. пер.*] и освещение в СМИ публичных свидетельств Друзей на уровне годового собрания.

Лидеры годового собрания, чувствуя необходимость баланса интересов, приложили заметные усилия, отреагировав на справедливую критику путем корректировки механизмов принятия решений в центре. В качестве ответа на критические замечания с местного уровня публичные акции энергичных членов Комитета Мира были поставлены под более плотный контроль. Например, теперь письма протеста главам иностранных государств перед отправкой должны утверждаться собранием представителей или его исполнительным комитетом. Сотрудники годового собрания стали лучше осознавать необходимость готовить почву для своих программ, посещая месячные собрания, рассказывая о планируемой деятельности и получая их благословение. Однако, несмотря на множество усилий последних десяти лет по ограничению автономии центра в месячных собраниях все еще сильно заметны проявления неудовлетворенности.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что центробежные тенденции квакерской традиции входят в противоречие с центростремительной силой эффективности централизованных действий. Но это напряжение обладает скорее положительным потенциалом, увеличивает ответственность центра, расширяет связи и оберегает отдельные месячные собрания от постепенного дрейфа в сторону изоляции, что могло бы ослабить сплоченность Религиозного общества Друзей. По крайней мере, нынешнее динамическое напряжение служит хорошим предзнаменованием будущего квакеров.

Размышления: будущее квакерства

Значительное снижение количества взрослых членов – это тема, вызывающая серьезную озабоченность в Филадельфийском годовом собрании. За двадцать лет, с 1960 по 1980 год община теряла взрослых членов с довольно устойчивым постоянством – чуть менее полпроцента в год – в общем, это снижение почти на десять процентов за двадцать лет. Когда к этому снижению Друзья добавляют проблему того, что многие из нынешних 11 000 взрослых членов не посещают молитвенные собрания и не отвечают на просьбы месячных собраний о финансовой поддержке, они начинают беспокоиться, что Общество Друзей в Филадельфии и окрестностях находится в нездоровом состоянии. И Друзья задаются вопросом: «Почему?».

Посещая деловые собрания различных месячных собраний, мы часто невольно думали, что в этот раз выбран не самый лучший момент. После нескольких таких

посещений присутствие даже 10 процентов членов собрания стало восприниматься как вполне приемлемое число. Некоторые Друзья говорили, что их беспокоит малочисленность местных деловых собраний. Эти показатели посещаемости отчетливо контрастируют с посещаемостью собрания представителей, на которое ежемесячно приходит не менее 70 процентов членов.

Размышляя о возможных объяснениях такого контраста в посещаемости этих групп, мы обнаружили, что склоняемся в сторону объяснения, связанного, как это ни парадоксально, с очень сильными чертами квакерского метода принятия решений. Мы уже отмечали, что последствием решения, принятого в единстве, становится и высокая степень обязательности его практического выполнения. Каждый участник либо активно выступает за предложение, либо, по крайней мере, никак не может воспрепятствовать его выполнению. Ценой участия в деловом собрании являются новые обязательства. Человек не может сказать, что он всего лишь сторонний наблюдатель.

Если к этому обязательству добавить естественную для квакерского метода принятия решений предпосылку, что каждый участник стремится к благу для группы, а не для него лично, то неожиданно обнаруживаешь, что цена участия еще выше. Каждый человек должен сделать фундаментальный шаг в сторону от атомизированного индивидуализма, характерного для американского общества, и принять за отправную точку общинность.

Не получается ли так, что квакерство становится жертвой культурного окружения? Людям, социализированным в атомизированном (или индивидуалистическом) обществе, которое является основой западной мысли со времени расцвета либерализма, нужны особые способности, если они желают успешно переместиться в субкультуру, которая ожидает общинного самоосознания. Квакер, ошибочно низводящий метод принятия решений Друзьями до демократического, не видит никаких преимуществ в дополнительном времени, затраченном на «причудливые» процедуры. «Почему бы просто не проголосовать и покончить с этим?» – это вопрос для иллюстрации такого подхода. Человек, который вынужден задавать такого рода вопрос, смотрит на квакерство со стороны, из мира рациональной мысли, чуждого самим основам квакерства.

Такой человек не воспринимает ни общинное самоосознание, ни обязательства, которые возлагаются на него решениями деловых собраний. Лучший способ избегать обязательств – избегать собраний. Отсутствующий Друг не взваливает на себя бремя того Друга, который присутствует и несет, как следствие, личную ответственность за принятое решение.

Личный выбор не ходить на собрание сильно подкрепляется социальными тенденциями. Все больше Друзей работают по найму полный рабочий день. Для женщин это становится дополнением к семейным обязанностям. Семьи часто переезжают и, как правило, все меньше интересуются какими бы то ни было сообществами, кроме собственной семьи. Другими словами, экономические и социальные тенденции в нашем индивидуалистически ориентированном обществе постоянно и усиленно придают импульс мыслям о том, что общинное видение мира – тягостное бремя.

Если наше предположение верно, то это объясняет, почему наблюдаемые автором квакерские деловые процедуры столь эффективно используются в большинстве посещенных им собраний. Эти собрания в основном смогли стать частью мира общинной идеи, и в них установилась практика принимать на себя обязательства собрания. Друзья, оказавшиеся не в силах перенестись в этот мир и нести его бремя, как правило, не приходят на собрания. Иными словами, одной из причин, по которой Филадельфийское годовое собрание сталкивается со снижением членства, является верность этого собрания своему наследию, наследию, которому не в состоянии следовать все больше и больше его членов.

Такое объяснение достаточно хорошо согласуется с ответами, которые мы получили во время случайных встреч с теми, кто отказался от своего квакерства. Эти люди раз за разом высоко оценивали социальные свидетельства Друзей и квакерскую толерантность к многообразию взглядов внутри сообщества. Но они высказывали озадаченность, упоминали скуку и раздражение, когда разговор переходил к «своеобразному» квакерскому подходу в принятии решений.

Предположим на одну минуту, что наш анализ верен, и перспективы, открывающиеся перед Друзьями, весьма ограничены. Во-первых, они могли бы пойти по пути групп, подобных Меннонитской церкви Старой Колонии, которая, почувствовав тлетворное влияние мира, потребовала от своих членов ограничить контакты с мирской жизнью и вместо этого всецело погрузиться в жизнь меннонитского сообщества. Учитывая склонность квакеров к полной вовлеченности в жизнь американского общества, о подобной перспективе изоляции, вероятно, не может быть и речи.

Вторым подходом могла бы быть концентрация – при обучении как взрослых членов так и их детей – на возможности «неатомизированной» отправной точки в восприятии человеческой жизни. Вместо того, чтобы сосредоточиться на себе, как отдельном атоме, как единице, по существу отделенной от окружающего мира, Друзья могли бы учить смотреть на себя, прежде всего, как на участников больших общин, и лишь во вторую очередь, как отдельных лиц. Школы Друзей, учебные группы, школы Первого дня являются очевидными местами для детального изучения воздействия общинного самоосознания на человеческую жизнь. Конечно, религиозному обществу, имеющему в своем составе заметную долю приверженцев контркультуры и альтернативного образа жизни, должно быть легко довести свой критический анализ американского общества до уровня, достаточно глубокого для ограничения атомизированного самовосприятия. Взамен, в качестве прочного альтернативного взгляда на мир, можно предложить квакерское общинное наследие.

Третьим способом противостоять этой проблеме могло бы стать возвращение к акцентированию внимания на важности религиозного опыта в жизни квакеров. Можно было бы вернуться к идее поддержки сплоченного молитвенного собрания, уделять ей особое внимание в квакерских журналах, на религиозных выездных встречах, где можно углублять индивидуальное и групповое богослужение и пробовать другие возможности работы над самосознанием.

Одновременно Друзья, проводящие собеседования с претендентами на членство в месячных собраниях, могли бы стать гораздо более внимательными при рассмотрении вопроса о том, ценит ли кандидат религиозное ощущение в жизни квакерского сообщества и может ли понимать состояние сплоченности на собрании и дорожить им.

Возможно, эту тему слишком часто считают неподходящей на собеседованиях, а комитеты, работающие с заявителями, могут довольствоваться допущением, что потенциального Друга привлекают квакерское социальное свидетельство или коллектив.

Подобные вопросы можно также было бы задавать при принятии решения о том, следует ли сохранять членство у неактивных формальных членов при пересмотрах реестров месячных собраний. Сохранение в качестве номинальных членов практически всех тех, кто явным образом не попросили об удалении своих имен из членских списков – а это практика многих месячных собраний – ведет к обесцениванию членства. Некоторые могут оставаться Друзьями, даже если их участие в жизни общины ограничивается редкими запросами о состоянии могилы их деда. Честное признание того, что такие лица не являются полными членами, могло бы подчеркнуть важность для квакерской жизни совместно переживаемого религиозного опыта, который выводит отдельных членов из атомизированного существования и объединяет их. Опять же, основание квакерства, базирующееся на религиозном ощущении, могло бы занять причитающееся ему видное положение.

Размышления: как может повлиять квакерство на будущее Америки

Некоторые коллеги автора по аспирантуре, узнав, что эта работа касается квакерского метода принятия решений, высказали предположение о его существовании в качестве варианта единодушного согласия в сенате Соединенных Штатов или же когда председатели комитетов Организации Объединенных Наций объявляют «если возражений нет, комитет утверждает следующее». Некоторые Друзья предполагали такое, нередко указывая, в частности, на Организацию Объединенных Наций, как светский пример использования квакерского метода.

Исследования автора убедили его, что все происходит почти с точностью наоборот. В сенате Соединенных Штатов единогласие, как правило, используется для утверждения вопросов, которые не вызывают чьего-либо неприятия, и используется в качестве метода ускорения процесса. Таким образом, единогласие означает, что вопрос тривиален или же не вызывает противоречий. Сенаторам не приходится менять «атомизированную» точку зрения, основанную на своих собственных интересах и интересах своих избирателей, на общинный взгляд. Они просто подтверждают, что обсуждаемый вопрос не сказывается отрицательно на их интересах.

В Организации Объединенных Наций единогласие очень часто является для стран способом избежать официальных записей. Договариваясь за кулисами, страны достигают компромиссов, не полностью согласующихся с их официальными мнениями по определенным вопросам внешней политики, но которые видятся им выгодными для их национальных интересов здесь и сейчас. Прибегая к уловкам отказа от голосования, они могут придерживаться своих официально обозначенных позиций, вместе с тем оберегая свои непосредственные национальные интересы. Такая процедура может имитировать некоторые аспекты квакерского метода принятия решений, но ей не хватает как перехода от национальных интересов к общим интересам, так и приверженности участвовать в достижении согласованной цели, что играет важнейшую роль в подобном процессе у Друзей.

Еще одно место, которое иногда предположительно видят примером квакерского стиля принятия решения, – это дискуссии на советах директоров компаний. Мы не хотим настаивать, что такого никогда не случается, но все же должны предположить – во многом видимое сходство между квакерским стилем принятия решений и происходящим в залах совещаний является просто совпадением. Вспоминается один Друг, который с энтузиазмом упоминал о некоей известной ему филладельфийской компании, где решения на заседаниях правления за редкими исключениями принимались единогласно. Однако еще один Друг, член правлений в нескольких компаниях, рассказывал:

Конечно, советы директоров компаний почти всегда соглашаются. Это просто хорошая манера ведения дел. Вы выбираете команду управленцев, а затем единогласно их поддерживаете, пока какая-нибудь значительная часть правления не станет достаточно недовольной для того, чтобы пожелать заменить команду. До тех пор, пока вы не захотите произвести такое существенное изменение, вы только ослабляете управление, без необходимости голосуя «против» или «не уверен». Так что, когда вы голосуете «за», это имеет мало общего с квакерским единством. Такого рода «за» просто означает, что вы еще не имеете достаточного количества голосов, чтобы выиграть голосование.

Резюмируя, скажем, что варианты, схожие с методом принятия решений у Друзей, оказываются очень далекими от них, потому что не требуют от участников ни характерного для квакеров изменения подхода, ни взваливания на себя нагрузки, как у индивидуума с квакерским чувством ответственности по успешному выполнению принятых решений. В своей основе предполагаемые параллели не совпадают с методами Друзей, поскольку в них не подразумевается нахождение участников в сообществе.

Таким образом, наши размышления поднимают фундаментальный вопрос. Человеку из индивидуалистического, атомизированного мира требуется сообщество. Он недоволен из-за невозможности надлежащим образом принимать участие в процессе принятия решений, влияющих на его жизнь. Но человек из индивидуалистического, атомизированного мира не способен действовать в сообществе из-за невозможности отказаться от индивидуалистического взгляда, который является основой западной культуры со времен становления либерализма. Поэтому все попытки человека, чья социализация была ограничена миром атомизированных представлений, войти в желаемое сообщество обречены на провал, обречены оставаться подобием участия, основанного на общности взглядов. Ему никогда не достичь самой этой общности, которая могла бы превратить это подобие в реальное явление.

Роберто Унгер, политический философ из Гарварда, решительно утверждает, что сейчас настало время для «тотальной критики», критики социальной теории, которой не стоит останавливаться на противостоянии с элементами нынешнего идейного мира, но нужно пытаться оспаривать самые корни этого мира. Результатом мог бы стать уход от атомизированного человека эпохи либерализма, так чтобы человек завтрашнего дня вновь смог бы избавиться от изоляционистской позиции, свойственной либерализму, и обрести более полную идентичность в качестве частицы «органичной группы», чьи блага и цели были бы для него первой точкой отсчета. Завтрашний мир мысли выйдет за рамки либерализма, чтобы воспринять новый уровень сообщества.

Наши размышления оставляют место для вопросов в отношении будущего как квакерства, так и американского общества. Если американское общество еще более глубоко погрязнет в атомизированном мировоззрении, следует ожидать, что число людей, способных жить одновременно в американской и квакерской вселенных, будет постепенно и постоянно уменьшаться. В конце концов, это может привести к исчезновению таких квакерских организаций как Филадельфийское годовое собрание.

С другой стороны, если жажда быть частью сообщества будет усиливаться и расти, можно ожидать, что число американцев, готовых присоединиться к такой группе, как квакеры, тоже будет расти. В этом случае Друзья по-прежнему будут сталкиваться с большой проблемой оказания этим людям помощи в приобретении квакерского опыта, достаточно глубокого для возможности изменить свое мировоззрение с атомистического на общинное. И если у Друзей это будет получаться, такие группы как Филадельфийское годовое собрание могут стать авангардом новой революции.

Таким образом, мы останавливаем рассказ о квакерстве в состоянии неопределенности. Станет ли Религиозное общество Друзей жертвой атомизированного общества или же превратится в маяк, указующий путь к сообществу, которого жаждут люди?

Альфред Норт Уайтхед пишет: «Сильные вспышки озарения остаются неэффективными в течение многих столетий, и не потому что о них не знают, но по причине господствующих интересов, которые сдерживают реакцию на этот тип общности. История религии – это история бесчисленных поколений, желающих примкнуть к глубоким идеалам».

Много веков назад Джордж Фокс испытал на холме Пендл-Хилл опыт, который соответствовал его состоянию поиска. Почему бы не предположить, что современные люди, находящиеся в поиске, могут испытать в Религиозном обществе Друзей религиозные ощущения и встретить мировоззрение, которое соответствовало бы их состоянию?

Приложение

Христианская традиция божественного водительства

Многие квакеры, с которыми автор беседовал в ходе исследований, послуживших основой для этой книги, высказывали предположение, что принятие решений у Друзей сродни какому-то двойному чуду; с ним не только без голосования достигается гармония, этот метод практически был явлен Джордж Фоксу, и о нем не слышали больше нигде в христианской традиции. Гармония, происходящая от несоизмеримых мнений, действительно иногда может претендовать на то, чтобы называться чудом. Однако это приложение составлено с целью продемонстрировать, что принятие решений у Друзей не является методом, который внезапно появился через озарение у Джорджа Фокса, но, напротив, является важным образцом богатой традиции, которая существует в христианской общине с апостольских дней и которая процветала именно в то время, когда Фокс основал свое движение.

Откуда же тогда ранние квакеры почерпнули свою необычайно практичную теологию божественного водительства? Одним из источников является Писание.

Глава 15 Деяний повествует о церковном собрании в Иерусалиме, на котором апостолы и старейшины в согласии со всей церковью решили отправить письмо к христианам из язычников, освобождая их от обязанности обрезания. Письмо включало такое предложение: «Святому Духу угодно, и мы согласны с этим ...» В «Анархии рантеров» Роберт Баркли заостряет внимание на этом эпизоде для объяснения квакерской практики.

Что же, Джордж Фокс, просто прочитав Книгу Деяний, размышляет над ее содержанием и создает квакерский метод? Едва ли. Методика, предложенная Фоксом, не являлась столь уникальной в середине семнадцатого века, как это может показаться в конце двадцатого. Обзор методов, предшествующих квакерскому, покажет до какой степени идея квакерской методики проявлялась уже тогда.

Упоминание средневековой католической методики полезно для иллюстрирования того, насколько распространенным было ожидание активного участия Святого Духа в управлении результатами принятия решений в Церкви. Например, епископы избирались духовенством, приписанным к каждому собору (капитулу ордена). Временами фракции соперничали в борьбе за большинство голосов не лучшими, мягко говоря, способами. Для исправления ситуации Третий Латеранский собор (1179 г.) постановил, что во всех епархиях мира мнение избирателей, более других отмеченных своими добродетелью, усердием и бескорыстием – *sanior pars* [лат.: разумнейшая часть, – прим. пер.] должно совпадать с большинством голосов, чтобы выборы были признаны действительными. Единогласие среди *sanior pars* устанавливалось как знак божественного одобрения избранного кандидата.

Этот пример иллюстрирует ранний теоретический конфликт между современным правилом большинства и более первичным способом поиска истины. Канонический закон был верен вдвойне. С одной стороны, все, кого касалось решение, имели право голоса при его утверждении. Это максима Юстиниана *Quod omnes tangit ab omnibus approbetur*. [лат.: То, что касается всех, должно быть одобрено всеми, – прим. пер.] Это введение балансировки разных интересов имело целью единение в истине, которое должно превалировать там, где действует Святой Дух. Одним из способов укрепления такого единства без лишения права голоса тех, кто настроен сугубо фракционно, было требование не простого большинства голосов в пользу кандидата, но большинства, включающего и всех тех, кто составлял *sanior pars*.

Такое же явление в канонической мысли появлялось неоднократно. Когда под угрозой находится благополучие всей епархии, – писал знаменитый канонист Дзабарелла (1360–1417), – епископ не может действовать в одиночку. Он должен иметь либо согласие всего капитула, либо, по крайней мере, его *sanior pars*. Такое же понимание того, что Божья воля может быть найдена в единодушии самых честных членов органа, принимающего решения, через сотни лет проявляется и в системе управления епархиями Великобритании.

Но расцветом средневековой мысли, касательно того, что Дух говорит через единогласие в действиях руководящего органа, является теория церковных соборов. Как наглядно продемонстрировал Брайан Тирни, историк, исследующий

средневековую политику, принципы теории соборности четырнадцатого века напрямую вытекают из канонического права двенадцатого и тринадцатого веков. Деятельность Николая Кузанского, политического теоретика и богослова пятнадцатого века, является отражением внутреннего конфликта в этой правовой традиции – между методами решения большинством и единогласно. В некоторых случаях Кузанский утверждает, что точка зрения большинства всегда выражает волю Духа. Однако он не может долго оставаться удовлетворенным простым правилом большинства. В попытках нахождения компромиссов Кузанский «настаивает на том, чтобы меньшинство формально одобряло решение большинства при голосовании, но так, чтобы вырабатывалось необходимое единогласие, особенно в вопросах церковного учения».

Однако Кузанский столкнулся с практической проблемой. Он был участником антипапского Базельского собора (1431–1438 гг.). Большинство проголосовало за проведение собора по воссоединению с греками в Авиньоне; но некоторое количество прелатов (пятнадцать из присутствовавших пятидесяти двух) выражали несогласие. Честное стремление к воссоединению сделало их в глазах Кузанского *sanior* [разумнейшей] хотя и значительно *minor pars* [меньшей частью]. Кузанский почувствовал себя обязанным покинуть Базель и поддержать папскую сторону. Базельский собор, несмотря на многочисленное большинство, не смог достичь единства, которое является признаком истинного собора. Помимо прочего еще задолго до Базеля Кузанский писал: «Что касается единогласия, от которого зависит авторитет решений собора, мы знаем, что Святой Дух, который есть дух единения и гармонии, вдохновляет решение собора». С другой стороны, «где есть раскол, там нет собора».

Идея соборности, которую Кузанский сформулировал так четко, с основным акцентом на то, как найти Божью волю в единстве, а не в постановлениях церковных соборов, оказали непосредственное влияние на английскую теорию парламентаризма в те года, когда Генрих VIII создавал государственную церковь. Парламент возник в качестве временной замены всемирному церковному собору и перенял все его характерные черты. Один из самых известных апологетов Генриха, Кристофер Сент-Герман, писал: «Нельзя думать, что закон, принимаемый властью всего королевства – короля и лордов духовных и светских и всех общин – будет противоречить истине». Церковный историк Джордж Ханстон Уильямс подытоживает эти доводы: «Народ, по сути представленный парламентом, был в представлении Генриха политическим и духовным телом короля, в отличие от его естественного тела. Сент-Герман считал, что парламент задуман как смешанный синод всего народа, руководимый Святым Духом, и поэтому не способный на ошибки, в сущности – непогрешимый. Король не может поступать несправедливо с парламентом, как бы то ни было».

Благодаря такому подходу англиканство было склонно считать парламент не только национальным законодательным собранием, но и национальным синодом. Таким образом, одним из путей, с помощью которого католическая непогрешимость церковного собора достигла Англии Фокса, была риторика о парламентаризме, использовавшая доводы соборности.

Анабаптистская традиция

Полностью независимым путем передачи идей в Англию Фокса была радикальная протестантская традиция, особенно идеи анабаптистов. Драматическим образом

божественное воодушевление было привнесено Генрихом Пфайфером и Томасом Мюнцером в городе Мюльхаузен в 1525 году, когда эти два революционера заменили городской магистрат на так называемый «вечный совет», представительство революционных классов. Предположительно народ должен был избирать пасторов, которые, в свою очередь рассматривали бы дела в совете. Предполагалось, что совет будет выражать ту правду, которой народ обладает, но не может сформулировать.

Это должен был быть эсхатологический совет, *Konzil der Endzeit*, который установит истинно церковный порядок, как заключительный этап перед Вторым пришествием Христа. Хотя мы не знаем его методы работы, он, безусловно, должен был принимать решения, «гарантированные» Святым Духом. Подробности неизвестны, потому что «вечный совет» был свергнут, а всего через несколько месяцев Мюнцер и Пфайфер были обезглавлены по приказу ландграфа Филиппа Гессенского.

Такое явление как эсхатологический совет в различных формах продолжало появляться в период радикальной Реформации. В августе 1527 года два других лидера анабаптистов, Ганс Гут и Ганс Денк, создали совет (позже его назвали «Синодом Мучеников») в Аугсбурге для обсуждения непосредственной подготовки ко Второму пришествию, которое, как они надеялись, произойдет в воскресенье, в день Пятидесятницы следующего года. Уильямс, говоря об их ожиданиях, резюмирует: «Как когда-то в верхней комнате в Иерусалиме был созван первый Апостольский собор, и пламя Духа опустилось на участников, так во всей полноте Божьего промысла Дух сойдет снова в своей силе, помазав новых апостолов для последних дней перед Тысячелетним царством».

Вот еще один пример анабаптистского соборного мышления. В 1527 году Бальтазар Губмайер учил в Никольсбурге (Моравия), что отдельные местные церкви действительно могут допускать ошибки, но всеобщая церковь не может. Поэтому он был готов подчиниться настоящему всеобщему совету, где Дух Божий, который свободно дышит в каждом искупленном человеке, может компенсировать своим живым присутствием пристрастность плотских желаний.

И, наконец, мы могли бы отметить принцип *Sitzerrecht* или *Lex Sedentium* – мнение, широко распространенное среди анабаптистов, что местная община верующих христиан будет наполнена Святым Духом, когда ее члены вместе стремятся к общему пониманию отрывков из Писания. Увлеченность таким подходом к вдохновенной интерпретации Писания оставалось живыми в среде анабаптистов на протяжении многих лет.

Мы сконцентрировались на анабаптистской традиции именно потому, что это, вероятно, самый безопасный способ не попасть в ловушку. О непосредственном происхождении квакерской веры и практики целые поколения спорили энергично, но без большой уверенности. Эти истоки трудно определить именно потому, что существует очень много подходящих кандидатов. У сект, которыми изобилвала Британия незадолго до времени Фокса, многие выявляют то одну, то другую доктрину, проявившуюся и в квакерстве. В целом, что в этих сектах есть общего, так это охват ими до 50 процентов населения, которому навешивали ярлык заблудших людей, и признание ими, по крайней мере, некоторых основных элементов анабаптистского учения. Этого достаточно для утверждения, что понятие боговдохновенности объединенного сообщества, вероятно, было частью их религиозного мира. При

обсуждении каждой группы мы будем делать упор на прочно поддерживаемые ими доктрины, которые с большой вероятностью могли стать основаниями квакерской веры.

Возможные анабаптистские источники происхождения квакеров

Ранние мистики

Квакерские историки составили список анабаптистских мистиков шестнадцатого века, которые декларировали характерные также и для квакеров убеждения о прямом внутреннем общении человека с Богом и использовали такие «квакерские» термины как Внутренний Свет, Внутреннее Слово и Божественное Семя. Но они могут утверждать, что прямой связи между этими авторами и Джорджем Фоксом нет. Например, Уильям Брейтуэйт пишет: «Джордж Фокс не был поклонником других книг, кроме Библии, он не изучал движения, и в своих работах он показывает очень небольшое непосредственное знакомство с основополагающими трудами мистической религиозной традиции. Это верно и по отношению к Дьюсбери, Нейлеру, Хоугилу, Барроу и другим ранним создателям квакерства».

Хотя Руфусу Джонсу трудно найти значимые доказательства непосредственного влияния в трудах этих ранних Друзей, остается верным, что судья Хотэм, защитник Джорджа Фокса, писал о жизни Якова Бёме. А брат Хотэма, Чарльз, также знакомый Фокса, был переводчиком работ Бёме.

Фамилисты

Второй кандидатурой в источник анабаптистского влияния на квакеров является «Семья Любви» или фамилисты Генриха Николаса. Эта группа проникла в Англию в конце первой половины шестнадцатого века и на мгновение снова получила известность во времена республики. Община верила во Внутренний Свет и прочно придерживалась взглядов, что, вопреки учению Кальвина и Лютера, внутреннее совершенство может быть достигнуто каждым человеком. В дополнение к этому главному «квакерскому» принципу фамилисты предвосхитили квакеров в таких особенностях, как отказ давать клятву, неприятие войны и смертной казни, неприятие церемониального богослужения, предпочтение простой речи и брак без проведенного священником ритуала. Тем не менее, фамилисты проводили водное крещение и имели иерархию руководителей. Точный способ их богослужения не ясен.

Хотя многие ранние новообращенные квакеры действительно пришли из групп фамилистов, некоторые необычные фамилистские доктрины (например, о божественной плоти Христа) появляются во втором поколении квакерских произведений. Большинство верований, которые были сходными у фамилистов и квакеров, также совпадали с верованиями общих баптистов или сикеров. Нет никаких доказательств того, что в дни своих духовных поисков Джордж Фокс имел контакты с фамилистами, но многое указывает на то, что его ранние духовные обители были у баптистов и сикеров. Церковный историк Джордж Уильямс, конечно, прав, когда замечает, что «... морфологически английские фамилисты представляют собой переходную стадию между евангельским анабаптизмом и полностью лишенным

таинств спиритуализмом квакеров». Однако он возможно слегка и преувеличивает, когда добавляет, что «в определенной степени генетически» фамилисты привели к квакерству. Замечание Уильяма Брейтуэйта о том, что «пока что не обнаружен» достаточно четкий источник фамилистского влияния на Фокса, остается столь же верным сегодня, как и в 1912 году, когда Брейтуэйт это написал.

Сикеры

Третье возможное объяснение возникновения квакеров – через таинственное скопление молчаливых богомольцев, известных как сикеры [*англ.*: Seekers – «ищущие», – *прим. пер.*]. Считая, что в их век отступничества не существует истинной Церкви, они собирались, чтобы молиться в тишине, и ждали нового откровения. Они отказались даже от анабаптистских таинств крещения и евхаристии – до тех пор, пока не появятся достойные проповедники, люди апостольского уровня. Есть признаки того, что некоторые сикеры вообще сомневались в необходимости таинств даже после установления апостольских времен. Как и другие независимые секты, сикеры были против того, чтобы дни недели и месяцы назывались своими обычными именами, так как они названы в честь языческих божеств. Это тоже, в конечном итоге, станет квакерским свидетельством.

Еще одним свидетельством влияния сикеров на квакеров является то, что первоначальным самоназванием Друзей было «Дети Света», выражение, популярное среди сикеров. Так как в период непосредственно перед основанием квакерства Джордж Фокс провел много времени среди сикеров, и из их числа было множество новообращенных, не трудно понять, почему Руфус Джонс приходит к выводу, что квакерский способ богослужения «по-видимому заимствован у сообществ сикеров – в северных графствах Англии». Арнольд Ллойд идет дальше и говорит о том, что вероятным источником квакерского метода принятия решений также была практика сикеров, хотя он и не приводит обоснований такому предположению.

(Общие) баптисты, в особенности Джон Смит

Однако важно отметить, что вопрос происхождения может оказаться не столь простым, как кажется. Своеобразное название – Дети Света – не было выражением, используемым одними лишь сикерами. Его также употребляли и европейские анабаптисты. Томас Эдвардс в своем справочнике ересей «Гангрена» от 1646 года сообщал читателям, что в период сразу после 1640 года «число сикеров значительно увеличилось за счет независимых баптистов, оставивших свои конгрегации; так делали не только простые прихожане, но и служители». Писавший в то же время Бэйли подтвердил, что Спилсби, баптистский лидер, «признает, что многие баптисты становятся сикерами». Несмотря на то, что казалось бы туманные истоки происхождения сикеров восходят к английским, а не континентальным баптистам, во времена Фокса граница между баптистами и сикерами, возможно, была очень легко преодолима. Сикеры и баптисты придерживались одинаковых доктрин, с той разницей, что у баптистов практиковались крещение и евхаристия, а сикеры обходились без них, по крайней мере, до тех пор пока Бог не явит достойных апостолов.

Такое сходство этих двух сект объясняет, почему идеи Фокса нашли плодородную почву в обеих общинах. Его «Дневник» упоминает произнесенные им проповеди на

различных баптистских встречах в 1647 и 1648 годах. В 1649 году у него была религиозная дискуссия «в духе любви» со знаменитым баптистским проповедником Сэмюэлом Оутсом и другими. Дом со шпилем – обычное для Фокса уничижительное выражение для здания церкви – было не его собственным изобретением, а повсеместно использовалось у баптистов и до Фокса. Естественно, что Уильям Брейтуэйт видит в «ослабленной» баптистской общине в Ноттингемшире, которую Фокс посещал в 1647–48 годах, «путь, по которому баптизм сильно повлиял на квакерство». Руфус Джонс настаивает, что тот же контакт «впервые обеспечил Джорджа Фокса близкими по духу религиозными собратьями и развился под его руководством в самое раннее квакерское собрание. В поддержку этой же точки зрения можно сослаться на такой ранний источник, как труды Эфраима Пагита, современника Фокса, который писал, что «квакеры являются вдруг появившейся ветвью анабаптистов».

Здесь было бы хорошо заметить, что (ана)баптисты, которых мы упоминаем, – это группа, известная в Англии, как общие баптисты. Они придерживались арминианского понятия о том, что спасение открыто для всех людей. Частные баптисты не разделяли эту точку зрения. Они сохранили истинно кальвинистское понятие о предопределении: лишь немногие из жителей Земли были причислены к избранникам Божиим. Ноттингемшир, где Фокс обрел своих первых новообращенных и создал свою первую общину, был местом расположения одной из двух исходных общин английских общих баптистов, и в регионе было очень много баптистских общин, которые обязаны своим происхождением баптистской церкви, основанной два поколения назад Джоном Смитом, или церквям, тесно связанным с группой Смита.

Особенно интересны баптисты Джона Смита. Они появились в Англии, но преследования заставил Смита уехать в 1607 году с частью общины из Гейнсборо в Амстердам. Его община, чувствуя себя очень близкой по вере амстердамской Ватерландерской меннонитской церкви, в 1615 году объединилась с меннонитами, хотя сохраняла собственные богослужения до 1639 года. Эта близость к меннонитам подвигла Смита к собственному теологическому росту. Сильная приверженность Ватерландерской церкви спиритуализму отмечалась отказом от подготовленной проповеди, крещения и причастия в пользу совместной безмолвной медитации. Труды Смита содержат лексикон, который позже можно найти у Фокса: нужно предпринимать действия «для очищения истины» и «что истина, в которой мы ходим, может быть проявлена». Богослужение, по-видимому, включало в себя длительное молчание, спонтанное выступление любого участника, движимого Духом, отсутствие заранее подготовленных форм, например, произнесение заученных молитв, и даже отсутствие чтения Писания как части службы. Таким образом:

Дух охлажден молчанием, когда одному из сидящих является подходящий повод, и он удерживает его в себе вместо того, чтобы пророчествовать; Дух охлажден подготовленными формами поклонения, ибо дух не волен издавать звуки сам, но ограничен в этом... Рутинное произнесение подготовленных форм поклонения охлаждает Дух. Чтение подготовленных форм или поклонение по книге охлаждает Дух. Ибо в первом не Дух проявляется, но сила памяти, в другом повод идет не от сердца, но из книги. И поэтому ни в одном из этих случаев Дух не волен.

Сходство с квакерским молитвенным собранием очевидно.

Даже методы обращения с теми, кто допускал ошибку во время участия в богослужении, были похожими. В 1608 году Смит говорил: «Если что-то сомнительное или ложное будет явлено в форме духовного поклонения, это следует проверять и порицать позже». Фокс пишет в 1659 году: «что Друзьям не судить друг друга на собраниях, но если кто будет подвигнут [к такому], то делать это после собрания в частном порядке».

Смит, отец английских общих баптистов, и его паства возражали против обращения в суд на других членов, выступали против принятия присяги, рассматривали моральный аспект войны в лучшем случае как сомнительный, признавали приоритет внутреннего вдохновения от Господа над внешним писанием и заявляли, что если кто-либо верит в «небесную плоть Христа», Смит не «откажется от братства с ним». Такая позиция Смита значительно ослабляет аргумент Джорджа Уильямса о том, что источником теологии духовной плоти Роберта Баркли и Джорджа Кита должны были быть английские фамилисты. Во всех этих вопросах Смит предвосхитил взгляды, характерные для квакеров.

Даже идея о позволении женщинам проповедовать – относящийся к основным принципам Фокса – по-видимому, появилась в баптистских церквях Голландии. Она появилась у американских баптистов к 1636, а у английских – к 1641 году.

Что касается вопросов управления, анабаптисты в целом верили в дисциплину, вводимую сообществом. Сообщество у них было школой, где учителем был Христос. В теории, по крайней мере, анабаптистские пасторы и другие лидеры не обладали такой сильной властью, как должностные лица основных реформатских церквей. Смит привнес новый фактор, опять же важный для квакерства, – иерархическое ранжирование, свойственное другим амстердамским баптистам и пресвитерианам, было упрощено. Вместо этого были служители всего лишь двух видов: пасторы, которые могли выполнять такие функции как обучение и управление, и диаконы, которые занимались практическими деталями церковного устройства.

Ликвидация иерархии среди духовного руководства имела практический эффект – собрание (избравшее их) получило действительную власть над своими старейшинами, что было невозможно при иерархической структуре.

Английские баптистские общины сделали одно добавление к двухуровневой структуре Смита. Служители не получали руководство в одной общине, а постоянно путешествовали. На практике, как представляется, это уменьшало власть служителей в местных делах и усиливало местных диаконов.

Самые ранние квакерские общины, о которых у нас есть четкие письменные сведения – образованные из вестморлендских сикеров в 1652 и 1653 годах – по-видимому, переняли эту баптистскую модель. Друзья с выдающимися талантами проповеди получали формальное признание, им оказывалась помощь в поездках по общинам в качестве служителей без сана священника. Каждая местная община управлялась собственными старейшинами (наблюдателями).

И, наконец, Баркли цитирует привлекающее наше внимание письмо, в котором описывает деловое собрание, как оно проводилось в конгрегации Смита. Мы узнаем, что хотя все присутствующие «имели свободную волю голосовать решительно и

дебатировать», однако «ничего не должно приниматься *количеством или множеством голосов*, и не должно быть никакого председателя или же арбитра, следящего за порядком их действий». Представляется, что собрание, которое протекает без подсчета числа голосов и где не довлеет большинство, по существу, придерживается квакерского метода. *Возможно*, из практики Смита происходит квакерский метод принятия решений.

Конечно, гигантскую помощь принесло бы обнаружение какого-нибудь документа, который подробно излагал бы процедуру принятия решений у Смита, показывал бы, что она использовалась общими баптистами, встреченными Фоксом в 1647–48 годах, или сикерами – в 1652 году, а Фокс, признав ее пригодность, принял ее. Но такого волшебного документа нет. Нам остается лишь констатировать возможность того, что методы Смита все же повлияли на Фокса. Наверняка можно сказать, что канал влияния мог быть либо очевидным – через баптистскую общину, которую посещал Фокс, либо, что менее вероятно, – через общины сикеров, где было очень много бывших баптистов.

Оставаясь в неопределенности насчет способа передачи, мы можем быть более уверенными, утверждая, что, как минимум, община Смита была основным передаточным звеном, с помощью которого континентальный анабаптизм был перенесен в Англию. Неотъемлемой частью этого анабаптизма была вера в божественное водительство в общинах, где Божью волю ищут совместно. Джордж Фокс и его ранние последователи почти ничего не читали, кроме своих Библий. Их учение происходит из представлений, витавших в воздухе и знакомых различным религиозным общинам, которые они посещали. Как писала Агнес Тирни: «В самом деле, едва ли в послании Фокса была истина, которой не владели бы некоторые секты в Англии или на континенте». Но Фокс «открыл» истины, которые должен был доносить в проповедях через постепенно приходящие религиозные озарения, описанные в его «Дневнике». Если сегодня ученый может предложить вероятные источники идей Фокса, не существует никакой возможности игнорировать этот факт и достоверно определить конкретный источник каждой из этих идей.

Уместно будет привести мнение Руфуса Джонса:

Думаю, следует воспринять как должное, что Фокс не осознавал, в каком огромном долгу он перед современными ему движениями и духовными толкователями. Идеи и основные истины, которые врывались в его сознание как «открытия», «озарения» и «вторжения», витали в воздухе. Они были в книгах и их произносили в комнатах для молитв, чуть ли не в открытую, но для Фокса они не были реальностью и не подвигали его к действию до тех пор, пока не проросли в нем и не родились из его плоти и крови. ... Он не создал идеи, которые его движение воплотило в жизнь, но он лично обнаружил их, отождествил себя с ними, отдал им всю свою жизнь».

Боговдохновенная армия: дебаты в Патни

В качестве последней иллюстрация того, насколько были массовыми в Англии 1647 года ожидания божественной достоверности при принятии решений, давайте посмотрим на советы, которые предлагал Оливер Кромвель по вызывавшим разногласия вопросам в ходе дебатов в Патни, проводившихся в совете парламентской армии.

Участниками этих дебатов были пресвитериане государственной церкви, независимые конгрегационалисты, во многом разделявшие пресвитерианскую теологию, но защищавшие веротерпимость по отношению ко всем сектам, и сектанты с анабаптистскими и другими сепаратистскими взглядами, которые также добивались веротерпимости.

Первым делом Кромвель предложил сформировать комитет из выразителей всех точек зрения, чтобы сравнить идеи, «которые, как мы на самом деле понимаем перед Богом, есть основания наших желаний, и чтобы мы могли искать Бога вместе, и посмотреть даст ли нам Бог объединяющий дух». Он призвал всех согласиться с этой процедурой, ибо «я не сомневаюсь, если мы готовы в искренности предстать пред светом, который Бог пожелает пролить среди нас, Бог объединит нас и сделает нас едиными душой и разумом».

Несколько дней спустя Кромвель открыл заключительное заседание дебатов в Патни предложением, «всем говорить о своем опыте, как о том, что Бог дал в ответ на их молитвы». После того, как многие выступили, он заметил:

Воистину, мы выслушали обращающихся к нам; и я не могу не думать, что во многих из этих речей Бог говорил с нами. Я не могу не думать, что в большинстве сказанного было что-то от того, что Бог вложил в нас; и все же было несколько противоречий в произнесенном. Но, конечно, не Бог создатель противоречий.

Свое выступление он закончил собственными критериями духовного распознавания.

Я думаю, что мы обязаны прислушиваться к этому закону и этому [слову], звучащему [в нас], которые действительно есть в каждом человеке, имеющем Дух Божий. И мне кажется совершенно ясным, как мы должны судить об опасениях людей насчет определенных поступков, от Бога ли они или нет. Когда нет свидетельств силы Божьей, явственно нас убеждающих, лучшим способом для нас судить о соответствии или несоответствии закону, записанному внутри нас, который есть закон Святого Духа, разум Бога, разум Христа. ... Я не знаю никаких внешних свидетельств, которые были бы лучше тех, что исходят от Духа Божьего, чем эти: проявление смирения и снисхождения, милосердия и терпения, кротости и любви, и желание делать всем добро, и не уничтожать никого, кто может быть спасен.

Действительно, надежда на Дух Святой при принятии основных решений витала в воздухе. Заметим, однако, что метод Кромвеля, хотя и ищет единства, не требует его перед выполнением действий. Отметим также, что Кромвель не может просто заявить, как сделал бы Джордж Фокс, что есть что-то Бога, звучащее в каждом человеке; потому что для Кромвеля нужно слушать только «каждого человека, в котором есть Дух» – что более соответствует кальвинистской манере построения фраз в соответствии с принципом невсеобщего предопределения.

Критерии, предлагаемые Кромвелем для проверки, было ли сказанное от Бога или нет, весьма туманны: судить о «соответствии или несоответствии» высказывания по «закону, записанному внутри нас». Тогда же Кромвель использует мягкость *стиля* речи в качестве дополнительного показателя истинности сказанного – довольно слабый критерий, так как стиль речи может быть лишь притворством. Как отмечено в первой части данной книги, подобной неточностью также грешили Фокс и его соратники.